

СОДЕРЖАНИЕ

Страница главного редактора3

ПОЭЗИЯ

Михаил Комаров5
Елена Гончарова..... 169
Валентина Нарыжная..... 175
Александр Куприн 179
Раиса Котовская 295

ПРОЗА

Геннадий Рытченко
Сергей Скрипаль
Два друга *Повесть*9
Станислав Подольский
Атака *Поэма*..... 89
Игорь Берез
"Приказ" по-испански "orden"
(Главы из романа) 117

БРАТСТВО КАВКАЗСКИХ ЛИТЕРАТУР

Кали Джегутанов
Дамхур и Мамхур 185

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Айшат Дзыба
Художественное воплощение тысяче-
летней истории 291
Елена Иванова
Уроки ее пения..... 301

КРАЕВЕДЕНИЕ

Алексей Устинов
Мордовцев на Кавказе..... 309
Сведения об авторах..... 319
Главный редактор альманаха
«Литературное Ставрополье»
В. БУТЕНКО

*Литературное
Ставрополье
№ 2 (2016)*

© Правительство
Ставропольского края

ББК 84 (2 Рос = Рус) 6
УДК 821.161.(470.630)-8
Л 64

Редакционная коллегия:

**И. Аксенов, Н. Блохин, Е. Гончарова, А. Куприн,
Е. Полумискова, С. Скрипаль, О. Страшкова,
Т. Третьякова-Суханова,**

**Л 64 Литературное Ставрополье. Альманах. –
Ставрополь. 2016 г. № 2 .**

Адрес редакции:

355006, г. Ставрополь, пр. К. Маркса, 78.

Тел.: (8652) 26-31-50

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Технический редактор: Ю. П. Шаталов

Дизайн, верстка: А. П. Черкашина

Сдано в набор 07.07.2016. Подписано в печать 20.07.2016.

Формат 84x108 1/32. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Гарнитура «Georgia». Усл. печ. л. 10,0. Уч.-изд. л. 8,26.

Заказ № Тираж 979 экз.

ЗАО «Минераловодская типография», г. Минеральные Воды,

ул. Фрунзе, 33, тел.: 8 (87922) 7-67-17.

ISBN 978-5-905831-17-1

Хлеб наш насущный

Вот уже много лет выносятся на самый высокий законодательный и правительственный уровень вопрос о статусе писательской и других творческих профессий. Удивительно, но у нас, в стране, если верить букве трудового законодательства, не существует ни писателей, ни художников, ни композиторов. При этом никто не спорит, что есть люди, которые посвящают себя литературе, сочинительству музыки и прочим видам искусства, но это – как бы самозванцы, и их деятельность не относится к общепринятой трудовой. Потому все творческие Союзы и причислили к общественным организациям вроде «Общества пчеловодов»...

Абсурдность такого положения особенно очевидна в те дни, когда президент В.В. Путин вручает государственные премии нашим выдающимся современникам: В. Распутину, Б. Ахмадуллиной, В. Гergiеву. Глава государства и другие мудрые люди понимают, сколь важна духовная энергия, воплощенная в художественных образах и творческом осмыслении жизни, для нашего общества, испытывающего экономические трудности и злоумышленную иноземную враждебность. «Болящий дух врачует песнопенье», – утверждал великий Баратынский. Талантливое

Страница главного редактора

и яркое слово поэта, проникновенная музыка композитора, согретое искренностью полотно художника – вот что живительно воздействует на душу, что способно наполнить ее ощущением красоты, добра, оптимизма. Увы, который год бесконтрольный разгул шоу-бизнеса, бандитские и обывательские телесериалы, пустопорожные модернистские вернисажи...

Член Союза писателей России, министр культуры страны В. Мединский, принимая участие в XIV съезде нашего творческого Союза, высказал свое мнение по этому вопросу, и оно полностью совпадает с мыслями писателей. Давно назрела необходимость принятия закона о творческих Союзах. Но предприятие сие ходит по кругу, по разным инстанциям. И, по словам министра, проект этого закона увяз в недрах Государственной Думы. Безусловно, проблем и забот у депутатов было предостаточно. Но разве духовное состояние российского общества, его моральная атмосфера не дело государственного значения?

На недавнем собрании краевой писательской организации добрые слова были сказаны в адрес губернатора и правительства Ставропольского края за поддержку краевых отделений творческих Союзов, уже второй принимавших участие в фестивале «Белая акация» и других масштабных проектах, за внимание к творческой молодежи.

Долгие часы и дни, месяцы проводит писатель за столом, создавая свои произведения. Разумеется, велика разница между любителем и профессионалом, не только имеющим членский билет, но и достигшим художественных высот. И литератор должен быть защищен государством как статусно, так и материально. Ибо шедевры требуют полной самоотдачи и долгого упорного труда. Все мы надеемся на наших земляков, депутатов новоизбранной Госдумы России, что эта наболевшая, хотя и непростая, проблема, касающаяся тысяч людей, всей творческой интеллигенции страны, будет решена.

Дума

Я часто думаю о Родине,
 Когда односельчане спят.
 Вдыхая запахи смородины,
 Иду я мимо сонных хат.
 Какая тихая окраина,
 Какой глубокий окоём!
 Иного и не надо рая нам,
 Чем тот, в котором мы живём.
 Немало горя мы извели
 И крови пролили в боях,
 Чтоб с долгожданною Победою
 Вернуться в отчие края.
 И пусть теперь нам сердце

радует

Спокойный этот окоём,
 И вечно будет нам наградю
 Тот край, в котором мы живём.
 В нём всё родное до

травиночки

В тяжёлом росном серебре,
 И словно в розовой косыночке,
 Моя Отчизна на заре.

И до последнего дыхания
 Я буду верен ей одной.

Готов пройти все испытания,
 Чтоб вечно жить землёй

родной.

Чтобы в рассветах синих

Родина

В зовущем мареве крутом
 Настояем спеющей смородины
 Меня вела за окоём.

**МИХАИЛ
КОМАРОВ**

Поэзия

Колокола памяти

Суровой памяти внимая,
Стою у Вечного огня
И пышное цветенье мая
Не замечаю в свете дня.
И опуская осторожно
На пьедестал букет цветов,
Как будто слышу вновь тревожный
Набатный звон колоколов.
И снова видятся мне доты
И переправы среди тьмы,
И безымянные высоты,
И поимённые холмы.
Был до Берлина путь неблизким.
Мы шли вперёд – из боя в бой.
За нами встали обелиски,
Они остры, как наша боль.
Врагам отомщено за беды
Солдатской стойкостью стальной.
И долгожданный День Победы
Расцвёл салютом над страной.
О тех бойцах, о тех ребятах,
Отдавших жизнь, чтоб жизнь была,
В народной памяти набатом
Пускай звучат колокола!

Возвращение

Никогда луна так не светила,
Не мерцали звёзды так светло!
И меня волнует с новой силой
Вид с пригорка на моё село.
Тучи за ночь разогнало ветром,

И над степью небо – синий зонт.
А вокруг на много километров
Удалился сизый горизонт.
Так зовёт знакомая дорога!
Позади все горечи разлук.
Я спешу к родимому порогу,
Я спешу к теплу родимых рук.
Я признаюсь: Родине повсюду
Верен был в поступках и речах.
С добрым утром, дорогие люди!
Здравствуй, мой родительский очаг!

Встреча с другом

За окном поёт, лютует вьюга.
Заметёт дорожки или нет?
Я сегодня повстречался с другом,
Давним другом отшумевших лет.
Потому тепло так и уютно
Нам вдвоём за праздничным столом.
Раздаётся «помнишь» поминутно
Об ушедшем, дальнем и былом.
Не на шутку вьюга разгулялась
И упрятала в сугробах день.
Только мне сегодня примечталось,
Будто снова зацвела сирень.
Будто кто-то землю осыпает
Лепестками казанлыкских роз,
И цветами радуга играет
Освежающих весенних гроз.
На душе от дружьей встречи ярко,
И мечта вперёд зовёт, зовёт.
Милый друг! Давай поднимем чарки:
Новый год стучится у ворот

Чувство Родины

Я в настрое таким ещё не был.
Даль подёрнулась дымкой слегка.
Голубое глазастое небо
Обрядило себя в облака.
Милый край, я люблю тебя очень!
Мой весёлый здесь начат путь.
То ль от радости плачут очи,
То ль от счастья сжимается грудь?
Я сегодня, наверное, знаю:
Как бы ни была даль хороша -
К благодатному этому краю
Прикипела навеки душа.
Здравствуй, нива моя золотая!
Я навек очарован тобой.
Сердце бьётся и нежно тает
Окрылённое щедрой судьбой.
Потому оно искренне радо
Всем живущим в родном селе.
Для меня – неоплатной наградой
Чувство Родины на земле.

Два друга

Повесть
(окончание)*

Глава 10

Штык-нож

В первый же год службы Федюня подружился с автоматом, с фляжкой, с поясным ремнём, – со всем, что положено солдату. Но вот со штык-ножом, как ни прилаживался, дружбы не получалось. Причём на учениях, когда приходилось присоединять ножны к лезвию, резал проволоку, как и все остальные; втыкал штык-нож в чучела, набитые соломой, – и ничего. Абсолютно всё было в порядке. Но вот когда... Впрочем, по порядку.

Как-то, ещё в учебке, находился взвод в карауле. Федюне достался пост на учебном аэродроме, обнесённом колючей проволокой, с прожекторами по углам квадратной территории. Был декабрь. Снегу намело полно, морозец. Но сырой, промозглый ветер не давал снегу захрустеть, всё равно он подтаивал: то зашуршит и гулко рухнет с крыши мастерских, то сосулька, сорвавшаяся с крыла самолёта, звякнет. Федюня кутается в

**ГЕННАДИЙ
РЫТЧЕНКО**

**СЕРГЕЙ
СКРИПАЛЬ**

Проза

*Начало в № 1 2016 г. нашего альманаха.

длинный, до пят, караульный тулуп, тяжело ходит в валенках, натянутых прямо на сапоги. В общем-то, Федюне не страшно. Скучно только, развлечься нечем. Курить не хочется, да и по уставу нельзя. Ходил так Федюня, ходил, изредка вздрагивал от непонятных звуков. Прицеливался из автомата в воображаемого врага, резко высовывался из-за углов строений, перебегал от самолётов к вертолётам, представляя, как будет задерживать забравшегося на пост злодея с обязательным криком: «Стой, кто идёт!», досылом патрона в патронник и следующей командой: «Стой, стрелять буду!», затем выстрелом вверх. А потом всё как-то невнятно представлялось в сладкой мути: конечно, в умелом бою злодей взят, следом – слава, может быть, награда и призовые десять суток отпуска домой. А там... И Федюня аж зажмурился от представляемых удовольствий. Ясное дело – поход в клуб на танцы в парадной форме, с тускло мерцающей на груди наградой. Федюня её ещё не представлял, успокаивая себя, что потом разберётся, что за награду ему присвоили.

Яростный стук поезда, пробежавшего по недалёкому железнодорожному пути, помешал размышлениям. Федюня вновь заходил по надоевшему посту. Подошёл к огромному тополю и, прошептав: «Стой, кто идёт!», нанёс примкнутым к автомату штык-ножом удар в ствол. Штык покорно вошёл в древесину. Федюня потянул оружие на себя. Не-а!.. Штык сидел прочно. Федюня потянул ещё и ещё. Результат тот же. Тогда он принялся раскачивать автомат, потихоньку пытаясь высвободить лезвие. Еле слышное «кряк» судным колоколом раздалось в голове часового. Безобразный обломок ножа торчал из дерева, и над стволом автомата – такая же безобразная ручка. Как дальше дело было – чего уж и рассказывать. На «губе» трое суток Федюня отбыл без поблажек и снисхождений.

Так и пошло. Однажды, уже на другом посту, огороженном двойным рядом колючки, Федюня пострадал из-за комбата Халеева, вздумавшего про-верить молодого бойца.

– Рядовой, – произнёс майор, размышляя про себя, чего б такого сказануть, – даю вводную! Противник нападает вот из-за тех кустов, – уже уверенно Халеев ткнул пальцем на густой ольховник, росший неподалёку от входа на пост.

Федюня рухнул плашмя на землю, срывая предохранитель автомата и передёргивая затвор, лихо перекрутился через спину к опоре прожектора и, конечно же, ударил по ней штык-ножом, от которого немедленно отскочил обломок.

Ещё? Пожалуйста! Кто стоял по молодости лет дневальным «на тумбочке», знает, что хуже ничего нет. Все дрыхнут, только дежурный по роте сидит в канцелярии, позёвывая, читает книгу и курит. Федюне тоже хотелось курить, но долг обязывал стоять ещё полчаса. Это позже можно будет пару часов прикорнуть и опять – на пост. В самом первом наряде по роте, стоя «на тумбочке», Федюня, дождавшись отбоя, вынул штык-нож из чехла, покрутил его так и сяк, полюбовался матовой поверхностью металла, поелозил пальцем по тыльной стороне, где имелась насечка «для пилки дров», так её называл сержант взвода. Провёл ногтем по лезвию, убедился, что резать таким ножом практически ничего нельзя, вздохнул и сунул штык обратно в ножны.

Э-хе-хе-хе... Тягомотно! Все спят, а лучший друг Борисыч не спит. Он – дежурный по роте, но, хотя и находится в десяти шагах, поболтать с ним, стоя «на тумбочке», нельзя – устав! Федюня заинтересовался кольцом на ручке штык- ножа, погладил его гладкую поверхность, слегка источенную от времени. Чёрт его знает зачем, но Федюня помедлил и... засунул указательный палец в это кольцо. Палец

вошёл запросто. Тааак... а назад? Не лезет назад!.. В суставе застревает. Федюня засопел, потянул сильнее, придерживая нож другой рукой. Никак!

– Борисыыыч... Борисыыыч..., – потихоньку позвал Федюня, не смея отойти ни на шаг от боевого поста, вытягивая шею, пытаясь заглянуть за угол, откуда была видна открытая дверь канцелярии. Не удалось, и Федюня позвал громче:

– Борисыыыч....

Где-то на первом этаже казармы громохнула дверь. Федюня от ужаса вспотел. А вдруг это дежурный по полку?

– Борисыыыч..., – уже почти в полный голос проскулил Федюня.

– Ну, чего тебе, – злобно зашипел появившийся, наконец-то, Борисыч, заспанно щурясь в полумрак коридора. – Чего орёшь?

Федюня ткнул левой рукой в капкан штык-ножа.

– Тут, понимаешь... Это... как его...

– Ах, ты, – Борисыч выругался от неожиданности. – Ну, Федька, ну, гад! Ты специально?

Федюня только жмурился в ответ, что-то бормотал, жалко оправдываясь и дёргая рукой.

– Да погоди ты, – соображал Борисыч. – Не дёргайся! – успокаивал он, пытаясь круговыми движениями стянуть штык с заметно припухшего пальца Федюни.

– Вот же хрень какая! – Федюня осмелел. – Слышь, Борисыч, давай я слюной натру.

Федюня плюнул на палец, растёр слюну. Не-а, палец никак не хотел вылезать из тисков кольца. Наконец Борисыч сообразил – сбегал в кубрик, приволок кусок мыла. Федюня опять наплевал на палец, намылил погуще, и кольцо почти без усилий покинуло настрадавшееся место.

– Иди спи, – буркнул Борисыч. – Балбес!

За всей этой вознёй время пролетело незаметно. Федюня разбудил второго дневального и, не раздеваясь, лёг.

Уже утром, после подъёма, когда рота ушла на завтрак, Федюня стоял в очередную смену «на тумбочке», предвкушая, как он вскинет руку к виску и заорёт хорошо поставленным голосом при появлении командира: «Рота, смирно! Дежурный по роте, на выход!». Федюня даже разволновался, представляя себе эту замечательную картину. Начал одёргивать китель, чтобы ни одна морщинка не выглядывала, поправил галстук, подровнял фуражку. Уже на втором этаже слышались чьи-то шаги. Федюня резко опустил руки вниз, принимая стойку «смирно», и палец сам влетел в растреклятое кольцо штык-ножа...

Командир роты был озадачен видом дневального, стоящего спиной к двери, согнувшегося, пытящего, бормочущего что-то невнятное, дёргающего локтями.

– Дневальный, – негромко окликнул капитан.

Федюня дёрнулся, повернувшись красным, потным лицом к командиру и, роняя фуражку, пролепетал ненужное:

– Рота, смирно! Дежурный, на выход. – Тщетно при этом дёргая правой рукой с намертво зажатым в кольце штык-ножа пальцем.

Эх, если бы только это. Ну, посмеялись в роте, позабавились над Федюней и забыли. Так нет же. Дальше было хуже.

Уже в Афгане Федюня сломал не меньше пяти штыков. Солдаты развлекались, играя в детскую игру «ножички», втыкая в песчано-пыльную мякоть земли штык-ножи то «с локотка», то «с плеча». Федюня вошёл в азарт, плюнул на зарок – не прикасаться к этой хрупкой вещи – бросил штык «с паль-

чика» и попал в камень, предательски скрытый тонким слоем грунта. Надо ли говорить, что штык-нож пришлось менять? В рейде все открывали консервы именно штык-ножом. И ничего. Стоило это же сделать Федюне, а Борисыча рядом не оказывалось, – результат был один!

Вот ведь какая война нешуточная разгорелась между неодушевлённым предметом и вполне даже сообразительным и хорошим солдатом! Поэтому Федюня таскал с собой маленький консервный ключ и перочинный нож. И штык-нож носил, как все. Положено по уставу, что тут поделаешь!

Случилось так, что на прочёсывании кишлака Федюня оторвался от своего напарника Борисыча, скользнувшего во дворик за высоким дувалом. Федюня видел, что Борисыч исчез, и двинулся вдоль глинобитной, покорёженной пулевыми отверстиями и выбоинами стены назад, чтобы в случае чего прикрыть друга. Борисыч уже смело топал по двору, давая тем самым понять, что здесь всё в порядке. Федюня выдохнул успокоенно, поправил ремень выставленного вперёд автомата и устало оперся плечом о тёплую стену. Тут-то и навалился откуда-то сверху на него дух. Выбил из расслабленных рук оружие, зажал рот солдата горячей ладонью, а другой рукой схватил его за горло, пытаясь вырвать кадык. Федюня даже и не думал кричать, отдавая все силы тому, чтобы как-то вывернуться из жёсткого захвата, дать возможность воздуху прорваться в лёгкие. Он яростно вцепился в душившие его пальцы, но не смог отлепить их от горла. Наконец Федюня сообразил каким-то уголком подёрнутого туманом сознания и, с трудом разлепляя раздавленные в кашу губы, грызнул передними зубами мизинец напавшего. И тут ему не повезло. Как раз на мизинце духа красовался серебряный перстень с камнем. Зубы

Федюни, ломаясь от силы челюстей, соскользнули с него и уже острыми обломками впились в палец.

Дух дёрнул рукой, но тут же сильнее сдавил ею шею шурави, помогая другой руке, уже давно душащей Федюню. Этих секунд солдату хватило, чтобы суметь перевалиться на бок и всадить в спину афганца непонятно как попавший в руку штык-нож. Душман завизжал, отталкивая от себя врага, который ещё и ещё раз воткнул штык в уже ослабленное тело духа. Федюня поднялся на колени, враг ещё был жив, изо рта его текла кровь со слюной. Он потянул руки к шурави, страшно блестя белками глаз. Федюня как-то равнодушно ткнул его в живот штыком ещё несколько раз, не замечая бьющейся блестящей внутренности, пульсирующе выползающей из живота, распространяющей жуткое зловоние.

Подбежавший Борисыч оттащил друга за плечи от трупа.

– Федюня, Федюня, ты цел?! – Борисыч ощупывал окровавленного напарника.

– Ты глянь, Борисыч, – хрипло отплёвываясь кровью, бормотал Федюня. – Нож-то... не сломался...

И засмеялся счастливо, кривя лицо болезненной гримасой.

Глава 11

Курилка

Командир полка давно ругался:

– Мать вашу, что за бардак! Куда ни глянь – везде окурки. Даже на взлётке, да что там, у самолётов и вертолётотв курят! Старшина, в трёхдневный срок построить курилку!

Но назначенные трёхдневные сроки пролетали один за другим из месяца в месяц. Солдатам не

когда, они загружены до предела. То предполётная подготовка, то послеполётная проверка, зарядка аккумуляторов, фотоустановок, пополнение боекомплектов, латание дыр в фюзеляжах бортов, выгрузка раненых. Да что, дел на войне мало, что ли!

Полковник забывал об указаниях, сам участвовал в боевых вылетах. Проблем по горло: то молодой летун загарцует на «восьмёрке», на низких высотах бомбит духов – храбрость свою показывает, то «вертушку» подобьют – и надо поиск налаживать, то солдаты части подерутся с соседями-зенитчиками. Эх-хе-хе... Приходится смотреть сквозь пальцы на такую мелочь, как отсутствие курилки. Так шло бы и дальше неизвестно до какого долгого времени, но последней каплей в озере терпения полковника стал прапорщик Мерзликин из технической группы авиационного вооружения. «Намассандрившийся» с утра и блаженно курящий под солнышком прямо у топливозаправщика, из которого заливали керосин в вертолёт, Мерзликин получил по самое «не грусти». И на ближайшие неполётные по случаю плохой погоды дни всё-таки была назначена стройка.

Вяло взялись солдаты за это дело, но по ходу работы разохотились, отошли от первоначальной куцей идеи – построить просто навес. Борисыч, собирающийся после дембеля поступать в строительный техникум, балдея от удовольствия, сделал чертежи и даже утвердил их у командира.

В три дня возвели храм для курения. Постепенно в строительство втянулся весь полк. Резали на куски старые вертолётные лопасти, аккуратно стыковали их. Доски от «нурсовских» ящиков и брусья от бомботары аккуратно распускали на скамейки и покатую крышу строения.

И в итоге курилочка получилась – просто класс! Ммммм... загляденье!

И опять же – большая польза. Просто так шляться по части не дадут, но кто ж не знает, что если солдат в курилке сидит, значит, занят. В этот момент его ни змея не укусит, ни старшина на работы не дёрнет. Занят солдат! Положено по уставу курить в курилке, вот он сидит и курит, что приравнивается к естественным потребностям и уставом не запрещается.

– Ну, прямо не курилка, а дворец! – восхищался Федюня и для завершения архитектурного ансамбля самолично вскарабкался на самый верх крыши и прикрепил в виде шпиля штырь приёмника воздушного давления от «МиГа-17».

Курилка тускло сияла под солнцем, давая благородные платиново-серебряные блики, и Федюня с позволения Главного Архитектора голубой краской провёл линии по рёбрам бывших лопастей, заканчивая строительный этап.

Отошли подальше, чтобы полюбоваться, закурили. Тут Борисыч вскрикнул:

– Мужики, так ведь курилка-то ещё не того... Тьфу, чёрт, а окурки куда бросать?!

Федюня метнулся к складу горюче-смазочных материалов. Пообещав пару «банок» «кишмишевки» прапорщику Мерзликину, получил разрешение на бочку из-под мазута, повалил её и прикатил к месту строительства.

До вечера выжигали бочку. Командир ворчал, что по всей взлётке рассыпалась сажа, но ворчал добродушно и явно был доволен. Уже почти ночью Борисыч с Федюней аккуратно обрезали «болгаркой» верх обожжённой бочки и вставили её в заранее вырытую яму.

Часов в шесть утра почти весь полк уже был на оборудованном для курения месте. Кто захватил место на скамейках и, смакуя, курил уже по второй сигарете. Кто поместился в восьмигранник – бы-

стро докуривал, бросал в бочку окурки, выбирался из тесноты, уступая место другим.

– Эх, далековато построили, надо было поближе к метеостанции, туда от всех служб быстро дойти можно, – упиваясь славой, приговаривал Борисыч.

– Да ладно, там ещё одну построим, даже лучше, теперь опыт есть, – сказал Федюня, тревожно прислушиваясь к возможным критическим высказываниям солдат.

Но все были довольны. Командир даже пообещал подумать о поощрении строителей.

На взлётке в это время готовили к боевому применению вертолёт. Технари заныривали внутрь бортов, проверяли узлы и агрегаты, где-то уже начинали почихивать двигатели. Прапорщик Мерзликин, которого позвали убедиться в том, что в противообморозительной системе не оказалось спирта, сидел в кабине «Ми-8», куда Федюня, выполняя вчерашний договор, подсунил «кишмишевку». Прапор «лечился» ею, удивляясь и размышляя, а куда же делся спирт, и прикидывал, стоит ли подать рапорт на начальника склада или лучше решить дело полюбовно. Вроде того, что взять посудину, налить в неё «массандры» и заправить систему, не забывая и себя. Эта идея понравилась, и, успокоившись, Мерзликин представил себя суровым боевым лётчиком, падающим с небес на немирный афганский кишлак. Сжимая рукоять управления, он загудел, задудел, изображая шум двигателя вертолэта, и... нажал на кнопку пуска реактивных снарядов, мгновенно трезвея от ужаса – предохранитель не был опущен...

Солдаты брели на завтрак, с неохотой покинув курилку, изредка оглядываясь на неё и размышляя о том, что после еды просто необходимо покурить.

Федюня развивал идеи по благоустройству территории, прилежащей к курилке, и убеждал Бори-

сыча разработать проект озеленения «очага культуры», начав, конечно же, с рытья арыка, – «а то ничего не вырастет». Борисыч только хотел возразить другу, что курилку почти год собирались строить, а уж арык..., но не успел. Со взлётки за спиной раздался этакий характерный звук: «Шшшшшхххххх...».

От камуфлированной «вертушки» волнообразно летел снаряд, оставляя за собой белый след. Он влетел в курилку, разнеся её в клочья на безобразные, оплавленные куски дюрала.

Протрезвевший было, но тут же совершенно опьяневший от ужаса Мерзликин, выпав из кабины вертолётa, уже шёл к расвирепевшему полковнику на подгибающихся «макаронных» ногах, шепча белыми губами оправдания.

* * *

Месяца через два, уже осенью, когда самолёт, доставлявший солдатское довольствие, был сбит на посадке, и табачный голод достиг предела, Федюня курил газетную самокрутку, зорко оглядывал территорию в поисках окурка и сказал Борисычу, занятому таким же делом:

– Хорошо хоть курилки нет, где бы мы курево добывали? Там же как: окурков в бочку набросали и туда же наплевали, кто их потом курить-то будет?!

Борисыч поспеел и вместо ответа дал Федюне крепкий подзатыльник.

За что, спрашивается?

Глава 12

Проверка

Проверка.... Это слово повергло весь полк в бурную созидательно-хозяйственную деятельность. Забегали все – от командира полка до самого зачу-

ханного солдата, вечно сопливого Алимки Теймуразова! Ещё бы, из самого ТуркВО понаедут генералы! Суровые и неприступные, они будут шерстить и «строить», соваться всюду, порядок наводить и за беспорядок «гривы сшибать» всем подряд! Так уж лучше предусмотрительно убрать, навести порядок, и приукрасить всё, что только можно!

Два дня «причёсывали» прилегающие к самой взлётной полосе пески. Этими же самыми пыльными песками засыпали то, что осталось от взорванной курилки. Под страхом «губы» вминали окурки в землю и затапывали. Стало почище, поаккуратнее, надо признать! Мало этого было для приёма комиссии! Крайне мало. А чем-то надо отличиться, выделиться. Ну что тут покажешь?! Выгоревшие палатки, плац, в своё время укатанный минным тралом и залитый водой, после чего солнце спекло подготовленную поверхность до твёрдости бетона (кстати, хороший способ – что-то вроде катка получается. Кое-где в Афгане так строили даже взлётки для самолётов!)? Правда, на этом плацу редко строили личный состав. Даже перед рейдами полк становился вдоль палаток.

Замполит Губарев маялся, места себе не находил. С кого будут спрашивать за политическую подготовку личного состава, как ни с него? А блеснуть-то нечем!

– Вот же, твою мать! – матерился майор, беспомощно размышляя, чем-таки удивить комиссию. Не, не варит голова. Чем ты их удивишь в пустыне? Не фонтан же для них построить! Он морщился от головной боли и уходил в столовую, где ему становилось легче при виде солдат, битым стеклом отскабливающих до сахарного блеска столы и скамейки.

У входа в палатку пищеблока столкнулся с командиром. Полюбовались вместе заблеставшими

предметами быта, покурили, поскребли в затылках. Замполит попросил совета.

– Слушай, Семёныч, – задумался полковник, – а ты бы какие-нибудь стенды сделал, что ли. Там для постройки ДОСов* фанера есть, возьми сколько надо, и напишите что-нибудь такое, знаешь...

– Есть! – возликовал майор и заспешил к складам, сожалея на ходу, что не дошла до него такая простая мысль. Засохли мозги к чёртовой матери на этой войне!

Ну, конечно, стенды! Наглядная агитация! Придумались майору какие-то яркие плакаты с лозунгами, выписками из уставов, суворовскими поучениями и маршрутом славного боевого пути полка. Правда, Губарева смущало, что до проверки оставалось всего три дня, а ещё даже фанера по размерам не была разрезана, но он себя подбадривал.

– Ничего-ничего, – не давал поглотить подступающей тоске радость находки, – художников со всего полка соберу, сутками рисовать будут. Пусть в полку сидят, в рейд не пущу! – соображал майор. Он указал солдатам и начальнику склада, какие листы фанеры вытаскивать и как их резать. И стоял над душой у исполнителей, пока не убедился, что всё сделано правильно. Можно было начинать рисовать, но...

... Увы! Художников в полку не нашлось вообще никаких... Маляры, плотники, это – пожалуйста! С нашим глубоким уважением! А вот рисовать некому! Отчаялся замполит, затосковал больше прежнего. Но времени терять не стал. Решил сам рисовать, копировать по квадратикам. Достал учебники «Два мира – две системы», «Боевая и политическая подготовка солдат» и прочие и стал расчерчивать понравившиеся рисунки...

Федюня с Борисычем получили задание загрнтовать фанеру – подготовить к рисованию. В водо-

эмульсионную краску добавляли гуашь, тщательно размешивали, и Федюня старательно покрывал равномерным слоем будущий шедевр армейского искусства. Потом на подсохших листах Борисыч расчерчивал простым карандашом увеличенные квадраты в тех местах, где замполит собирался живописать. Двое суток не покладая рук, с короткими перерывами на сон и еду, друзья набивали через целлулоидный трафарет тексты густой гуашью, вытирали и подкрашивали грунтовкой те места, где поролоновый тампон выходил за края трафарета, сверяли оттиснутое с оригиналом, чтобы, не дай бог, ошибки не случилось.

М-да-а-а-а-а.... Чудо, а не планшеты получились! Третьяковская галерея! Весь полк к ним как на экскурсию ходил, когда выставили их вдоль палаток на просушку. Замполит ликовал, а Федюня с Борисычем ревниво охраняли дело своих рук, никого не подпускали, чтобы не запылили! А некоторые, особо одарённые, дай волю, – ещё могут и руками залапать!

Губарев торжествовал, а довольный командир полка пообещал подумать об отпусках для «художников» и награде для замполита. Правда, после проверки и если она пройдёт нормально.

Чтобы драгоценные планшеты не пострадали от неизвестных опасностей, на ночь перед днём прилёта генералов майор Губарев распорядился занести их в палатку, из которой выселили всю роту на улицу. Охранять драгоценную наглядную агитацию остались только те, кому замполит мог их доверить – Федюня и Борисыч. Для этих доверенных лиц майор из своих запасов выделил пару банок тушёнки и вкусного итальянского томатного сока, перченого и подсоленного, который можно было купить только в «Берёзке». Заслужили бойцы, что уж тут сказать!

На плацу солдаты красили нитрокраской рамы, чтобы раненько утречком выставить в них планшеты по всему периметру.

Борисыч улёгся на койку и задремал. Федюня сидел у буржуйки, таращился, вглядываясь в освещаемые бликами огня силуэты кривобоких солдат, косоватых самолётов и танков, изображённых неумелыми руками. Любовался! Думал даже, не податься ли после службы в художественное училище.

Захотелось есть. Федюня потянулся, зевнул громко и забросил тушёнку в угли буржуйки, предвкушая, как вкусно они с Борисычем сейчас поедят: свинина в консервной баночке дойдёт до кипения и прижарится к стеночкам, создавая неповторимую аппетитную корочку. А с томатиком! Чудо!

Зашёл замполит, зачем-то в тридцатый раз пересчитал планшеты, сверился с планом завтрашней их установки, угостил «родопиной» Федюню и оставил ещё одну сигарету для Борисыча. Полюбовался на планшеты, потёр ладонями уставшее лицо и ушёл. Федюня выкурил болгарскую сигарету до фильтра, поставил котелок с водой для чая на печку и пошёл будить Борисыча. Ужинать пора.

Борисыч никак не хотел просыпаться, бурчал что-то, отпихивал Федюню локтями, потом сел, не понимая, где он и чего от него хотят.

А Федюня уже с кочергой в руках лез в буржуйку. С ужасом он увидел, что банки не по-доброму раздулись. Заторопился, подцепил железной загогулиной одну, вторую, и потянул к себе. Именно в это время и хлопнуло. Шпок!...Один раз. Шпок!... Второй.... Кусочки мяса, брызги жирного сока, завихрения пепла выхлестнули из печки и, ошпарив, обдали Федюню с головы до ног. Да и хрен бы с ним, с Федюней! Самое страшное, что два верхних план-

шета из общего числа стопок попали как раз под поток фонтана горячей тушёнки.

– Ах!.. – всхлипнул Борисыч и кинулся к планшетам. Федюня, совершенно обалдевший, стоял и смотрел на весь кошмар, который свершился по его вине. Трясущимися жирными руками, с которых стекала остывающая тушенка, он взял банку с томатным соком и потянул язычок крышки на себя. Банка выскользнула и упала, предательски окропив и без того сильно пострадавшие планшеты.

Всю ночь Борисыч с Федюней трясушимися руками подкрашивали поплывшие буквы. Грунтовали пострадавшие места при свете той самой буржуйки. Но, ...увы! Жировые пятна выступали на «Боевом пути полка», а томатные капли никак не хотели закрашиваться, только чуть поблекли.

Ранним утром пришли солдаты, закрепили планшеты в рамах. Замполит только издалека видел, что все в порядке. Так и не успел поближе рассмотреть. Некогда было. Генералы прилетели в шесть утра. На их суровых, неприступных лицах читались явные признаки вчерашних посиделок в Кабуле.

Быстро прошли в штаб, потом в офицерскую столовую, а после нее, уже подобревшие, размягченные, не торопясь двинулись осматривать территорию полка.

Федюня с Борисычем, приседая, прятались за палатками, ожидая неминуемой жестокой расправы за загубленные надежды замполита. Не находили себе места – вот-вот раздастся грозный окрик. Полдня протомились в страхе. Курили бесконечно, не замечая крепости и вонючести «Гуцульских», мучились от жажды, но не смели покинуть своего укрытия. Однако все было тихо....

Бесконечно прятаться и трястись от страха нельзя. В конце концов, голод, жажда и остальные

естественные потребности выгнали вандалов из укрытия. Ничего, всё спокойно...

В итоге всё обошлось. Отпуск, конечно, Федюня с Борисычем не получили, так же, впрочем, как и замполит свою награду, но не было и взыскания!

Уже через день после отъезда проверяющих замполит рассказал, что главному из них особенно понравилась художественная находка на планшете «Боевой путь полка» – он похвалил художника, искусно изобразившего в память о павших подобие бурых пятен крови на камуфлированном фоне!

(*ДОСы – дословно: дом офицерского состава. На самом деле, в Афганистане строились такие дома-бараки, где жили офицеры. Сплошная фанера. Позже даже стали разделять на комнатухи той же самой фанерой, вонючей от выступающего на жаре клея и ярко блестящей).

Глава 13

Эпизод

Вообще-то, выносной пост первого эшелона – это удалённая граница охраны чего-либо, в данном случае – Кандагарского военного гарнизона. В основные задачи входят наблюдение, передача данных в штаб бригады, полка, роты и ввязывание в бой, если этого не избежать, с посильным уничтожением противника, до тех пор, пока не подтянется помощь. Если через первый эшелон враги так-таки прорвались, то их встретит второй выносной пост, посерьёзнее. На нём, обычно, находятся в капонирах танки, которые выполняют задачи артиллерии. А третий эшелон – это уже непосредственное охранение складов, штабов, техники и всего другого на территории части.

Федюне выпало дежурить на выносном посту номер пять – на боевом охранении дороги от города Кандагар до Кандагарского военного гарнизона. Поганое место. Там поначалу столько наших положили! Автобус с духами прорвался через тот пост к "Ариане" и очень большой беды наделал. Федюня с Борисычем в том бою не были, их посылали в командировку в Газни. Но они видели картину после боя, когда вернулись...

Неестественно громадные, как после авианалёта ямы, шлагбаум из трубы семидесятки, завязанный морским узлом, и всё в кровище... Федюня с Борисычем были там через два дня после боя, а кровь все ещё сгустками темнела на земле.

– Н-да, – вздохнул Федюня, припомнив, что увидел тогда на этом месте.

Сейчас-то тихо. Жаркая ночь, часа три-четыре, наверное. Луна, Млечный путь, предгорья и пустынная равнина. Воздух свеж, чист, что бывает редко, разве что когда потягивает ветерком с гор. По внутренней радиосети группировки шелестит голос Федюни:

– «Сто девяностый» «Маку – пять». Оперативный дежурный, ответь выносному посту номер пять. Слышь, Борисыч! Эй! Какого хрена не отвечаешь, если слышишь? «Сто девяностый» «Маку – пять»... Да ты, егитский пистолет, спишь, что ль, собака злая? Вот так вот, вырежут всех, на хрен, и знать никто не будет.

– На приеме «сто девяностый». Ты запарил! Разорался! Чо случилось, чо надо?

– Дистанция двести метров, ориентир кусты, четко слышу разговор. Как понял? Страшно мне тут. Страшно и очень скучно. Мы тут устали и спать хотим.

– Не понял, «Мак-пять», не понял. Повтори! Вот же, гады, анаши курнули! Какой, на хрен, разговор

в три часа ночи в кустах? Духи крались бы – так не увидел и не услышал!

– Двести метров, ориентир – кусты. Слышу разговор. У тебя чо, банан в ушах?! Я тебе чётко говорю, базарит кто-то здесь! Ну, может и не базарит, но в кустах шумит.

– «Мак-пять», чей разговор? Ну, точно курнули, собаки! Вот ты, Федюня, получишь у меня, обожди! Я тебе сделаю, зараза, «Мак – пять»!

– Не могу разобрать, «сто девяностый», не могу разобрать. Ну, ты спросил! Ха! Чей разговор! Сейчас вот, всё брошу, сбегаю, узнаю, чей именно, и тебе прибегу лично доложу!

В эфире слышен скрежет извилин оперативного дежурного Борисыча. С одной стороны – Федька явно «гонит»: «Слышу разговор за двести метров». Крутой парень! За двести метров в пустыне услышать «чей-то разговор»... Ага! Для этого надо, чтобы полуглухие собеседники в три часа ночи стояли, не скрываясь, посреди пустыни и орали друг другу во всю глотку. С другой стороны – ну его на хрен, лучше перестраховаться. По сводке, у соседей блок вырезали, а «Мак-четыре» и «Мак-пять» – как раз на их направлении. Может, и правда, «духи» оборзели? Решение принято.

– «Мак-пять», «Мак-пять» «сто девяностому...»! Федюня, ты там еще жив, братуха?

– На приеме «Мак-пять», на приеме. Та, если честно, чо мне делается?

– «Мак-пять», поставь свечку и вскопай. Как понял? Пусти, братан, осветительную ракету и шмальни из миномёта на всякий случай.

– Понял, «сто девяностый». Ну, вот, давно бы так! Сейчас поразвлечёмся!

Осветительная ракета: «ПУХ! Пш-ш-ш-ш-ш...»
Миномёт: «Бум-Бум-Бум!» Вроде, недалет. Поправ-

ка. «Бум-Бум-Бум! Бум-Бум-Бум!» О! Вроде туда, куда надо.

Утром инженерная разведка, выдвинувшаяся по маршруту от Кандагарского военного гарнизона до города Кандагар по направлению «Мака-пять», отойдя на двести метров, запросила бортовой «Урал». Грузовик, возвратившись, лихо подкатил к курилке возле полевой кухни, куда уже собирались офицеры и прапорщики. Из машины выскочил помощник дежурного и, указывая на открываемый солдатом-водителем борт, обратился к сменившемуся оперативному:

– Вась, принимай «двухсотого»!

Все обмерли. Кто погиб? Когда? Но тут же захохотали. В кузове из-под брезента торчали четыре коровьих копыта... Коровушку в Афганистане убить – скандальное дело! Для многих афганцев корова, как и в Индии, священное животное. Ну, а кроме того, иметь корову может не каждый, это в нищем Афгане большое богатство. Били и угоняли скот частенько и душманы, и ... не душманы. Главное было, как можно скорее спрятать добычу и не афишировать ночное происшествие. Поэтому уже через час туша небольшой коровёнки была ободрана, разделана и на территории части было не найти ни шкуры, ни костей, закопанных в землю.

Оживлённо хлопотал на кухне начстоловой Андрюха Цхяев, а помочь ему добровольно вызвался Борисыч, решивший всех удивить и порадовать своим особым рецептом.

Он удалил плёнку, всякие жилы и хрящи с кусков мякоти говядины, срезанных со спины и с ног «болтливой» коровёнки. Времени в полевых условиях на долгую подготовку и маринование нет, поскольку, кто может точно сказать, когда тревога и

выход? Поэтому опытный Борисыч мясо нарезал вдоль волокон длинными кусками, сантиметров по десять длиной, и в срезе – квадрат два на два сантиметра. Слегка отбил мяско затылком приклада автомата, а помогавший ему Федюня, рукоятью штык-ножа. Было всё равно, чем поколотить, лишь бы мясо помягчело.

Луку, соли и перца друзья положили в пропорциях самого «настоящего» гражданского шашлыка, точно так, как делали и дома. Тем более, что уж чего-чего, а перца было вволю, разного: чёрного, белого, красного, зелёного, жёлтого. С уксусом – проблема в полевых условиях, но друзья перемигнулись, подавили помидорчики, разбавили водичкой, чтобы кислота не сделала мясо жёстким, залили всё этим маринадом, лук в нём хорошенько подавили руками-кулаками и начали низать мясо на шампуры.

Шашлык получился божественным! Ароматное, сочное мясо, да на голодный желудок!

У рядовых был великолепный борщ с говядиной, а «особо приближенные» лакомились ещё и шашлыком, замаринованным по особому рецепту, который Борисыч подарил под запись Андрюхе Цхяеву. Так что «говорливую» коровку долго с благодарностью вспоминали в этой части.

После обеда, ковыряя в зубах спичкой, Борисыч спросил у Федюни:

– Слышь, братуха! А расскажи – ка мне, где вторая коровка?

– Какая вторая? – недоумённо покосился на друга Федюня?

– Ну, а с кем же это корова могла там, в кустах, разговаривать в три часа ночи, если не со своей подружкой, а?

И оба расхохотались.

*«Милые коровки, милые бурёнки
Не ходите поздней
Ночью погулять.
Весь вооружённый, одурев от скуки,
В первом эшелоне мается «Мак-пять»!...»*

Глава 14

Шутница

Официантку из офицерской столовой, стройную длинноногую Валентину за глаза прозвали «Валяшкой» – в противоположность кукле неваляшке, которую, как известно, на спину не повалить.

Была ли она красивой? Трудно сказать, потому что в основном любовались и глазели не на её лицо, а на другие достоинства, которыми богато наделила её мать-природа. В армии, в отрыве от Родины, семьи и женщин, любая покажется красавицей. Да и возможности косметики так велики, что объективно оценить красоту женщины трудно. Но уж привлекательной она была на все сто! Не молодая, не старая, «Валяшка» следила за собой и была очень опрятной, женственной и сексуальной.

Женщин, которые продавали своё тело за чеки, хоть и презирали, но презирали с вожделением, и с завистью к счастливицам, которые могли позволить себе этих женщин иметь.

Правду сказать, вслух отпустить что-нибудь скабрезное «Валяшке», подколоть её или прицепиться поухаживать не рисковал никто. Острая на язык, бесстрашная и сообразительная Валентина имела ещё и стержневой характер опытной официантки и могла очень крепко отбрить любого обидчика, да так, что потом над ним ещё долго потешались окружающие.

– Шутница ты, Валька! – хохотали подружки, когда очередная жертва «Валяшкиного» языка убежала посрамлённая в словесном единоборстве.

Была ещё одна причина, по которой Валентину старались не задевать. Дело было в том, что она пользовалась вниманием самого замполита Губарева, который обладал и реальной властью, и крупными крепкими веснушчатыми кулаками. Никакой любви там не было, а встречалась «Валяшка» с Губаревым на почве взаимных потребностей. У него – в её роскошном теле и жгучем темпераменте, а у неё не проходила нужда в его деньгах и надёжном покровительстве.

Встречи свои они не афишировали, но особо и не скрывали, потому что желающих поднимать вопрос об аморальном поведении главного ревнителя морали не было. Связываться с Губаревым никто не хотел, и потому что у него были какие-то серьёзные связи в военных верхах, и потому что не он один позволял себе связи с женщинами на территории военной части, и потому ещё, что он мог крепко нагадить по партийной линии.

Такая или сякая, а Валентина была всё же настоящей женщиной. Кроме чеков и гормонов Губарева, ей хотелось большой настоящей любви или, хотя бы, равнодушного сильного чувства к себе.

Поэтому, поддерживая связь с Губаревым, она внимательно глядела по сторонам, выбирая достойного кандидата. И вот в один из дней выбор её пал на высокого белокурого кадыкастого Федюню.

Когда Федюне приказали «поднести вот это туда, куда скажет вот та красивая женщина», он ещё не знал, что стал избранником и счастливецом, который будет обласкан горячей женской любовью, что в Афгане ценилось очень высоко. Валентина быстро и жарко объяснила тайному любовнику,

что она от него хочет, и сам избранник не ударил в грязь лицом и подтвердил одну из женских версий о соответствии пропорций кадыка и другой части тела. Он оставил Валентину в полном восторге, в намерении продолжать укреплять тесную связь с типичным представителем рядового состава и сам ушёл, обалдевший от удовольствия.

Столько, сколько хотелось, видеться не удавалось, но от этого ещё горячее и продуктивнее были редкие радостные встречи.

Федюня заматерел, размордел, потихоньку подкармливаемый офицерскими деликатесами, которые, впрочем, он никогда не забывал принести «в клювике» и другу Борисычу, не вдаваясь в подробности, где и как раздобыл продукты. Валентина ходила радостная, довольная, и чаще, чем обычно, приценивалась в «Берёзке» к редкой красоты женскому белью.

Первым обо всей этой истории узнал верный друг Борисыч, который удивлённо покрутил головой, одобрительно поцокал языком, но тут же и предупредил:

– Если Губарев узнает, – я твоё тело на Родину не повезу, младший сержант Костров.

– Не узнает, – успокоил Федюня. – Она – женщина неглупая, и для хохмы, и для безопасности, строит глазки штабному переводчику Зильберману.

– Кому – кому? – поперхнулся смехом Борисыч. – Андрюхе Зильберману?

– А что, у нас их восемь штук, Зильберманов? – обозлился Федюня. – Ну, да, ему.

– Так он же... – запнулся Борисыч, пытаясь сказать другу то, что тот и сам прекрасно знал.

Валентина предусмотрительно обеспечивала себе вариант «отхода», на случай распространения сплетен о том, что она ещё с кем-то, кроме Губаре-

ва, встречается. Если бы такая сплетня до Губарева дошла, она выставила бы вперёд, ничем не рискуя, штабного переводчика. Маленького роста, едва ли не карлик, с громадным носом, который, казалось, своим размером и вечными соплями притягивал его голову к земле, вечно брюзжащий, гугнявый настолько, что ему порой и самому нужен был переводчик, Андрей Зильберман не мог рассчитывать вообще ни на чьё приветливое внимание, не то что роскошной «Валяшки». Наверное, он хорошо знал своё дело. Бумаги и документы, написанные на дари, пушту, таджикском и узбекском языках, он читал за-просто, но если ему нужно было переводить разговор! Начиналось страдание для всех. Старательно, но визгливо выговаривая слова чужого языка и русский перевод с него, Зильберман издавал дополнительно много разных ненужных звуков, летела слюна, раздавалось какое-то свистящее пришепётывание. Нужно было напрягаться, чтобы понять, что именно говорит толмач, в конце концов у всех присутствующих начинала болеть голова, на переводчика кричали и велели заткнуться. Его жалели бы, как жалеют убогих и юродивых, но он вдобавок имел злобный, гнусный характер, и потому с негодованием всеми отвергалось даже теоретическое предположение о возможности какого-то контакта с бедолагой, кроме служебного, да и то – по острой необходимости. Правду сказать, он и сам не стремился ни к какому общению и избегал людей, как только мог.

А Валентина умышленно откровенно устраивала «представления» на потеху окружающим. Встречаясь с переводчиком в «Берёзке», куда он, как и всякий штабной, имел полное право заходить в любое время, в отличие от остальной солдатни, для которой экскурсия в чековый магазин приравнивалась к походу по афганским магазинчикам –

дуканам, или в дверях офицерской столовой, или в штабе, она старалась загнать Зильбермана своей пышной грудью куда-нибудь в угол или прижать к дверному косяку и разговаривать с ним низким голосом, якобы задыхаясь от страсти:

– Ну, когда, когда наконец ты придёшь ко мне, мой милый, любимый гномик? Ну, не мучай меня, мой пупсик!

Бедняга злобно озирался и пищал:

– Что вы ко мне прицепились, как прлоститутка какая! Я Губарлеву нажарлююсь!

Окружающие хохотали, потешаясь над беднягой:

– Ну, шутница, Валюха!

Зильберман старался проскочить мимо, ещё издавелека завидев Валентину, вырывался, попадая к ней в плен, но тщетно. На радость и безграничное веселье присутствующих он, попавшись Валентине, ни разу не вырвался без порции издевательских, подначивающих советов от окружающих.

Так и повелось. В счастливые для Федюни дни, когда Губарев с неохотой улетал в Кабул участвовать в партийных совещаниях ограниченного контингента, платить партвзносы или получать очередную порцию партийной агитационной и пропагандистской макулатуры, его место немедленно занималось счастливым тайным соперником. И постоянно на публике в угол зажимался для отвода глаз несчастный Зильберман.

Эта ситуация так ловко обыгрывалась умной женщиной, что никто ничего и заподозрить не мог. Знали правду, кроме Борисыча, только несколько товарищей Федюни, которые прикрывали его во время тайных отлучек.

Ничего не знал и даже не догадывался ни о чём Губарев. Он был ослеплён собственным высокомерием и хитростью ловкой женщины.

Борисыч сердцем чувствовал беду и постоянно предостерегал Федюню, заклиная воздержаться, а то и отказаться от такой сладкой, но в то же время очень опасной связи.

Бесполезно. Федюня, похихикивая над Зильберманом, которого колотила дрожь от одной только мысли, что Губареву скажут о том, что видели переводчика с Валентиной, и над рогатым Губаревым, похаживал к счастливой Валентине, которая всё же заигралась и беду накликала.

В одно из возвращений из Кабула, соскучившись по женской ласке Губарев под ручку с Валентиной вышел из офицерской столовой. У Валентины кружилась голова от безнаказанной самоуверенности. Она, не подумав хорошенько, решила пошутить и сказала Губареву на ушко:

– Слушай, Вася, я, чтобы о тебе лишнего не болтали, специально тут строю глазки вашему Зильберману.

– Кому? – хохотнул недоверчиво Губарев.

– Переводчику вашему. Вон он – волочится в столовую. Хочешь, я тебя рассмешу сейчас? Только ты мне подыграй. Я ему сейчас глазки сострою, а ты как будто сильно заревнуй, подзови его и спроси погрознее, чего это он ко мне цепляется. Он перепугается, гундеть начнёт – умора!

Как решили, так и сделали. Нависая громадной скалой над маленьким, съёжившимся от страха Зильберманом, Губарев грозно спросил:

– А какого ты чёрта, переводчик, к этой женщине цепляешься? А?!

В ответ на что, потерявший от ужаса контроль над собой, прикрывая лицо от ожидаемых неминуемых побоев локтем, Зильберман пискнул:

– А вы меня срлучайно с мрладшим серлжантом Кострловым не спутали?

И совсем уже смертельно перепугавшись, бросился бежать.

Губарев спросил:

– Чего-то я его не понял, что это он – трль..трль..трль...? С кем это я его спутал? – и повернул смеющееся лицо к Валентине.

– А – ва – ва...Ах-х-х-х... – отнялся язык у побелевшей, растерявшейся Валентины, которая столько сделала для того, чтобы отвести от себя подозрения, что и мысли не допускала, что Зильберман узнает о её встречах с Федюней, да ещё и так открыто ляпнет об этом Губареву.

– Чего? – начал доходить до Губарева смысл происходящего. – Чегооооо?! – заорал он во всю глотку. – А ну, пошли, поговорим!

И жёстко за локоток отвёл Валентину к себе в кубрик на допрос.

От неминуемой гибели Федюню спасло то, что «Валяшка» его не выдала, и молчала, как камень. Губарева в тот же день срочно вызвали обратно в Кабул в связи с тем, что умер Брежнев, и замполит к теме женской измены вернулся не скоро. За это время Валентина успела предупредить Федюню. Группа военнослужащих под руководством Борисыча втихаря пообещала Зильберману за лишнюю болтовню отрезать длинный язык вместе с головой, и поэтому на все последующие расспросы Губарева он только визжал и плевался и отвечать не захотел, а так как он был беспартийным, давить на него было бесполезно.

Но всё равно Борисыч целую неделю прятал Федюню, как только мог.

Потом началась серия рейдов, всем стало недосуг, и Губарев так и не узнал до конца, кто же такой – его счастливый соперник. Но с грустной дошутившейся «Валяшкой», очень долго маски-

рующей синяки на лице, больше не имели никаких дел ни один, ни другой любовник. А через месяц её отправили в Союз с формулировкой об истечении срока контракта, в чём ей крепко «посодействовал» замполит полка майор Губарев.

Глава 15

Напиток для разведчиков

Спрятавшись за модулем, Борисыч и Федюня курили и обсуждали свежую проблему.

– Ты понимаешь, он мне же на меня же и доносит! – удивлённо разводил руки в стороны Борисыч. – Я такое первый раз в жизни вижу!

– Как это? – таращил глаза Федюня. – Ну, есть молодые: по глупости, по подлости выслужиться хотят, так они начальству стучат. Но чтобы тебе на тебя же... Это как?

– Я сам не понимаю. Странная такая штука, – Борисыч поперхнулся табачным дымом и закашлялся.

– Неделю назад танкисты в часть заезжали, краску просили. Ты тогда в рейде был. Красочки я им налил чуть больше, и мне от них пару глотков «кишмишевки» перепало. А этот щегол, Блулов, рядом крутился. Я на него и внимания не обратил, – Борисыч так расстроился, что подкурил от догорающей сигареты другую, сплюнул и только тогда смог продолжать. – Так вчера подходит ко мне этот молодой и говорит:

– Вы, товарищ сержант, в четверг танкистам краску отливали. А они вас за это самогоном угостили.

– Ну и? – отвисла челюсть у Федюни от такого странного и наглого поведения «молодого». – А ты-то что?

– А что я? Растерялся и не знаю, что делать.

– Фанеру не мог пробить, чтобы не в свои дела не лез, не вынюхивал, – полыхнул праведным гневом Федюня.

– Да? Чтобы дембель задержали? – от одной мысли о возможности такой жуткой перспективы у Борисыча внутри сделалось нехорошо.

– Во даёт, салага! – изумился Федюня. – Это что же получается?.. Это ничего не получается... Ну, доложил бы он старшине или взводному... Тут всё понятно, бывали всякие гниды, не он первый...А...чо, тебе же на тебя доносить? Я чего-то понять не могу.

– А я тебе о чём! – вконец расстроился Борисыч. – Ты думаешь, я что-то понимаю?

– Ситуааааация... – растерянно протянул Федюня.

– Так это он не в первый раз! – подкурил третью сигарету Борисыч.

– А чего ты молчал?

– А вот... Просто глупость какая-то... Её как-то и не расскажешь... – крутил головой Борисыч. – Я, главное, понять не могу, какого хрена ему от меня надо? Чего он добивается? Чтобы я сам себя за провинности наказал? Бред какой-то!

– Чего добивается? Да по дурной башке получить хочет! Лучше бы в рейды с нами ходил, салабон! Вишь, здоровье ему не позволяет! Так гнали бы в хозроту, какого хрена его у нас держат? Ну, я им займусь... – Федюня был сторонником простых решений и быстрых действий.

– Дембель... – произнёс волшебное слово Борисыч.

– Ах, ты...– подавил свои порывы Федюня.– Так что же ты ему сказал? Как отцепился от него?

– Да я слепил ему сказку о том, что он неправильно понял и что это был не самогон.

– Сказочник! – ухмыльнулся Федюня. – Ага, не самогон – лимонад.

– Хихикаешь! А я растерялся. Может, он провокатор специально подосланный? Мне откуда знать?

– В общем, да... – поостыл Федюня. – Может, и так... Ну, и что же?

– Вот я ему и начал «заливать», что это особый напиток. Не кишмишевка и не самогон. С виду – совершенно обычная вода, без запаха, цвета и вкуса. Разработка секретная, для разведчиков. А когда выпьешь – пьянит, как самогон в шестьдесят градусов!

– Да ты прям писатель-фантаст! – восхищённо подколот друга Федюня.

– Ты понимаешь, – смущённо отвёл глаза Борисыч, – чего-то струхнул я. Сильно странная ситуация, и щегол какой-то ненормальный. Вот и...

– Вот и что?

– Ну, он пристал ко мне, как смола, и пришлось пообещать ему раздобыть этого напитка, чтобы языком не трепал направо и налево. А там видно будет. На том и остановились.

– Хыыы... И что теперь?

– Теперь вот с тобой советуюсь, не знаю, что дальше делать.

– Ага... Значит, напиток для разведчиков, да? Я ему сделаю напиток... – призадумался Федюня. – Не журишь, братуха, что-нибудь придумаем, – подбодрил он Борисыча.

Федюня не любил, когда задевали своих. А за Борисыча он мог заступиться, пожертвовав очень многим. Но... ситуация сложилась, действительно, очень непростая и странная. Надо было подумать, и друзья, размышляя, побрели поесть, так как время подходило к обеду.

Так уж получилось, что и после обеда Федюню никто ничем не затруднил, и он поплёлся посмотреть, что делает Фарух.

Рядовой Алиев Фарух своими золотыми руками славился далеко за пределами части. Не было ему равных в деле ловли всякой пустынной нечисти, снятия и выделки шкур с неё.

Вечно в специально отведённом для него месте в продкладах сушились шкурки змей, варанов, меховые одёжки вообще неизвестных животных.

Федя любил при возможности подойти и посмотреть на работу мастера. Фарух колдовал над шкурами, чистил, выправлял, растягивал. Чем-то посыпал, чем-то покрывал, сшивал, дырявил. Бывало, что работал с металлом и что-то полировал, обтачивал, срезал и снова полировал.

А потом из его рук выходили редкие по красоте брючные ремни, женские пояса, обтянутые шкурами рукоятки для ножей и ножны, восхитительные чехлы для фляжек.

О самом Фарухе мало кто знал, а вот сувениры разлетались по рукам офицеров разного ранга, дарились, вручались, преподносились, и весёлый белозубый Фарух никогда не оставался без работы и офицерами обижен не был.

Завидев Федюню, он приветливо закивал головой:

– Патхады, патхады, Фёдыр! Учись-смагры, дома дывчат падарык дельт будишь! Багатый, щаслывый будишь! Свой Раис – это, притсидатиль колхоз, – падарык падарыш, он тебе начальником сделыет!

Фёдюня подошёл ближе – поглазеть на работу Фаруха – и зачарованно наблюдал, как эти ловкие умелые руки натягивают на металлическую фляжку специально подготовленный кожаный, расширенный бисером красивый чехол.

Федюня любовался работой Фаруха, а мысли его были далеко.

«Дывчат» и «притсидатиль колхоз» Федюня радовать обтянутыми змеиной шкурой флягами не собирался, но как-то так мысли его перешли от фляг для спиртного, от воспоминаний о «дывчатах» к родному дому, к своей комнатке. Припомнил он полочку с книгами, прибитую над кроватью, и сами книги, которые набрал ещё в десятом классе, когда собирался стать разведчиком и изучал всякие специальные пособия.

Особенно интересная была одна книжечка с названием «Твои возможности, человек!». И тут Федюню осенило. Так, так, так! Напиток разведчика! Вот оно! Нашёл!

Федюня упросил Фаруха дать только что изготовленную фляжку взаймы на несколько дней.

Уже через пару часов он зазвал Борисыча за модули.

– Борисыч! Спорим, я, не прикасаясь, сейчас тебя уроню?

– Да ну тебя в задницу, – опасливо покосился на друга Борисыч, – тебе что, делать не хрен?

– Да это же для дела нужно! Тестовая проверка. Ну, не прямо вот, возьму и уроню, а так, – качнёшься.

– Ага! Руками прикасаться не будешь, а ногой въедешь, да? Знаем мы таких фокусников.

– Не, тут без подлости. Я вообще к тебе не прикаснусь.

– Да? Не слабо тебе будет, не прикасаясь, меня уронить?

– Вот смотри!

Федюня встал прямо перед Борисычем, расположил ладони рук по обе стороны головы друга, поглядел с минуту пристально Борисычу в глаза. И вдруг начал всем телом медленно падать назад, как бы собираясь упасть на спину.

Борисыч против своей воли сделал падающее движение на Федюню, устоял, встряхнулся. Удивлённо хмыкнул:

– Вот же чёрт! Это что за дрянь такая?

– Это, Борисыч, не дрянь, а оружие мести. Для того чтобы «молодой» отцепился от тебя, получил в репу от старшины и перестал подслушивать и подглядывать, надо тебе сделать вот что.

И Федюня зашептал Борисычу на ухо инструкции, суя в руки красивенькую фляжку.

– И чо? Сработает? – усомнился Борисыч.

– Ты ведь сейчас чуть не упал? – вопросом на вопрос ответил Федюня.

Вечером следующего дня Борисыч, краем глаза уловив невысокую кривоногую фигуру рядового Блудова, насколько смог таинственно, озираясь по сторонам, показывая всем видом, что пытается скрыться незаметно, забрался за модули.

Усевшись на мятую бочку из-под краски, открыв крышечку нарядной фляжки, с видимым наслаждением Борисыч сделал пару глоточков.

Странный рядовой появился, как чёртик, откуда-то сбоку.

Борисыч изобразил радость хмелеющего человека от встречи:

– О! Вовремя ты появился!

Борисыч, помаргивая, похихикивая, слегка заплетающимся языком радостно сообщил Блудову, что «особый напиток разведчиков» прибыл.

Сообщение такой важной новости, видимо, повергло Борисыча в дикую жажду. Он сделал очередной глоток так смачно, что любопытный рядовой проводил этот глоток, вытянув шею, подавшись вперёд всем телом и сглотнув слюну.

– А-а-а-а, – начал он, – э-э-э-э....

– Не, для тебя в этой фляге – жирно будет. Такие фляги делают специально для того, чтобы аф-

ганцев спаивать. Им Магомет вино пить запрещает, а это – вода, да и всё тут. А у них потом так языки развязываются! Как раз все разведданные можно собрать. А для нас, захмелеть – просто в радость, и ни один офицер запаха не учует. Я тут для тебя припас....

Борисыч покопался где-то позади себя, выволок на свет божий обычную солдатскую флягу и передал её солдату.

– Держи, сынок, помни мою доброту!

Не медля, Блутов открутил колпачок полной фляги, понюхал содержимое и сделал два крупных полноценных глотка.

– Вода... – разочарованно вытянулось его лицо, – обычная вода....

– Эх ты и лопух! – совсем заплетающимся языком пробормотал Борисыч. – Ты, видно, не понял, что я тебе рассказывал? Да ты с ума сошёл – такими глотками пить! Тебя через два часа так развезёт в дымину, – «мама» сказать не сможешь! Ещё не хватает, чтобы ты здесь свалился! Иди в свою палатку!

Станный солдат ухватил флягу, покрепче закрутил колпачок и, оглядываясь недоверчиво на Борисыча, которого, похоже, совсем развезло, потопал к своей палатке.

* * *

Через два часа Федюня рассказывал трезвому как стекло Борисычу, какие чудеса может сотворить человеческий организм:

– Гляжу – он идёт к палатке, а ноги у него заплетаются! Старшина сейчас его пытается, где и чем он нажрался, а Блутов глазами хлопает, пьяный в дым, даже не понимает толком, что происходит.

Вот, братуха, какие чудеса может сделать с человеком самовнушение – от простой водички человек опьянел! А ты сомневался! Ведь это ты ему программу задал. Он теперь тебя десятой дорогой обходить будет, как от привидения шарахаться!

И действительно, Федюня, наблюдавший со стороны эту картину, от души посмеялся, когда наутро «протрезвевший» Блудов с громадным «фонарём» под глазом, ещё издали завидев Борисыча, метнулся в сторону и спрятался за спинами своих товарищей.

От излишнего любопытства он был излечен навсегда.

Глава 16

Стекольщики

Новенькие модули – сборные домики из многослойной фанеры – поступали в военные части, расположенные в Афганистане, из Союза. Их привозили на КамАЗах, а иногда и большими транспортными ИЛами в разобранном виде, и уже на месте собирали-монтировали в большие и малые корпуса. В собранные модули проводили электричество, связь, красили снаружи, клеили обои внутри и, как могли, облагораживали их согласно боевому назначению.

Уже с десятков дней Федюня с Борисычем работали с новенькими модулями, две недели назад поступившими в часть. Позади разгрузка, монтаж, укрепление в проёмах тяжёлых оконных рам со стёклами. Осталась приятная и лёгкая работа – клеить обои, красить полы. И, конечно, эту работу хотелось растянуть на возможно большее время, чтобы передохнуть и отвлечься от бесконечной ру-

тинной службы, чтобы не бегать очумелой тенью по всей части, выполняя очередное поручение скупающего офицера.

В отличном настроении Федюня плюхал в жестяной тазик с разведённым обойным клеем валик, насаженный на длинный деревянный черенок и, распевая весёлую похабную песню про плывущие по реке две дощечки, промазывал, прокатывал первый слой клея на стены, подготавливая их под наклейку обоев.

Борисыч подготавливал обои – аккуратно отрезал бумажную кромочку у раскатанных рулонов, нарезал полотно обоев на нужную длину, подгонял рисунок, отмечая что-то простым карандашом, который, чтобы не потерять, как заправский плотник, после разметки отправлял себе за ухо.

Федюня в очередной раз плюхнул валик в таз с клеем так лихо, что Борисыч отвлёкся от своей работы и, недовольно качая головой, попытался утихомирить разгулявшегося друга:

– Федюня! Поаккуратнее! Чего ты так размахался?

Беспечный Федюня в ответ спел куплет о том, как из Чугуева по волне плыл утюг.

– Не к добру ты чего-то развеселился, – проворчал Борисыч.

– Тю! – лихо сплюнул в таз с клеем окурок с губы Федюня. – Ты чё запуганный такой? Обои клеить – не стёкла вставлять.

Про стёкла Федюня сказал не просто так. На колонну, которая подвозила модули в часть, было нападение. Обошлось без потерь, но душманские пули перебили много стеклянных полотен, которые и без того были в жутком дефиците. Федюне с Борисычем пришлось явить чудеса фантазии и мастерства для того, чтобы из остатков стекла, из запасов,

которые ещё оставались в полку, из выпрошенных в других частях обрезков, вырезать нужные стеклянные размеры и повставлять в пострадавшие от нападения рамы.

Поэтому Борисыч, припоминая ломоту в спине от напряжённой работы, предупредил Федюню:

– Ты поосторожней всё-таки!

– Ветер мне фигачит в харю, а я весело ..., – Федюня начал было весёлую поговорку, о том, что, несмотря на ветер прямо в лицо, он всё равно упорно идёт к цели, но, поворачиваясь всем корпусом к Борисычу, закончить её не смог. Последние слова поговорки заглушил звон стекла, высаженного концом длинного черенка.

В наступившей тишине на замершую в нелепой позе, съёжившуюся фигурку Федюни обрушился матерный рёв Борисыча.

Легче в афганской пустыне найти плавательный бассейн, чем кусочек оконного стекла.

Вдобавок ещё накануне над головой у Федюни и Борисыча целый день висел рыжий майор Ерёменко. Он нудил о дефиците, призывал резать стекло осторожно и заклинал, чтобы вставляли в рамы вырезанные полотна без потерь. И вот...

Откричавшись, Борисыч пожалел сникшего Федюню:

– Ладно, весельчак... Что делать будем?...

Вопрос несправедливый. Чесали затылки, курили, думали. Федюня искоса с надеждой поглядывал на Борисыча, понимая, что сам что-то путное предложит навряд ли.

Борисыч хмыкал, качал головой, хмурился. Федюня совсем уж было собрался отнести повинную голову на растерзание огненному гневу майора Ерёменко, как Борисыч толкнул его локтем в бок.

– Эй, стеклобой? Ты слышал, как майор говорил, что следующие модули придут к вертолётчикам?

– Ну?

– Не нукай, не запряг! Когда они ожидают их?

Оживившийся было Федюня сник. Он понял идею друга – выпросить, выклянчить, обменять, украсть, в конце концов, стекло у соседней, когда они получат свои модули. Получают они их только послезавтра. А Ерёменко домики принимать будет завтра. Завтра-то чего делать? Пока соседи получат стекло, от Федюни с Борисычем майор и пыли не оставит! Федюня аж заскулил:

– Хоть бы в рейд, что ли, ночью сорвали!

Борисыч плечом подтолкнул друга:

– Не кисни, матросик! У меня идея есть! – неторопливо прикурив, продолжил. – Ну-ка, скажи мне, модули у нас все стандартные, все одного размера?

– Да. Да ты это лучше, чем я, знаешь, – удивлённо подтвердил Федюня.

– Ага! Значит, и оконные рамы во всех модулях одинаковые? – хитро блеснул глазами нашедший выход Борисыч.

– Ну конечно, – зашевелилась надежда в сердце Федюни.

– Так вот, слухай сюды!

И друзья горячо зашептались голова к голове, решая, как выкручиваться из ситуации и спастись от гнева рыжего майора.

Наутро Федюня с Борисычем докладывали о законченной работе. В новеньком модуле были поклеены обои, выкрашены полы и праздничным блеском сияли целые стёкла в оконных рамах.

Даже придирчивый майор Ерёменко, принимавший работу, не смог сдержать довольной улыбки:

– Вот. Можете ведь, когда захотите! Поменяйте перегоревшие лампочки в штабном модуле и в кубрике у замполита Губарева и можете отдыхать.

– А ключи? – уточнил задачу Борисыч.

– Ключи – вот они. Замполит сейчас улетает в Кабул, будет только завтра.

– Бог есть и он велик и милостив, в том числе к баранам-стеклобоям, – перекрестился Борисыч, когда они вышли из модуля.

– Федька, быстро!

Замена лампочки сопровождалась ещё и тихоньким постукиванием, потрескиванием штапиков и характерным поскрипыванием вынимаемого из рамы стекла.

– А теперь – бегом! – шепнул Борисыч, и две тени неуклюже, стесняемые стеклянным полотном, заковыляли к штабу. Борисыч подмигнул дневному:

– Видал? Я своему слову хозяин. Вот, возвращаю в целости и сохранности.

У дневального явно с души свалился камень, когда на вечернее совещание начали собираться офицеры, и у него отпала необходимость выкручиваться с правильным ответом на вопрос «а куда же подевалось стекло?».

Вытягивая шею, Федюня и Борисыч опасливо выглядывали из-за угла, наблюдая, как собираются офицеры на совещание, и прислушивались, не раздастся ли матерный крик комбата. Да нет, всё было тихо. Значит, никто не заметил следов того, что стекло вынимали и вставляли заново. Уж было совсем набрал воздуха в лёгкие Борисыч, чтобы облегчённо выдохнуть, но, поглядев прямо, обмер и чуть не задохнулся – на него шёл, торопясь на совещание, неизвестно как и откуда взявшийся тот самый замполит Губарев, который должен был быть из Кабула только завтра, и в чьём кубрике они с Федюней только что стащили стекло. Борисыч двинул Федюню в бок так, что у того что-то гукнуло внутри.

– Ё! – только и смог выдавить Федюня.

– Пропали, – прохрипел Борисыч. – Федька, сукин сын! Веселился, падла! Из-за тебя башку нам сорвут сегодня. Думай быстро, где взять до утра стекло. Да так, чтобы через час оно уже у замполита в кубрике стояло!

От испуга и неожиданности Федюня начал заикаться, причитать и метаться из стороны в сторону. Замполит увидит, что нет стекла, поднимет шум, будет нудить о том, что это идеологическая диверсия... Угроза расправы была такой реальной, что Федюня сообразил, как спастись.

– Знаю! – внезапно остановившись, прошептал он. – Знаю! Жалко, правда, денежек, да потерять можно больше.

Пробравшись через небольшой плац, прокравшись за огромной палаткой, в которой располагалась столовая, за большим деревянным сортиром на двадцать очков, они вышли к небольшому пустырю.

– А теперь бегом!

Бежали метров сто, с подкрадываниями и прочими приключениями. Целью была афганская крепость. Там, у сорбозов, с большим трудом объяснив, что нужно, отдав все свои запасы афошек, купили кусок стекла. Стекло было неровное и меньше по размеру, чем нужно, но это было хоть что-то...

Федюня вздыхал и сокрушался о своём банкротстве, Борисычу было досадно, что из-за Федюниной беспечности они мучаются и вопрос ещё не закрыт. Не дай Бог, сейчас их, шастающих в неположенное время в неположенных местах, да ещё с этим стеклом, прищучит кто-нибудь! Борисыч чуть рукой не махнул от отчаяния, да руки стеклом были заняты.

Втихаря, обливаясь холодным потом от скрипа стеклореза, от звонкого щелканья при постукива-

нии по линии разделения, замирая при резком «отламывании» отрезанных кусочков, наконец-то, с грехом пополам получили из «афганского» куска более-менее подходящий «прямоугольник». Борисыч посмотрел на полотно: кривобокое оттого, что у стекла была маленькая площадь, и по краям параллелепипеда остались неровные пустоты, – сплюнул от отвращения и приказал:

– Поползли.

Никуда они, конечно, не поползли, а, удерживая некрасивый отрезок, поковыляли в кубрик к Губареву.

Дело мастера боится, и через время кривобокое стекло было установлено на место краденого.

– Дальше чо? – спросил «стеклобой», не смея взглянуть на друга, нахлебавшегося от Федюниной бестолковости незаслуженных хлопот.

Борисыч пожал усталыми плечами и мотнул головой в сторону палаток – «отдыхать».

– А! Чуть не забыл. Ключи отдай майору, видел, этот-то, замполит приехал. Надо ж ему где-то спать?

Федюня кивнул и убежал. Борисыч, едва не падая от усталости, добрался до своего места и повалился на койку.

Федюня поспел как раз к окончанию совещания, доложил майору Ерёменко, получил новый приказ, и со всех ног кинулся его выполнять.

Рано утром после подъёма у Федюни было прекрасное настроение в отличие от не выспавшегося, хмурого Борисыча. Он «бумкал» весёлую популярную песенку, насвистывал и чуть не приплясывал, поглядывая на хмурого друга с видом: «А вот я знаю, так знаю!»

– Чо? – спросил Борисыч, знавший Федюню как облупленного.

– Борисыч, ты был прав! Бог есть, и он, правда, милостив! Знаешь, что вчера случилось?

– Ясен хрен, не знаю, – окрысился Борисыч. – Я твоей милостью вчера так наломался, что вырубился до утра. Едва-едва хватило сил встать и раздеться.

– Я пошёл рыжему ключи отдавать, а он приказал мне... – сделал эффектную паузу перед сюрпризом Федюня, – приказал мне отдать ключи прапору Мерзликину.

Борисыч вскинул глаза на ликующего друга, не понимая ситуацию до конца.

– Чертовня какая-то! Куска – в майорский кубрик? Зачем?

– Хохма вот в чём. Мы с тобой модуль где закончили вчера? Вон там, – показал рукой Федюня. – А замполитовский где? Вон там, – указал он совсем в другом направлении. – В новом модуле будут все старшие офицеры, а конкретно Мерзликина и ещё троих прапоров со складов приказано разместить на новое место в бывший кубрик замполита. Отчего замполиту и отложили поездку в Кабул. Это вчера на собрании и решали. Знаешь, почему? – не удержался и захохотал Федюня. – Потому что его бывший модуль недалеко от сортира! Замполит всех достал своим нитьём и жалобами на вонь. А Мерзликину по хрену, какой у него запах и какое у него стекло. Он вчера после «переезда» так назююкался с радости, что наверняка и не помнит ни черта.

Борисыч выдохнул с облегчением и перекрестился.

* * *

В это же время прапорщик Мерзликин с трудом разлепил опухшие веки, сел на койке и, озираясь по

сторонам, пытался сообразить, куда же это его занесла нелёгкая военная служба и откуда так немилосердно ему дуло всю ночь в поясницу.

Глава 17

Варанах

– Жра-а-а-ать хочу-у-у-уу, – промычал в полог ротной палатки Федюня. Пытавшийся давно и безуспешно заснуть на своей койке, он крутился на ней часа полтора, но желание съесть хоть что-нибудь не давало забыться и заснуть.

– Тьфу ты, – вконец рассердился на голод Федюня и сел, с завистью глядя на Борисыча, мирно сопящего на соседней койке.

Дневной сон для солдата – штука редкая, необычная, но возможная, если уж ты дотянул до дембеля. Осталось служить месяц, ну, может быть, полтора от силы, если без залётов, а там уж...

– Эхххх... – только и оставалось вздыхать «дедам», втайне надеясь, что больше в их военной судьбе не будет рейдов по зелёнкам, горам и прочим осточертевшим рельефам такого же осточертевшего Афгана.

Федюня дал себе зарок – не влететь нигде, чтобы дембель не задержали. Да и то вон, у Борисыча всё в порядке, замполит обещал одной из первых команд домой отправить, а как только речь о нём, о Федюне, заходила, майор только головой качал, сомнения выказывал, бормотал что-то под нос, вряд ли лестное, и говорил:

– Посмотрим. Там посмотрим!

От этого «посмотрим» у Федюни всё леденело внутри, мысли копошились быстрые, скользкие и одна из них покоя не давала постоянно:

– Неужели узнал про поход к сорбозам за стеклом? – размышлял Федюня. – Да ну, вряд ли..., – успокаивался тут же. – Дембеля полугодовой давности уехали, молодых рядом не было. Нет, не знает! – почти уже остывал, и тут же вспыхивало, – А вдруг?! Борисыча отправят домой, а Федюня здесь без друга вообще с ума сойдёт!!! А Борисыч будет дома весело жареную курочку трескаться!!!

А-а-а-а! Во всей своей красоте Федюне представлялась сковорода, стоящая на домашней плите, и кусочки курочки на ней. Эти кусочки были обжарены до аппетитной румяной корочки, под которой скрывался изумительный мясной сок, весь пропитанный душистой прелестью приправок.

– Тьфу ты, – опять сплюнул Федюня, – да когда же этот ужин!

Хотя особенно надеяться на столовские харчи не стоило. Ну что там будет за ужином? Опять порошковая картошка, похожая не на пюре, а на жиденький кисель, и кусок минтая из консервы. Перед внутренним взором Федюни предстала домашняя «глыбокая» эмалированная миска, синенькая, с яркими цветочками по краям, полная того самого картофельного пюре, которое делала мама. Жёлтого от сливочного масла, густого такого, что трудно повернуть в нём деревянную ложку... Да с домашними котлетками гигантских размеров, потому что некогда было вертеть маленькие из-за постоянных вызовов на работу, съедавшей всё мамино время. Да к этой пюрешке и котлеткам – ещё и солёные огурчики с прилипшим к ним смородиновым, промариновавшимся в рассоле, листом!

– А-а-а-а-а..., – чуть не захлебнулся слюной голодный Федюня.

Мдаааа...перед дембелем чудились всяческие яства, вкус коих за два года забылся напрочь, но

всегда вызывал обильное слюновыделение, стоило только мысленно припомнить волшебные замечательные продукты: «копчёное сало», «пельмени», «курятина», «колбаса». Так-то, мысленно! А за размышления вслух по этому поводу легко могли «сшибить гриву» не только старослужащие, но и свои братаны-одногодки. Это только с «салабонами» можно было помечтать. Но опускаться до этого, терять солидность своего «возраста» никто не осмеливался. Так что тема домашней вкусной и здоровой пищи была своеобразным табу. В своих собственных мечтах хоть утони, а вслух – не рискуй.

Правда, иногда Федюня с Борисычем вели беседы о будущей гражданской жизни: о рыбалке, об охоте, об общих знакомых, но неизменно приходили в этих разговорах к еде. Как приготовить прямо здесь же, у речки, в кипящем над костром закопчённом котелке из только что пойманной рыбы божественную, жирную, с лавровым листочком и черным душистым перцем уху, пахнущую неповторимым горьковатым дымком. И как лучше всего запечь в угольках костра упрятанную в глиняный плен подстреленную на охоте утку. Или спорили о лучшем рецепте приготовления шашлыка, долго доказывая друг другу, из какого мяса его лучше готовить, как порезать, что добавить в маринад. Дальше этого, обычно, разговор не шёл. Замолкали, сглатывая слюнки, стыдясь глядеть друг другу в глаза.

Здесь, в Афгане, были за время службы «праздники желудка». Так, однажды танкисты раздобыли в рейде пару мешков муки и кишмиша. Ведро постного масла неизвестно откуда приволок Федюня, обменяв его на лазуритовые чётки, найденные месяц назад в прочёсываемом кишлаке. Сначала думал привезти их домой в подарок невесте своей, Таисии. Но желудок оказался сильнее сердца.

«Любовь приходит и уходит, а кушать хочется всегда», – подумал Федюня и легко отказал в подарке девчонке, махнув рукой на чётки и утешая себя тем, что ещё что-нибудь добудет. На протяжении нескольких дней длился сказочный ежевечерний пир. Жарили оладьи на противне, стоящем прямо на углях костра. Тесто растекалось по жести, запекалось в единое целое с изюмом. И не было ничего вкуснее этих горячих, сочащихся маслом оладий. А когда удавалось их ещё и сгущёнкой полить!

– Ууууууууу... – тихонько подвывал от тоски по вспомнившимся оладушкам Федюня.

Оладушки закончились, как заканчивается всё: и хорошее, и плохое на земле. Пришлось уйти в рейд. Весёлые братаны-танкисты тоже укатили в охранение первого эшелона. Остались только воспоминания да тщательно припрятанный Федюней и Борисычем очищенный едва ли не добела противень.

Обычно, проблем с питанием бойцов не было. Временные трудности, которые так сильно мучили Федюню, возникли в части после того, как духи умудрились-таки всадить реактивный снаряд в левый борт транспортного самолёта. Как получилось, что вертушки сопровождения прозевали яростную атаку на подходе к посадочной полосе ИЛ-76, никто не знал. Знали, конечно, те, кому положено знать такие вещи, но не все, и, конечно, солдаты в их число не входили. Впрочем, от знаний подобных в желудках тяжести не прибавлялось. В погибшем транспорте помимо почты, нового зимнего обмундирования, были и продукты, коих хватило бы на пару недель сытного существования всего полка. Колонну машин из Союза ждать было долго, только-только добрался караван КамАЗов из Ташкента до Шинданда. Оттуда до Кандагара ой-ой-ой, сколько

километров и дней пути. Была надежда, что в ближайшее время прибудет ещё один транспортный самолёт, но очень слабая и подпитываемая только слухами и сплетнями. Это тоже никак не насыщало отощавшие животы личного состава полка.

Так что кормить кормили, но в пайках пришлось крепко урезать то, что урезалось, и развести пожже то, что разводилось. Вволю оставалось на кухне только вялого, изрядно подгнившего репчатого лука, соли и прогорклого растительного масла. Новый подвоз продуктов ожидался вот-вот и вот-вот, и вот-вот, а есть хотелось до умопомрачения.

Долгожданный ужин не насытил, а только сильнее испортил настроение Федюни.

Борисыч, только что отужинавший вместе с Федюней, страдал от недоедания не так сильно. То есть, он тоже тосковал по домашней еде, но, видимо, желудок его был устроен покрепче, позволял терпеть подольше и не доставлял таких мучений, как Федюнин.

Борисычу было ужасно жаль друга. Глядя на Федюнины страдания он постоянно пытался увеличить порцию товарища, добавляя от своей, подсунуть дополнительно кусочек хлеба. Но эти добавки от такой же маленькой, как и у всех, порции Борисыча хорошо помочь делу не могли, и он постоянно размышлял, где бы раздобыть ещё какой-нибудь еды для Федюни.

В рейд по ближайшим «зелёнкам» собирались недолго. А чего собираться-то? Боекомплект, оружие, вода. В сухпайки, кроме искрошенных в крупу галет, нечего и положить-то было. Зато командир роты капитан Завражный получил «добро» от комполка на возможную добычу дичи хотя бы для кормления рейдовой роты. Так что в вещмешках вместо еды явно проглядывали сквозь туго натя-

нутый брезент скруглённые углы дополнительных патронных цинков.

Было на что поохотиться в зарослях тополей и камышах, кроме, конечно, «душманов». Порой разведка приносила то полтуши косули, то диких гусей. Но в основном, что греха таить, плохо ободранных баранов, называя их для конспирации то сайгаками, то турами, а то и дикими баранами. Впрочем, местные жители редко когда приходили жаловаться на потерю скота. Чёрт его знает, на кого жаловаться-то? То ли на моджахедов, собирающих дань с окрестных кишлаков, входящих в зону ответственности отряда, то ли на шурави, которые, если и причиняли урон, то незаметно, в полном смысле этого слова, уводя животину в полной тишине, а чаще, и в полной темноте.

В этот раз Борисыч отправлялся в рейд без друга своего. Получилось так, что Федюню вместе с командиром взвода лейтенантом Малышевым отправили в Кабул на пересылочный пункт за «молодыми».

А накануне ночью Борисыч проснулся от тихого подвывания.

– Что? Что случилось? – спросонок подхватился он.

– И-и-и-и-и... – доносился тихий жалобный вой из темноты со стороны Федюниной койки. – И-и-и-и-и... Жра-а-а-ть хочу-у-у-у....

И Борисыч решил.

Когда Федюня по всем правилам «пригнал молодых» из Кабула, отчитался и стал свободен, Борисыч таинственно поманил его куда-то за модули.

– Только жри быстро, пока нас тут не накрыли.

– А ты?

– Я уже поел. Поешь, это «бабайская» еда. Варанх называется.

Борисыч снял металлический лист, накрывавший противень.

– Вара...чё? – спросил Федюня, но потрясающий запах жареного мяса, запечённого с колечками репчатого лука в славном противне на углях костра, перебил в нём жажду познания, оставив только желание впиться зубами в эту прекрасную румяную еду, пропитанную подпорченным растительным маслом и луковым соком.

Федюня накинулся на мясо: рвал его зубами, жевал, посыпал прямо в рот щепотки соли, чавкая, прикрывал глаза от наслаждения, нисколько не жалея об отсутствии хлеба.

– Не жестковато? – заботливо поинтересовался Главный Кулинар и Спаситель от Голода у забывшего об окружающем мире Федюни.

– Ургхм... – довольно замахал руками Федюня, не в силах произнести хоть слово из забитого до отказа рта. Лицо его расплылось от блаженства, глаза почти закрылись, и только челюсти с механической равномерностью перемалывали куски мяса.

Через некоторое время движение челюстей замедлилось, и Федюня начал проявлять первые признаки интереса к происходящему вокруг.

– Что, Борисыч, колонна пришла? – поинтересовался он у друга, имея в виду долгожданный подвоз продуктов.

– Не, откуда? Даже пришла бы, кто ж мне мяса дал бы столько для себя нажарить? Нет колонны. Ты ешь, ешь...

Наголодавшегося, усталого Федюню особо угоривать было не нужно. Да и на самом деле так ли важно, где Борисыч взял это прекрасное вкусное мясо? Захочет – расскажет. Видно, исхитрился как-то, раздобыл где-то, выменял у «бабаёв»... Может, в рейде подстрелили очередного «дикого барана». Всё-таки Борисыч – настоящий друг!

Наевшегося до отвала Федюню потащило в необоримый сон.

Опустевший противень припрятали в надёжном месте, и Борисыч с Федюней, сытым и счастливым, с трудом переставляющим ватные ноги, пошли дышать.

* * *

Прошло полгода, как Федюня и Борисыч вернулись домой, поотвыкли от ранних подъёмов и тревожных будней. Попривыкли к гражданской спокойной и сытой жизни.

Борисыч валялся на диване, почитывал какую-то книженцию и подумывал, чем бы заняться вечером, когда в комнату забежала сестрёнка и сообщила, что «Вечером дядя Федя и тётя Тая зовут в гости – жареное мясо кушать».

Борисыч хмыкнул довольно, кивнул сестрёнке. Перебрал мысленно запасы спиртного в погребе, подумал, что надо будет прихватить с собой огурчиков – Федюнину любовь, которые никто не мог так засолить, как мама Борисыча, и тихонько задремал.

Уже вечером Борисыч сидел на кухне у Федюни. Друг хлопотал у плиты, переворачивая в сковороде весело шкворчащее мясо, не доверив его женским рукам. Он подсыпал какие-то приправки, то накрывал сковороду крышкой, то снова открывал её и без умолку говорил:

– Так Борисыч меня, по сути, спас от голодной смерти! – Федюня тарачил потешно глаза, тряс головой, чтобы показать, какой же жуткий голод его чуть не уморил.

Молодая жена Федюни Таисия сидела за столом напротив Борисыча, уважительно придвигала по-

ближе к нему то ломти белого хлеба, то нарезанные крупно помидорчики, то сыр, то зелень, чтобы Борисыч мог пропустить стаканчик и закусить в ожидании основного блюда.

Борисыч хмыкал, качал одобрительно головой, слушал Федюню и краем глаза косился в телевизор, где шла передача «В мире животных». Федюня прибрёхивал самую малость, обращался за подтверждением своих слов к Борисычу и не переставая хлопотал около готовящегося мяса.

– А запах! А вкус! А блюдо это называлось... Как, Борисыч?

– Вархадан...

– Не, как-то ты по-другому его называл. Ну да, какая разница. Так вот – вкусотища! А главное много так!

Таисия с благодарностью за спасённого мужа пополнила гранёный стаканчик Борисыча.

Федюня посыпал мясо кольцами репчатого лучка, выключил огонь под сковородой, накрыл её крышкой.

– Ну, вот, через пять минут можно и мяска поесть. Борисыч, давай за твоё здоровье! Да отвлекись ты от этого ящика! За столом на всякую гадость пялишься! Фу, дрянь какая! – покосился Федюня на экран.

Чокнулись, выпили. Сморщившись, сжав в одной руке пустой стаканчик, в другой огурчик, Федюня, выдыхая после глотка, спросил:

– Борисыч! А всё ж таки, что за мясо было? На барана вроде похоже?

– Ага, на барана, – кивнул головой Борисыч. Захрустел огурчиком и незаметно подмигнул в экран телевизора громадному отвратительному чешуйчатому бородавчатому варану.

Глава 18

Дембельский аккорд

Приказ о демобилизации в частях получили месяц назад. Потянулись муторные дни ожидания. Сколько их ещё там впереди? В Союзе ожидание проходит не так тоскливо. У дембелей работы полно: закончить оформлять альбом, подготовить парадку, под любым видом сачкануть от службы. А в Афгане куда денешься?! Война. Рота может уйти и в рейд, и на замену другой роте на блоки. А если так, то на фиг кому надо возиться с двумя-тремя солдатами? И никто не станет вызывать вертолёт или БМП для доставки в родную часть дембелей. Вот и приходится ждать.

Никто из «дедов» не роптал. Ясное дело – служба есть служба! Но каждый ждал, как ясного дня, что вот-вот командир подпишет приказ об увольнении в запас. Ах, этот приказ! Стихи не могут быть лиричнее!

Повезло Федюне с Борисычем! И дружны с самого детства, и служить попали в один срок и в одно и то же место! А кроме того, Федюня за спиной Борисыча чувствовал себя всегда в безопасности, что бы ни натворил. Борисыч выручит, что-нибудь придумает, в общем – голова! Всяко бывало и до службы в армии, и во время службы, и всегда Борисыч находил какой-нибудь выход. Но особенно опасно для Федюни было залететь сейчас, когда до дембеля осталось всего ничего.

Поэтому, когда вечером замполит Губарев вызвал Борисыча к себе, Федюня весь извёлся, намаывая круги вокруг штабного модуля, пытаясь подслушать, о чём там разговор идёт. Долго не было приятеля. Сильно волновался Федюня. Кто его зна-

ет, может, грешны в чём-нибудь они с Борисычем? Да нет. Вроде бы проколов особых не было.

То, что мяска нажарили втихаря, когда жрать не было в части? Так это – мелочи. Хоть и стало известно, что Борисыч масло стырил, даже на губу не попали. Только ротный обматерил при всех и пригрозил начистить рыло, если ещё раз узнает о подобном... А может, замполит всё-таки узнал про «Валяшку»? Не дай Бог! Это было бы страшное дело!

И Федюня начал «мотать нервы на кулак».

Борисыч вышел только через час. Судя по его виду, ничего страшного не произошло. Федюня, приплясывая от нетерпения, никак не мог зажечь спичку, чтобы дать прикурить товарищу. Борисыч задымил «памириной», неторопливо дошёл до ротной палатки и уселся на скамью, вздыхая и бормоча:

– Хм... двадцать квадратов... Ага... А то... Да где ж я возьму... – потом замолчал, затягиваясь сигаретным дымом, и вновь ворчал. – Угу-м... Хэ! Это ж килограммов двести надо..., – ёжился и удивлённо осматривался вокруг, словно не узнавая окрестности. – Котёл опять же...

Федюня только что не повизгивал от нетерпения, но молчал, зная, что Борисыч может томить хоть до утра, прививая таким образом другу долготерпение и выдержку.

Наконец Борисыч привёл свои мысли в порядок, хмыкнул, затушил сигарету и повернулся с хитрым прищуром к другу. Федюня аж привстал со скамьи от волнения.

– Вольно, дембель, вольно! – подковырнул друга Борисыч. – Ты домой сильно хочешь?

– Он спрашивает! – взвился доведённый до предела человеческого терпения Федюня. – Говори, чего надо делать?

– А надо вот что.

Борисыч коротко и толково обрисовал ситуацию. Замполит Губарев прекрасно помнил слова Ленина о том, что из всех искусств для нас важнейшим является кино. Клуб вместо жилого модуля построили давно. С небольшой сценой, с трибункой, с длинными скамьями для зрителей. Но из-за маленького размера клуба, киноподку просто пристроили из фанерных же листов, а противовлажную обработку, пропитку горячей олифой, сделать не успели. Афганистан хоть и южный и пустынно-сухой, но и здесь бывает сыро, и даже очень, особенно зимой. Влага скапливается везде: на стенках палаток, на машинах, на самолётах, в общем, на всём, что на открытом воздухе находится. Крыша киноаппаратной – поверхность открытая. Вода, стоит ей скопиться, как правило, ищет дырку. И найдёт! А внутри – дорогостоящий и важный в политическом смысле киноаппарат. Это тебе не солдат. Киноагрегат беречь надо, чтобы не вышел из строя. Значит, надо укрепить крышу, что и наказал замполит Федюне с Борисычем – защитить кровлю от влаги, и пообещал за скорую и качественную работу скорый дембель.

– Так что, братуха, чем скорее закончим, тем скорее будем дома. Гудрон с меня. Я раздобуду, об этом не думай. Только вот в чем его растопить.

– А это я знаю! – заторопился Федюня. – Знаю где, только не знаю, как взять.

Когда-то Федюня ходил за солидолом к зенитчикам и видел у них котёл, из которого этот солидол ему и выдали. Большой, весом так, на глазок, килограммов на пятьдесят.

Борисыч посопел, подумал и объявил ночную операцию по безвозмездному изъятию посуды у братьев-зенитчиков.

Ночью, задыхаясь от тяжести котла и страха, что их могут застукать, в загаженных солидолом хэбэшках, с перемазанными руками и лицами, посудину таки доставили в часть и спрятали за модулями, присыпав для верности строительным мусором. Чертыхаясь в темноте, напарываясь на обрезки арматуры и ссаживая в кровь пальцы о застывшие куски бетона, всё же благодарили раздолбая Блудова, которому старшина давным-давно приказал вырыть глубокую яму и захоронить в ней всё, что осталось от постройки. Руки у Блудова всё никак не доходили до этого мероприятия, он всё больше отирался в офицерском модуле, охраняя личные вещи начальства от кражи, получая взамен мелкие подачки в виде болгарских сигарет или маленьких шоколадок из лётного пайка.

Через пару дней Борисыч привёз с «Арианы» нужное количество гудрона. Благо, в аэропорту ремонт закончился и смолистые куски, антрацитно сверкавшие под солнцем, перекочевали в старый самосвал вместе с несколькими рулонами толя всего-то за десять кило сахара, в свою очередь выменянных на всякие трофейные безделушки.

Из-за того, что котёл был никак не приспособлен для варки смолы, гудрон нужно было постоянно вымешивать, чтобы он равномерно прогрелся. Поддерживать огонь под котлом Борисыч Федюне не доверил. Сам мешал гудрон, сам отливал нужное количество в ведро, передавал Федюне и снова поддерживал огонь, и перемешивал. Федюне досталась не тяжёлая, но противная работа – заливать крышу. Раскатали толь, разровняли, сделали нахлёст на парапеты. Перед началом Борисыч Федюню наставлял, чтобы гудрон был распределён по швам равномерно, чтобы не было проплешин и тонкого слоя, сквозь который могла

бы просочиться коварная влага к драгоценному киноаппарату.

– Слышь, Федюня, работу сдавать будем Губареву, он лично будет принимать. Сделаешь не так – и накрылся дембель.

Федюня уж постарался! На совесть покрыл сначала углы, тщательно промазал все щели и коварные сучки. После прямо из ведра осторожно поливал те места, которые имели прогибы вовнутрь, – выровнял их в единый уровень со всей крышей. И только потом весело подливал гудрон и размазывал, разводил, разгонял его по всей площади крыши. Тут он, конечно, уже сам решил, что если толь сверху хорошенечко залить слоем горячей смолы, то уж водоотталкивающий эффект будет стопроцентно гарантирован. А что? Хехе... считай, в два слоя, а на швах и примыканиях все три, а то и четыре.

Борисыч вечерами забирался на крышу, не доверяя никому. В первый раз, увидев самодеятельность Федюни, отпустил тому затрещину. Вздыхая, смотрел объём проделанной работы, что-то подсчитывал в обгрызенном стареньком блокноте, покачивал головой, но, по всей видимости, был доволен, хотя и переживал, что не хватит гудрона, так неэкономно использованного Федюней.

Наступил торжественный день окончания работ. Замполит принимал работу дотошно, заглядывал во все углы, зачем-то тыкал пальцем в слой гудронного покрытия и даже попросил закрыть его в кинобудке, чтобы в полной темноте увидеть возможные места, которые просветил бы лучик солнца.

Какой там! Федюня из страха, что задержат дембель, нафигачил от всей души едва ли не полуметровый слой гудрона на фанерную крышу, стараясь делать это незаметно от Борисыча, всё требуя и

требуя подачи наверх вёдер. Так что не то, что солнечный лучик, радиация не смогла бы пробиться к такому уязвимому драгоценному киноаппарату.

Работа была принята. Слово своё замполит выполнил, и друзья начали готовиться к отправке домой. Закатили котёл за модули, не поленились, прикопали его неподалёку от заветного противня. Началось мытьё, стирка, подшивка, да что там говорить! Сборы домой – это просто песня для дембеля! Оформлены документы, собраны вещи. Что ещё? Напоследок ногами обойти часть, попрощаться с теми, кто остаётся, пожелать удачи. Даже зашли к замполиту Губареву, который как дурень с писаной торбой продолжал нянчиться со своей кинобудкой. Замполит небрежно попрощался, отмахнулся, – некогда ему, тем более что решил испытать крышу на влажность всерьёз, подогнал водовозку, распорядился налить воды на крышу.

Даже такое невнимание замполита не испортило прекрасного настроения Федюни и Борисыча.

Оформили всё, что положено. Сдали оружие, попрощались с братишками-сослуживцами и как полноценные демобилизованные воины в ушитых парадках с дурацкими аксельбантами, свитыми из парашютной стропы, в жёстких погонах, от вложенных в них вставок, Федюня – с медалью «За отвагу», а Борисыч – с тускло мерцающим рубином орденом «Красной звезды» на груди забрались в вертолёт и приникли к иллюминаторам.

Радостно было понимать, что скоро встретятся с родными, увидят такой далёкий дом, что позади два года непростой службы на войне... Но в то же время было очень грустно прощаться, оставлять братишек, с которыми сроднились и столько пережили, и родную часть, где так много было построено, отремонтировано, налажено своими руками.

Поэтому друзья посоветовались и попросили пилотов, чтобы они, взлетев, сделали прощальный кружочек над частью на небольшой высоте.

Немного осталось. Гул двигателя заглушил слова, отодвинулась, откачнулась земля Афганистана, отпуская отдавших ей два года жизни солдат.

Федюня тыкал пальцем то туда, то сюда, и Борисыч, переглядываясь с ним, кивал головой:

– Вижу, братуха, вижу!

Со светлой грустью в душе, с застывшими улыбок на лицах они смотрели на территорию части: видели свою палатку, дымок, вьющийся над трубой кухни, замполита, который махал им кулаком в небо. Борисыч пытался сложить в слова неслышимые звуки, улавливая их по изломам губ майора Губарева:

– ... о.. о... оооб... а..ааа... ууу... ..ааааа...ть...

Борисыч недоумённо глянул на Федюню, а тот уже показывал пальцем в иллюминатор на зрелище страшной разрухи, которую устроила проломленная внутрь от непомерной тяжести гудрона и воды крыша кинобудки.

Глава 19

Переподготовка

Ёксель-моксель! На военные сборы, которые называли переподготовкой, пожаловал сам глава района с тройкой заместителей! Пузатые и лысые, одетые в офицерскую форму нового образца, они не жились под объективами телекамер местного телевидения, но старались отвечать на вопросы сурово, по-военному. Показывали указующим перстом в сторону потешного воинства «партизан» и изрекали что-то насчёт того, что «слуга царю, отец солдатам» и «сам погибай, а товарища выручай».

«Партизаны» – хмурые мужики возраста около сорока лет, стояли в неровном строю. Они мучились похмельем, «соколами» не смотрели, тихо ненавидели подъехавших руководителей и нетерпеливо ожидали, когда кончится весь этот цирк и начальство оставит их в покое.

Странная штука – переподготовка. Людей, отслуживших в армии срочную службу, военкоматы призывают на недельку-другую для того, чтобы они познакомились с новыми видами вооружения, получили порцию военно-спортивных упражнений и шагистики. В общем, чтобы не забывали, как Маму-Родину любить.

Призванных мужиков, взрослых отцов семейств, рабочих заводов или работников сельских хозяйств, в народе зовут «партизанами» за неряшливый, совсем невоенный внешний вид и за частые случаи ночных набегов на беззащитные местные погреба и женские прелести. Впрочем, многие одинокие женщины рады-радешеньки такой партизанщине и частенько размещают «солдатиков» у себя в домах. Сами же мужики, получая приказ к отправке на сборы, реагируют по-разному. Кто-то кричит-матерится, что у него хозяйство развалится. Кто-то получил возможность передохнуть от занудства жены и требовательного начальства. А очень малое количество, вот как подъехавший глава, всерьёз относятся к возможности укрепить свой имидж. Но главное занятие на сборах, конечно же, возможность крепко и хорошо выпить!

Глава договорил заранее подготовленную речь, раскланялся. Репортаж о введении нового образца военной формы в войсках был отснят. Телевизионщики свернули оборудование и помчались в соседнее село снимать кадры о родившемся там позавчера двухголовом телёнке.

Топчущиеся в общем строю Федюня и Борисыч дождались момента, когда иномарки с приезжими развернутся и запылят по просёлочной дороге, получили команду разойтись и с облегчением стащили с себя новую военную форму. Она была нелепая, неудобная и абсолютно непригодная к армейским нуждам. Особенно смешили и бесили мужиков новые головные уборы офицеров – с высокими петушино-клоунскими тульями.

– Круче, чем у фашистов в войну! – оценил дизайн Борисыч.

– Ага, это чтобы в лобешник пуль легче было попасть, – поддакнул Федюня.

Может быть, где-то переподготовка и проводилась серьёзно, с хорошей организацией и основательной базовой подготовкой. Но место, где находится это «где-то», найти на карте очень трудно.

Обычно, власть хитрила и под видом призыва на переподготовку кидала сельских мужиков на уборку урожая в разные сельскохозяйственные районы страны. Кого на пять, кого на десять дней. А если удавалось найти общий язык с самими «партизанами» и их начальством, то и на месяц.

В этот раз военные сборы подавались под девизом знакомства с новым обмундированием. И, в принципе, можно было «призывникам» отправляться по домам, так как основная задача была выполнена.

Ха! Разве это сборы?! То ли дело было раньше!

Как можно было под видом переподготовки послать на уборку урожая селян, которые и так этой уборкой заняты? А очень просто! Надо всего-навсего отправить их в соседний район. И «птичку» о том, что воины запаса прошли военные сборы, ставить можно, и народное хозяйство получало практически бесплатные рабочие руки. Красота!

Федюня припомнил разные места, где их размещали с Борисычем. Особенно хороши были культстаны, обустроенные при разных участках, в которые поселяли и сельских, и горожан, например, на время уборки хлеба.

Отлично работать на току! Машина подъехала, сгружает зерно, не поленись только лопатой согнать из кузова остатки, и лежи, загорай в ожидании следующей!

Кормят четыре раза в день бабы из местных, которые здесь же и кухарят. Пожилые кухарки уезжают ночевать на центральную усадьбу, домой, а некоторые одинокие молодухи здесь же и остаются на ночь. Мало того, для особо хороших едоков подвозят в пятый раз с центральной усадьбы большую алюминиевую кастрюлю, полную громадных, с мужскую ладонь, ещё горячих пирожков и такую же точно кастрюлю компота. Ну, не чудо?!

Когда солнце садится и опускаются сумерки, наступает такая благодать, какая может быть только в раю.

Бездонное звёздное небо над головой, какое никогда не увидишь в городе, тёплый лёгкий вечерний ветерок, напитанный степными запахами разнотравья – ароматом, подражать которому не в силах никакая парфюмерная фабрика, тихий шелест густых крон громадных деревьев, окружающих временное жильё, и мелодичные переливы трелей какой-то ошалевшей ночной птахи, смешавшиеся в единой мелодии с пением цикад и сверчков. Прелесть!

Впрочем, эта прелесть – для новичков и горожан. У Федюни с Борисычем дома был такой свой собственный рай.

Федюня припомнил самые первые их с Борисычем военные сборы, когда их отвезли подальше от родного села, в соседний край.

Борисыч на ту пору был только полгода как женат на Марье и ещё придерживался целомудренных принципов семейной верности, а Федюнин ветеранский трёхлетний стаж семейной жизни уже требовал разнообразия и развратных действий вдали от семьи и Таисиной скалки. Вот Федюня и притатунился у незамужней одинокой женщины на время военных сборов до полной уборки богатого урожая. Борисыч осуждал друга, считал, что Бог не накажет, так уж проучит точно за такую распущенность, но мужская солидарность заставляла помалкивать в тряпочку. А Федюня благоденствовал в объятиях своей жаркой временной подруги, попивая самогончик, лакомясь специально приготовленными для него, неутомимого любовника, блюдами.

Федюня, припомнив подробности давних событий, грустно-грустно вздохнул.

Тогда урожай благополучно собрали и по этому поводу закатали Большой Сабантуй.

А наутро... Наутро после Сабантуя Федюня приткрыл один глаз... Ох, и замутило же! Подавил тошноту и стал вспоминать, куда вчера заначил поллитровку самогона. Не открывая глаз, нащупал под овчинным тулупом, на который его вчера отволокли, как кусок сырого мяса, тёплую бутылку, удовлетворённо хмыкнул, сморщился от судорожного рывка желудка и с трудом разлепил глаза. Свет еле выползающего где-то далеко солнышка резанул сквозь щелистые стены сарая по воспалённым глазам недоспавшего гуляки. Федюня хотел было приложиться к горлышку, нетерпеливо вгрызаясь зубами в пробку, сделанную из кукурузного початка, как услышал густой кашель Борисыча, шарбабающегося где-то за стеной сарая. Стало стыдно.

«Чего ж это я, алкаш какой, что ли, – один пить? – сказал себе Федюня. – Вон, Борисычу-то тоже, небось, хреновато... А то ж! Вчера тоже разгусарился!».

Федюня дрожащими руками опёрся о липкие доски пола, от которых подозрительно несло кислотинной. Мелькнула мысль: «Блевал-таки вчера!». Федюня смутился, – перепивать всё ж таки не стоило, но стыдливость лёгким сквознячком улетела в предвкушении похмельной чарочки. Тошнота не отступала. Федюня геройски выпрямился, интеллигентно кхекая, подал сигнал Борисычу, что не он один такой ранний.

В летней открытой кухне бабы-кухарки уже что-то жарили-парили, прекрасно зная, что сейчас начнут подползать «полечиться» люди с жутким похмельным голодом, и нужно им скоренько что-то приготовить. С кухни доносились аппетитные запахи то ли разжариваемой на сале оставшейся «со вчера» картошечки, то ли яичницы. Слышно было весёлое звяканье сковородок и кастрюль.

Борисыч заглянул в сарай, угрюмо кивнул Федюне на загаженный пол. Федюня засмутился, но просипел примирительно:

– Ладно, чо ты начинаешь? Сам-то не блевал никогда? – смутившись, вынул из кармана помятых брюк бутылку и кивнул в сторону огромного, специально сгондобленного для Сабантуя стола. Борисыч кивнул и отворил дверь на двор.

Уселись на длинные лавочки, поставили локти на стол. Федюня знал, что друг его не терпит спешки, поэтому молча попыхивал отвратительным дымом «Примы» и досадовал, что не сообразил припрятать вчера и стакан, теперь жди, пока там Борисыч созреет, соберётся принести посуду. Самому-то как-то неловко было идти в дом, где спали остальные мужики. Чёрт его знает, что вчера натворить успел.

– Из горла, видите ли, он не может! – раздражался Федюня, обозлившись на неторопливость и

щепетильность Борисыча. – А вчера из борщевой миски пил, когда на посошок да стременную отъезжающим наливал. Стаканы ему серьёзными не казались... Эхххх! – Федюня выбросил окурок.

Самое хреновое, что из чёрной пропасти Федюниной памяти, крутятся, всплывали разные моменты вчерашнего разгула, среди которых был очень неприятный. По ходу веселья Федюня начал тискать молодых девчонок. Девчонки пищали и разбегались, а Федюня, растопыривая руки и приседая на ногах, как при ловле кур, гонялся за ними, пока не напоролся на звонкую пощёчину своей временной подружки – сожительницы Зинаиды.

М-да... Нехорошо получилось.

Борисыч буркнул, что хорошо бы закусить хоть чем-то, поднялся и не спеша направился к кухаркам.

– Вот гад! – бесновался Федюня. – Ведь башка-то и у него гудит, а виду не кажет! – и успокаивал себя: прораб – он и дома прораб. Солидность тут нужна. На виду живём.

Зинаида, обиженная Федюнина подруга, вынесла из кухни большую дымящуюся кастрюлю, хлопнула её на стол, недовольно косясь на притихшего, оробевшего Федюню, проронила:

– Закусывай, Федя!

И ушла. Борисыч поднёс стакашки, по кусочку хлебца. Наконец-то налили. Федюня, ёрзая по скамье, подполз к кастрюле, благодарно поминая Зинаиду, оставившую половник. Побултыхал черпаком, взмётывая гущину со дна, пытаясь захватить мелькнувший белёсый кусок мяса. Подкатила тошнота, Федюня вздрогнул, сглотнул и упустил-таки трясущимися руками мясо. Собрал силы, зачерпнул погуще и сел напротив Борисыча, дуя на жижу. Подняли стаканы. Кадык у Федюни забегал вверх-вниз,

вверх-вниз, выказывая еле сдерживаемое нетерпение. Борисыч поглядел куда-то вдаль, пробормотал непонятное, то ли «с Богом», то ли «к чёрту», и посмотрел на Федюню, давая понять, начинай, мол, и передавай черпак – закусить. Федюня опрокинул стакан в рот, потянулся за черпаком, запивая из него крепкий самогон. Борисыч, глядя на него, только приложился к стакану, как вдруг Федюня отбросил половник, выбив посудину из рук друга. Самогон пролился и потёк по мятым штанам. За спиной хохотали бабы-кухарки, и звонче всех смеялась отомщённая Зинаида. Федюня бросился к кастрюле. Так и есть: смывки вчерашних объедков!

– Вот, чёртовы бабы, – задушенным хрипом взывал Федюня. – Борисыч! Я ж ещё думаю, чего они так мясо разварили! – и вытянул всей пятернёй из подостывшей жижи скользкую разваливающуюся тряпку, которой вчера стирали со стола остатки и объедки Большого Сабантуя.

Глава 20

Отпуск

В России начиналась новая жизнь. Пока ещё непонятная и многообещающая, начиналась она с общей бестолковости власти и глупого отказа от всего хорошего, что было создано прежде.

Старая экономика была уничтожена, новая только зарождалась, а пока не было вообще никакой.

Настали тяжёлые времена. С работой стало совсем плохо. Таисин муж, Федюня, реже и реже зажигал в мастерских весёлое пламя электросварки. Марьян муж, Борисыч, уходил в соседние сёла класть

печи в новых домах и мучился от того, что по несколько недель не видится со своей семьёй. Марья и Таисия смотрели на то, как бьются за выживание их мужа, стараясь обеспечить семьи, и понимали, что надо попытаться добывать средства для жизни где-то ещё, кроме села.

В это время появились новые способы и возможности зарабатывать. Сначала открылись для въезда россиян Польша и Финляндия. Позже, для торговли и для отдыха – Турция. Начался период «челночного бизнеса». Бывалые городские подруги порассказали Марье и Таисии о чудесах и трудностях этого заработка, пообещали первоначальную поддержку. И женщины рискнули. Достаточно удачно сделали пару – тройку поездок, подкормили, приодели и крепко поддержали свои семьи. «Челноковать» постоянно не стали, но если решали заработать деньжат, то быстро собирались и ехали.

Много говорили о своих мужиках и крепко жалели их, в мирное время хлебнувших войны, а теперь очень сильно страдающих ещё и от своей брошенности, ненужности государству.

Кроме того, и Федюня, и Борисыч сильно переживали разрушение сельского строя и безработицу, не могли спокойно говорить о мизерной оплате за свой труд, а такие переживания здоровья мужикам, конечно, не добавляли.

Женщины понимали, что мужикам надо отвлечься и передохнуть. В сельской жизни отпуск – понятие смутное и расплывчатое, многим вообще неизвестное. И у Федюни, и у Борисыча обострились всякие болячки, постоянно ныли старые раны, полученные в афганской войне. Курорты России стали либо запущенными, либо недоступными, а недорогие путёвки в санатории остались в уходящем навсегда прошлом. Попытки обращаться в районные,

городские и краевые советы и комитеты по делам ветеранов афганской войны не принесли ничего, кроме досады. Все разговоры в комитетах заканчивались словами «ну, он же у вас не инвалид». Как будто бы отдых, лечение и простое маленькое безделье под тёплым солнцем на песочке около воды было нужно только инвалидам.

Ни от кого ничего не добившись, женщины посоветались и решили сами сделать своим мужикам новогодний подарок.

Свою подготовку и хлопоты они держали в таком секрете, что ни Федюня, ни Борисыч, ничего не подозревая, как жили, так и продолжали жить. И поэтому Большой Сюрприз удался.

Накануне Нового года женщины объявили своим мужчинам, что их ожидает поездка в Турцию, и вручили им по туристической путёвке.

После того, как первый шок прошёл, и до мужиков начала, хоть и с трудом, доходить объявленная информация, начались скорые сборы.

Впрочем, вещи собирали жёны, а Федюня и Борисыч собрались посоветоваться, что брать с собой и как вести себя в неизвестной далёкой Турции, но больше просто курили, болтали.

– Тюрки, думаю я, это что-то вроде афганцев. Тоже мусульмане, тоже чернявые, – размышлял Федюня, пуская аккуратные кольца табачного дыма в потолок кухни.

Разыгравшаяся за окном метель ударила снежным зарядом в окно, заставила нервно вздрогнуть задумавшегося Борисыча.

– Тьфу ты, чёрт! Зима не на шутку разошлась, – глянул он в окно и задёрнул занавески. – Не знаю, Федь, про них ничего, никогда не интересовался. Они, кажется, как наши азербайджанцы, – споткнулся на трудном слове Борисыч. – Я больше ду-

маю о том, какие у нас девчонки молодцы – сделали нам поездку. Меня такое зло берёт на нашу страну! Мы с тобой в Афгане отслужили честно, тебе ли не знать! Присяге и стране не изменили, долг солдатский выполнили до конца. А в ответ? Получается, что мы только девчатам нашим и нужны? Я не хочу «халявы», меня не надо на руках носить, но вот так – кинуть, как картофельные очистки! Ты же знаешь, что девчонки по комитетам ходили?

– Знаю, – кивнул Федюня. – И по комитетам, и по администрациям, и даже по собесам. На хрен мы с тобой не нужны своей Родине. Вот и правда, бросить всё к чёртовой матери, собрать шмотки, семью и уехать жить в другую страну! Руки есть, ноги есть, как-нибудь проживём.

– Не проживёшь, – спокойно возразил другу Борисыч. – Родине-то ты сейчас не нужен, да только она тебе нужна. Ты-то как раз самый первый без России не проживёшь. Месяцок прокантуешься, а потом пешком по бездорожью прибежишь назад.

– Это ещё почему?! – возмутился Федюня таким сомнением в своём потенциале.

– А потому, мой дорогой братуха, что таких рас... гильдяев, как ты, только Российская земля носить и сможет! – рассмеялся Борисыч. – Шучу, шучу. У тебя душа не так устроена, чтобы ты смог на чужой земле счастливым стать. Тебе, кроме хорошей жратвы, дорогой иномарки и большой квартиры, будет так не хватать вот этого всего...

Борисыч показал рукой в темнеющее окно, за которым пуржила белая круговерть, как бы желая показать Федюне необъятные российские просторы и родное село, и многое другое, что глазами увидеть нельзя, и чего будет так не хватать иностранному гражданину Федюне.

– Да ну, на фиг! – загорячился кандидат на смену гражданства. – Без нашей распутицы да безработицы я не проживу? Ха! Да в хороших условиях!.. Да ты меня накорми, напои и в баньке вымой!.. Да я тогда через десять дней забуду и эту страну, и то, что в ней жил когда то!..

– Да нет. Это в тебе обида говорит. В нашей грязи непролазной и в том, что сейчас вокруг творится, конечно, хорошего ничего нет. Сам я на свою страну злюсь. А..., – Борисыч покрутил рукой в воздухе, подбирая нужные слова, но подобрать их не смог. – Не, я не сильно учёный, и объяснить то, что чувствую, тебе не смогу. Самим надо браться за дело, думать и нашу жизнь менять. Здесь, на нашей земле, менять. Жить-то мы всюду сможем, только счастливы нигде не будем. Вот увидишь, сейчас поедem в Турцию, и ты за эти десять дней взвoешь и никакой заграницы не захочешь. А девчата молодцы! Это ж как дорого! И хитрые – не проболтались до последнего! Я сначала расписовался. При том, что денег не хватает постоянно ни хрена, какая Турция!? А потом поостыл и подумал... Чего мы с тобой в этой жизни хорошего видели? Повидали-то много всякого, но хорошего было немного. А и правда, хорошо хоть куда-нибудь съездить. Хоть в Турцию, хоть к чёрту на рога. От нашей жизни дней десять отдохнуть.

На том и порешили.

Сборы недолги. Прощание, напутствие: «Не нажираться! Там с этим строго!», и поехали отдыхать русские мужики из морозной снежной зимы в далёкую тёплую Турцию.

Поселили друзей в пятизвёздочном «Истанбул отеле», за сто десять долларов в сутки. Узнавая, что почём, Федюня с Борисычем сначала ахали и удивлялись, душила жаба экономности и воздержания, а потом махнули рукой на всё. Один раз живём!

Может быть, больше никогда не придётся так отдохнуть.

Федюня первые дни «зудел» Борисычу, мол, вот это жизнь! Нам бы так! Вот это сервис! Это тебе не российское село! Потом успокоился и притих.

Начали изучать неизвестную Турцию с пляжа «Иstanbul отеля». Прежде чем залезть в море, Федюня с Борисычем осмотрели окрестности. Широкий бетонный пандус плавно и красиво стекал к самой воде. На пляже были разбросаны лёгкие кресла с закрытыми зонтиками и штабеля пластиковых лежаков, что однозначно говорило – народ здесь плещется.

В первые дни Федюня долго забредал в воду, немного стесняясь своих кривоватых ног, белого, как непечёное тесто, тела, семейных трусов синего цвета в белый горошек и нескольких шрамов, подаренных душманскими осколками. Но уже через неделю, освоившись на приветливом берегу, и Федюня, и Борисыч стали чувствовать себя увереннее.

Сегодня Борисыч решил сначала погодить с водными процедурами, а Федюня потихоньку хэкнул, бросаясь в мелкую волну, и погрёб шумными размашистыми гребками.

– Станный народ эти турки, – размышлял Федюня, то погружаясь с головой, то выныривая. – Чего это они плятятся? Январь, конечно, но водичката – класс!

Федюня повернул к берегу, стараясь придать своим гребкам изящность, плавность и грациозность. Среди зрителей наверняка есть женщины! Правда, здесь, в Турции от знакомства с женщинами лучше бы воздержаться. Можно так попасть!

Ах, женщины, женщины! Федюня подумал про жену Таисию, родной дом и аж остановился в воде, когда вспомнил важнейшее событие, которое они с

Борисычем, усыпленные ласковой Турцией чуть не пропустили на фиг!

– А всё Борисыч! – негодовал Федюня, лихо-радочно выгребая к берегу. – Давай поживём как люди! Может, уже никогда не удастся... Отвлекись ты, говорит, хоть на десять дней, не думай о доме! Как же! Ага!

Борисыч уже стоял на берегу. Когда только успел окунуться? Смахивал с огромного живота солёные капли и, подпрыгивая на одной ноге, ладонью выбивал воду из уха, когда мимо него, чуть не сбив с ног, по направлению к отелю стремительно пробежал Федюня.

– Федь! – вслед удаляющейся спине и развевающимся широкому, подхваченному на бегу полотенцу, крикнул Борисыч.

Куда там!

Поглядывая на волны, оставленные в море стремительным, как катер, пловцом, прикидывая, что могло такого случиться с другом в воде, Борисыч заволновался. Он уж было совсем засобирился в отель, размышляя и так, и этак, какая водяная дрянь и за какие места может цапнуть в здешних водах, когда сам предмет его душевного волнения бодро подбежал к скамейке. С артистичностью киношного разведчика, как ему казалось, оглянувшись по сторонам, Федюня аккуратно опустил на скамейку небольшую дорожную сумку с надписью «Аэрофлот» на боку.

– Фух, запыхался, – заговорил он.

В ответ на вопросительный взгляд друга зата-раторил:

– Вот ведь, Турция, как убаюкала! Чуть не забыл! Да и ты тоже хорош, ни хрена не помнишь! Чтобы ты делал без меня? А турки – бусурманы чёртовы! Праздник у них – рамадан, точно, как у афганцев.

Не пей на виду у всех, – оскорбиться могут! Черти нерусские...

Федюня достал из сумки бутылку водки, завернутую для маскировки в бумажный пакет, поставил его на скамью. Руками переломил пополам для себя и Борисыча небольшой батон местного салами, и продолжал говорить без остановки:

– Да и в полицию загреметь можно! А полиция у них тут о-го-го! Я первый раз аж подпрыгнул, когда ехали в отель и автодорожные полицейские что-то рывкнули в мегафон. Помнишь? Все машины остановились, освободили переход для пешеходов. Ха! У нас бы в городе так! А всё же турки – дураки. Я не хотел бы в Турции жить. Русский язык они не понимают и со стаканами в номерах у них тут проблема.

Федюня протянул Борисычу наполненную до краёв водкой, тоже завернутую в бумагу вазочку из номера.

– Между прочим, водочка по пять долларов за бутылку, – с гордостью расточителя и прожигателя жизни сказал Федюня.

Борисыч сдвинул свою вазочку с вазочкой Федюни, приглушенно чокаясь:

– Ну, что... хм, давай, Федюня! За что пьём-то? Что за событие?

Уже начавший выпивать Федюня поперхнулся, пролив из краешка рта струйку водки себе на грудь, но сглотнул до конца.

Измученно косясь глазом на ничего не понимающего, смеющегося Борисыча, торопливо откусил от колбасы. Прожевав и проглотив кусочек, отдышавшись, с негодованием накиннулся на друга:

– Ты чего, турок хренов! Вообще тут опупел? Родину забывать начал? Нехристь! Сегодня ж Старый новый год!

Глава 21

Потоп

На взгорке красовался десяток коттеджей, сложенных из красного кирпича. Они укрепились на фундаменте и заложеной природой монолитной каменной плите.

Испокон веку там сельчане не строились. Ни огорода вскопать, ни колодца пробить. Лопата снимает тонкий верхний слой земли, а потом только дзинькает, аж искры сыплются. А вот теперь там понастроили теремки новые скороспелые богачи. Им огороды и колодцы до лампочки. Они не огородами живут. Гранит пробили глубоко, метра по три высотой подвалы получили, и под землёй обустроили для себя бильярдные, бани, гаражи. Ограда вокруг домов, не менее чем на метр вкопанная в грунт из штучного, в три кирпича материала. Ну и сами коттеджи по три этажа вверх. Навезли много стройматериалов, обустраивались прочно, надёжно, надолго.

На этой стройке половина села зарабатывала себе на хлеб и злилась, потому что другой хорошей работы в селе не было по вине в том числе и этих заказчиков. Плевались, ругались, но семьи кормить было нужно. От тех, кто работал на стройке, и были известны такие подробности: какой марки и сколько цемента было потрачено, какое расположение и количество комнат, какие чудеса прячутся в подвалах новых домов.

Там же работали и Федюня с Борисычем, удивляясь возможностям больших денег, сокрушаясь, что такие дома никто и никогда не построит для простых людей, понимая, что стройка идёт в основном не на те деньги, что честно заработаны горбом.

Уже многие привыкли, что пройдохе и вору губернатору дела нет до того, как выживает сегодня село. От него никто не ожидал ни помощи, ни поддержки. Боялись, как бы он не разрешил скороспелым богачам у села отнять последнее.

Хозяйства разрушены или переданы почти даром ловкачам за хорошие взятки. Обманом выманены земельные паи. Денег на строительство дорог, ремонт моста, расчистку русла реки, водопровод и газ село не видело с момента прихода к власти губернатора, который сумел продержаться два срока и готовился пробиваться на третий.

Поэтому грустно было на душе у селян. Обсуждая ситуацию, матерились сорокалетние мужики Федюня и Борисыч. Вспоминали прежнее, процветающее, богатое село, хоть и кривую, но искреннюю заботу старого, теперь несуществующего государства. Очень жалели и сокрушались о том, как сильно разрушена армия.

– А пацаны! Ты видел, кого призывают? Он на ногах от недоедания не стоит. Служат те, кто откупиться не смог... Автомат тяжелее, чем сам призывник! – горячился Федюня, укладывая финскую керамическую плитку на пол невероятной по красоте сауны. – Его не то что враг, его дождь наповал убьёт! Армия, мля... А Чечня! В Чечне что творится!

– Да, братуха, хреново. Если чо, помощи ждать неоткуда, – соглашался Борисыч. – Только не они виноваты, что им самим сейчас помощь нужна. А мне так хочется хотя бы на пару недель попасть опять в ту, нашу, настоящую армию!

– И мне, – подхватил Федюня. – Может, и не на два года службы, может и не стоять на тумбочке, а просто пробежать, как в рейде, плечо в плечо, с автоматом и полной выкладкой к общей цели, всем вместе! Только чтобы опять были всё те же наши пацаны.

Ах! Глянули друг на друга – у каждого молодой блеск в глазах, щёки зарумянились. Эх... Не будет больше никогда той армии и той страны...

Матерились, плевались и... продолжали работать на строительстве у новых богачей, чтобы хоть как-то прокормить семьи.

– Я не против богатых, – кивал на фантастическую сантехнику Федюня, – я хочу, чтобы не было бедных. Ведь наворовано же! – разводил руки в стороны, как бы стараясь показать в подвале особняка, как много наворовано.

– Ну не все, кто сейчас разворачиваются, воры. Хотя эти, – кивал он наверх, – эти, да. Этими точно у нас и украдено, я тебе даже могу сказать, где именно. А ты думал? – соглашался с другом Борисыч. – Ты понимаешь, не так бы было обидно и страшно, если бы они делились, – кивнул головой наверх, имея в виду и хозяев стройки, и вообще всех новых богачей. – Хотя бы отдавали деньги на армию.

– Да... Держи карман...

За пару недель работы Федюня и Борисыч вместе с бригадой поставили мощную дамбу, укрепили бережок. Так, чтобы коттеджи устояли в любой стихии. Да только новые селяне, соблюдая свои интересы, этой дамбой наделали беды. Речка не особо спокойная, журчит на перекатах, новый путь себе пробивает и подтачивает потихонечку высокий берег, от которого до домов простых людей метров пятьдесят осталось.

Где тонко, там и рвётся. И порвалось. Порвалось там, где годами не решались вопросы и накапливались проблемы.

Дожди лупили нещадно две недели подряд. Из-за того, что русло не чистили уже лет десять, на дне накопилось много всякой дряни, которую несёт со своими водами любая река. Уровень воды

из-за этого препятствия поднялся неимоверно. А полную беду сотворила вода, которая из водохранилищ выше по руслу перехлестнула через плотину, сломала укрепления и ринулась вниз огромной волной. Вот этой волной почти мгновенно и смыло нижний берег села. Те дома, что покрепче, держались ещё несколько суток. Стояли покосившиеся, зачерневшие нанесённым илом и сползли-таки ночью в реку, в несущуюся бешеную воду.

Как игрушечный, был в секунду снесён старый деревянный мост. Закрутила, завертела его бешеная вода и разорвала в щепки. И село оказалось отрезанным от внешнего мира.

Дождь не утихал. Вода нашла себе ещё один путь, и большой участок земли с пригорком стал островом. На острове метались пойманные в ловушку стихии люди, дома которых пожрала вода. Ни перебраться на «большую землю», ни защитить себя на «острове» они не могли.

С берега односельчане пытались два раза отправить смельчаков в лодках, но первую лодку перевернул, а вторую разбил огромной силы удар бурно несущейся воды. Больше рисковать не стали, решили ждать, пока поток станет не таким стремительным.

Из центра села по связи просили помощи у кого только могли, рассказывали, в какую беду попало село.

Ничего... Вторые сутки уже пошли, а ничего. Только «держитесь, держитесь, держитесь».

А как тем бедолагам на острове держаться? Да и в самом селе... Особых запасов продовольствия в сельпо никогда не было. По мосту перебрались бы в сухие районы, продержались бы, а без моста – никак. Беда!

Не знали отрезанные водой сельчане, что в такую же беду попали два десятка сёл и три города,

что главный российский спасатель вставил знатных драндюлей дураку-губернатору, на что тот ужасно обиделся и начал вякать что-то про: «барин вот приедет, барин нас рассудит». Но когда сам президент лично облетел место бедствия на вертолёт, увидел масштабы трагедии и выслушал доклад об их причинах, то драндюлей от себя лично губернатору добавил.

Знали только, что движутся на помощь военные из близ расположенных частей и гонят уже сутки специальную спасательную тяжёлую технику.

Люди защищались как могли. Около островка пострадальцев установили круглосуточное дежурство. Наготове держали лодки, друг друга через полсуток сменяли по десять человек. Постоянно держали наготове костёр, запасы одеял и продовольствия, улучая момент, когда можно было бы двинуться на помощь. Время от времени кричали слова поддержки в самодельные рупоры, но что им отвечали с острова, не слышали – шум большой страшной воды заглушал крики.

Заступили на дежурство Федюня, Борисыч, школьный учитель, сын почтарки, конюх, агроном. Дрова для поддержания костра пошли заготовить два механизатора, конторский работник и сельский бухгалтер.

Дело шло к вечеру. Затянутое чёрными тучами небо немного прояснилось. Мужики попивали горячий чай, сваренный в котелке над огнём костра, постоянно поглядывая на бурный поток воды.

– Да, несладко им там, – кивнул в сторону острова Борисыч.

– Что уж там... Всего лишились люди... – поддержал разговор Федюня. – Оттуда бы ещё исхитриться и как-то их вытащить... Зато у этих полный

порядок, – он злобно мотнул головой в сторону за-
светившихся тёплым электрическим светом окон
коттеджей. – Я ведь ходил к ним, звал, чтобы по-
дежурили.

– Да? Ну и как?

– А никак... Собак выпустили во двор и всему
разговору конец. Наша беда их не касается. Да и во-
обще, не наши они...

– Ну, ничего, придёт время... – начал Борисыч и
сам оборвал себя. – Ты ничего не слышишь?

– Вроде шум какой-то...

– А ну тихо, мужики!

Откуда-то с севера донёсся явно слышный рёв
моторов тяжёлой техники.

– К нам?

И уже уверенно – радостно:

– К нам! Да вон они! Мужики! Помощь пришла!
Наши!

Из-за поворота вывернули армейские машины,
показались люди. Много людей. Замелькала воен-
ная форма и яркие куртки спасателей.

Подъехали и, сообразив, какая сложилась ситу-
ация, начали быстро действовать.

Вот уже полетели в воду и развернулись первые
понтонеры, вот уже установлены первые палатки для
оказания медицинской и другой необходимой по-
мощи.

Разом помолодевшие, сбросившие два десятка
лет, Федюня и Борисыч были опять вместе с арми-
ей, были среди своих. Они опять были солдатами,
такими, как в учебке в Прибалтике, такими, как
позже, в Афганистане. Они слышали слова команды
и отзывались:

– Есть!

Торопились выполнить её, как если бы они
опять были солдатами срочной службы.

Они вместе с понтонёрами наводили переправу: связывали, тянули, крутили гайки. На берегу раскладывали полотно палаток, вбивали колышки, носили одеяла.

Плечо к плечу с крепкими рослыми солдатами несли брёвна, доски, проворно изготавливали настилы.

И вода уже была не страшной, исчезло чувство брошенности, ненужности, незащитности. Вместе, единой командой, помогая перебираться со злополучного острова, несли на руках замёрзших мокрых детей, передавали их на руки медикам и опять вместе с парнями в армейской форме бегом выполняли команды, которые своевременно, продуманно и чётко отдавал моложавый майор.

Уже стемнело, когда по освещённой фарами военных машин переправе двинулись в обе стороны люди и техника. Село было спасено.

Около догорающего костерка Федюня и Борисыч выжимали мокрые рубахи, торопливо надевали их на разгорячённые тела, выливали воду из сапог, собирались идти домой.

– Смотри-ка, Борисыч! Мы отстали с тобой! Всё меняется. У нас опять неплохая армия сегодня! Я как будто опять вместе со своими побывал! – блеснул глазами улыбающийся, помолодевший Федюня.

– Почему «как будто со своими»? А кто же они? Сынки! Свои и есть! – улыбался Борисыч. – Вот эти, – кивнул Борисыч в сторону притихших коттеджей, – и губернаторы, приходят и уходят, а народ остаётся. Был и будет! И мы с ним тоже!

Навсегда!

Атака

(Легенда о солдате)

Поэма

«Вроде, попало!..»

Он встал из тех самых развалин, которые уже были знакомы не хуже родного огорода, что там, в деревеньке Муравеевка, у полустанка Колено ЮВЖД. Он выскочил из удобной, обжитой дыры и побежал короткими перебежками, как учили в учебной роте, в районе формирования: выскочил – пробежал – упал – отполз – вскочил – пробежал метров двадцать пять, тридцать – как придётся, упал – откатился – пополз – вскочил, главное – вскочил, хоть и не хотелось. Но и валяться не то чтоб не хотелось, а не представлялось возможным: как это «валяться»? Мёртвый уже, что ли? Вот он вскочил и побежал. Правда, сначала он всё-таки помешкал, так, самую малость: заткнул за пояс полы шинели, чтобы в ногах не путались, и ещё поцарапал деревяшками пальцев новенькую, слегка маслянистую «лимонку»: нравились ему эти вот аккуратненькие, хоть и увесистые, детские какие-то гранаты. «Как черепашки», – подумал

**СТАНИСЛАВ
ПОДОЛЬСКИЙ**

Проза

бы он, если б ощупывал когда-нибудь полупрозрачных черепашек, которые водятся кое-где у южных речек, и если б хватило времени. Впрочем, времени б ему хватило, потому что время в атаке длинное-длинное и состоит из подробностей: вот из шинельных пол, из «лимонки», у которой рубчатая грубая «рубашка» и тусклый столбик запала с тоненьким колечком на чеке, а колечко не на всякий палец налезет /особенно с мороза никак не обручишься/, из неохоты оставлять свою обжитую, согретую задницей, спиной дыру, из других всяких-разных заметок, как, например, снег с песком и мелким мусором – вроде уж и не снег, а пепел /даром что серый/ – взрывается из-под сапог, так и расплескивается, а сапоги-то рыжие!.. Но ещё вернее, что времени в атаке и совсем нет. Вот и всё – точка. А есть вот это – когда неохота отрываться от своих развалин: ведь там, дальше, ничего нет – безвоздушное пространство, пока не вынырнешь по ту сторону атаки, если вынырнешь. А вынырнешь обязательно, потому что, если не вынырнешь, то и говорить уже не о чём...

Да нет, время-то оно есть, то есть каждая долька его есть – и в эту дольку втискивается столько всякой дряни, что потом на всю жизнь – до следующей атаки – хватает её из себя вычищать, как из конюшни. Потому и говорится, что время в атаке длинное... Но и всё ж его нет. Ты прорвался сквозь время – вроде как сквозь лист газетный. Есть что-то до, и после атаки есть, а что промеж – разве заметишь... «Ра-рр-а-у-рр-а»...

Он выскочил наконец из развалин и побежал зигзагами, перебежками, разбрызгивая снежный прах Сталинграда рыжими сапогами: «Ра-ра-рарр!» – Он орал, как и все, но его «Ра-рр!» было только его отдельным ором, хрипом его надо-

рванных, простуженных связок, звуком его глотки – единственной его трубы. Это только где-то там, наверху, его крик сливался с другими, становился грозным рёвом – перед Богом и пикирующими штурмовиками. А навстречу уже поднимался грязно-зелёный ремень – цепь противника. А позади рёв этот багровым облаком лез в развалины и дальше – мимо командного пункта полка и военного кинохроникёра – к раздолбанному волжскому льду.

Атака, и он с ней, – уходила вперёд с облаком «Раураура». Он, кажется, вовсе потерял голос, сипел, всю разевая рот. Губы его отвисли: нижняя, почти чёрная, но с рыжеватыми трещинками, которые кисленько кровоточили, огромная, словно растоптанная сапогами, и верхняя, запёкшаяся, словно обрезанная ножом, и – между ними – дынный провал рта с беззвучным криком. Он бежал, тяжело топя сапогами. Впереди него вставали взрывы огненного вала, разбрызгивая пепельный снег и грязно-зелёные тела. Но он об этом не думал: что там и как – впереди. Это я теперь думаю, а он тогда ни о чём не думал. Просто поднялся из развалин и побежал короткими перебежками вперёд. А если что и подумал, то в то мгновение, когда нечто липко-горячее намочило его левую руку и завоняло, сгорая на стволе автомата. А подумал он вот что: «Вроде, попало».

Он начал было думать об этом, но не додумал, потому что было некогда. Он так и не понял, что действительно попало и что он, собственно, мёртв, убит, «геройски погиб на фронтах Отечественной войны, пал смертью храбрых». Ничего такого подумать он не успел: некогда, не до смер... Ар-ра-у-раа! За Рро..! За Ста-а-а! Вперр-ёд! Короткими перебежками. Иногда втыкая щербатую раскалённую очередь в черные от мороза с ветром лица врагов.

Земля колебалась, кренилась, уходила из-под ног. Он падал, вскакивал, снова падал, извивался в рассыпчатой серой грязи, полз, вскакивал и стрелял-стрелял-стрелял – в глазницы /глаз не было ни у них, ни у него/, в щель промеж губ, в верхинку треугольника, образованного заткнутыми за пояс полами шинелей...

«Вроде, попало...»

Ледяная грязь летела из-под сапог. В левом сапоге – тепло и топко. /Знакомый хирург сказал мне, что не встречал ещё такого долгого кровотечения у мёртвых./ Это хлюпало в сапоге и выплёскивалось на землю с каждым шагом, как ворованное зерно, которое таскала его старуха с колхозного тока – в таких же вот сапогах, чтобы мальцы не перемерли с голода, только это было пожиже и почервонней.

Он вырвался из развалин – одиноким на расстоянии пяти-пятнадцати-пятидесяти метров, так что грязно-зелёный противник был ему ближе, чем свой сосед справа и слева, надсадно выжимая из подмороженных лёгких своё «Р-рау-рр-аа», побежал вперёд, за огневым валом, забрызгивая серую грязь, задыхаясь навозным, перегнойным запахом оттаявшей от огня земли. В него попало. Он погиб.

Он не мог остановиться: слишком долго томился в развалинах, слишком рванулся потом в атаку, слишком большой путь был впереди. Он тащил за собой атаку, поспевая за огненным валом, добывая убитого противника. Однажды он даже обогнал этот огневой вал: он уже ворвался в деревеньку, такую же, как его Муравеевка /спешил, видно, разделаться с этой войной-мясорубкой/, а потом в неё вошёл этот вал. Огонь вёл дивизион гвардейских миномётов – и Муравеевки не стало. Сгорела даже молоденькая травка на огородах. Огонь ушёл даль-

ше на Запад. Роту автоматчиков, вернее грудку горелого мяса, зарыли тут же неподалёку, в братской могиле – для будущих почестей и «вечного» огня. А он отряхнулся от горелой земли и тяжело затопал вперёд, за огневым валом, хлюпая вконец разбитыми сапогами, сдирая с губ горелую корочку...

А потом он упал – в копёшку прошлогоднего сена, чудом устоявшую в эту зиму, чудом не спалённую в кромешной жаре танкового побоища под Курском. Копёшка стояла, убитая, полная ещё тёплых железок, растрёпанная, пахла подопревшим сеном. Вот он и упал. И боец слева – в пяти метрах – тоже упал: увидел, что можно упасть раньше времени – и упал, и пополз к нему. А он чувствовал, как жизнь вытекает из него и ещё как сквозь серенькую плёнку в глаза сочится тихий свет, в котором маячит изуродованное лицо бойца слева.

– Рядовой... Братишка... Ступай... Вперёд... Меня брось... Я сам... долезу...

Боец слева не ушёл, а достал из-за голенища трофейный, чуть щербатый нож и распорол бушлат, две гимнастёрки и исподнюю рубаху /напяливали на себя всё, что было под рукой: много убитых было, а на них ещё выдавали обмундирование, если выдавали: канцелярия не поспевала за свежими сведениями/. Сосед слева распорол всё, что на нем было, и ужаснулся. Он не стал бинтовать, просто взвалил его тело – для прикрытия – на спину и пополз в тыл, разрывая локтями снег...

Сосед уполз. А он поднялся из-за копёшки и затопал догонять ПОЗ*. Догнал. Занял своё место в цепи наступавших: «Урр-аа!» Знакомая слепота бешеной работы. Он рванулся за собственным криком и воткнул очередь во встречного противника – грязно-

зелёного и плоского – в лицо, в отвисшие каменные губы, в дыру рта, полного криком, в слепые глазницы, похожие на специальные дыры для очередей / потом в его собственных глазницах обнаружили глаза, маленькие такие, запавшие на самое доннышко, водянистые, голубенькие, полувывсохшие, мёртвенькие, – а всё глаза/.

Противник упал. Поднялся другой. Он уложил и этого. Поднялся третий, четвёртый, двадцать пятый. Враги вставали, как ваньки-встаньки, а он валил их так же упорно, как они вставали. Он был силён ещё, хотя у него были седые волосы и серые с белой корочкой отвисшие губы, которые уже не смыкались, существовали отдельно: нижняя губа и верхняя губа. Да уж, он был совсем похож на старика, и все его стариком звали. Но был он всё ещё силён и укладывал грязно-зелёных врагов – всех, встававших у него на пути. И это не было подвигом, или порывом, или там самообороной. Это было работой, тяжёлой, грязной, как на бойне.

Все страшно потели в атаке. А он потел мало, потому что давно привык к тяжкой работе.

Да нет же, к этому привыкнуть нельзя. Никто не признавался в этом, а некоторые даже хвастались. Но всех рано или поздно тошнило. Не всех, конечно. Но его – да, наизнанку выворачивало. Прежде, когда он был ещё жив. А теперь... Теперь его не тошнило. Зато он не хвастал этим. Он просто молча работал. Валил их короткими и длинными очередями, огнём, штыком и прикладом, как сказано в БУПе*: они вставали на его пути – он их валил. «А чего ж они встают!» Его даже засняли на киноплёнку – один военный кинохроникёр, отчаянный, везучий. Потом хроникёра убило, но кинолента сохранилась.

И старик бежал в тёмной коробочке, в киноархиве, почти по кругу и всаживал автоматные очереди в грязного противника: на плёнке противник был не грязно-зелёный, а просто грязный, да он и сам был грязный, похожий на живого стреляющего старика. Только эту плёнку нигде никогда не показывали, потому что там была настоящая атака, и у солдата было настоящее будничное лицо рабочего.

Но он не знал, что попал в кинохронику. Да ему было и безразлично это. Ему надо было идти вперёд. И он шёл, бежал, полз, тащился, рвался за огненным валом, поднимал взвод в атаку, когда стал помкомвзвода и получил медаль «За отвагу». «Вперр-ёё-д!» – И сам, не оглядываясь, уходил вперёд, потому что был уверен в своих «рядовых», и ещё потому что ему нужно было – вперёд, к своему домику, к родной старухе, к огороду, к мальчикам-внукам. Земля вздрагивала под жухлыми сапогами, но полусгоревшая трава была всё же свежей, неуёмно лезла вверх, жила.

И он бежал вперёд, только вперёд. Даже когда его назначили однажды интендантом...

– Потапов!

– Я.

– Пойдёшь на склад.

– Разрешите обратиться, тов. капитан! Никак нет. Не могу.

– Как так?

– Неграмотен. Образования у меня два класса. Обманут.

– Отставить. Потапов!

– Я.

– Пойдёшь на склад.

– Слушаюсь!

Вперёд! Только вперёд! Только вперёд – домой!
Даже тогда, когда пропали эти два ящика свиной
американской тушёнки...

– Виноват, тов. капитан.

– Как так?

– Украли. Неграмотный я, вот и обманули.

– Хорошо, Потапов. Склад сдать, а сам – в штраф-
ной, на передовую!

– Слушаюсь! Искуплю, тов. капитан!

Склад сдал в полном порядке, кроме двух ящи-
ков тушёнки. Попал в штрафбат. Здесь не кричат
«урра!» Ни звука, кроме хрипа обмороженных лёг-
ких. В рукопашную! В ножи-штыки! Только впер-
рёд!

А вот и море, Балтика! Волны, чайки. Трупы.
Море трупов! Зато победа! По-бе-да! «Отдыхнём – и
домой, домой бы теперь! До дому».

Он отдыхал на исправной северонемецкой фер-
ме, на той самой, с которой, возможно, тевтонские
рыцари в своё время... Он ничего не знал о тевтон-
цах, ни о ливонцах. Ферма исправная – это он видел.
Потом роту построили и скомандовали:

– Потапов!

– Я.

– Какая довоенная специальность?

– Шофёр, тов. капитан.

– Пять шагов из строя!

Всего набралось двести двенадцать, примерно,
шоферов. Из них сформировали моторизованную
группу: каждому дали по автомашине – вышла ав-
токолонна. Всякие машины там были – от наших
полуторок до американских студебеккеров, всего
двести тринадцать, если считать капитанский бью-
ик. Немало это, когда двести двенадцать фронтовых

шофёров на автомашинах, битком загруженных канистрами с бензином и трофейным барахлом, прут вперёд, потому что назад они ходить не умеют и потому что назад – это вперёд. И это немало, хотя не так уж и много – двести двенадцать штрафников, убитых на всём этом засранном трупами и железом пути от Сталинграда через Курск, Смоленск, Прибалтику до моря, когда двести тринадцать мёртвых штрафников со своим капитаном идут в атаку...

Вот он и вырвался из заледенелых развалин. Втиснул акселератор куда-то в утробу мотора правой ногой, левой – в рыжем сапоге – отпустил сцепление, рванулся за ПОЗом /подвижным заградительным огнем валом/, зигзагами, тормозя и снова выжимая скорость из стонущей полуторки, – вперёд, только вперёд. И это ничего, что его ранило куда-то в левую голень, и от этого в левом сапоге было теперь тепло и липко. Конечно же, он схитрил и не выпустил из рук баранку, и в тыл не ушёл. Перевинтовал кое-как рану. Ни о чём особо не думал. Только вот о том, что «попало, кажется». И ещё: «В тыл не стоит: грузовик отымут да – в пехоту. А там – либо убьют, либо – калека». Он был явно «себе на уме», не без хитрости, поэтому не ушёл в тыл. И всё-таки он погиб, когда в тот раз поторопился и попал в населённый пункт раньше ПОЗа. Наш огонь догнал его, смёл с пути и пошёл дальше...

Всё горело и крошилось, рвалось и горело. А он, было, выскочил из полуторки, в которую тут же угодило прямое попадание, и ввинтился под подбитый вражеский танк. Только и успел ощутить: «Кажется, успел», – как следующий снаряд попал в подбитый танк, под которым он схоронился, словно докапываясь до него – убитого...

Горелые куски тела покидали – вперемешку с другими – в кузов другой полуторки и вывезли в

тыл для захоронения. И он ухмыльнулся оторванными губами, потому что его прежняя хитрость не удалась. Так он потерял родную свою полуторку и два ящика американской тушёнки. Так он попал в штрафбат:

– Потапов!

– Я.

– Пять шагов из строя! Пойдешь в штрафбат, на передовую!

– Слушаюсь, тов. капитан! Искуплю...

Теперь он «искупил». Дошёл до Балтики. С колонной автомашин, загруженной трофеями, развернулся, двинулся вперёд, в СССР, в Россию, в деревню Муравеевка, которая совсем рядом с полустанком Колено ЮВЖД, где ждёт его старуха и мелкота, детишки, внуки.

II.

«Отдыхнём и домой!»

Ферма была добротная. Во дворе, давно не метенном, в пыли купались воробьи. Хозяин в засаленных кожаных штанах сидел на прочной деревянной скамеечке и сопел трубочкой. В хлеву ворочалось что-то: оказалось – свиньи. Одну тут же прирезали, обсмолили, раскроили на куски, принялись жарить на шомполах над костром: «Победа!»

Хозяйка показалась на крыльце, охнула, подавалась было вперёд, к растерзанной свинье, но бауэр что-то строго буркнул – остановил её, а сам побрёл к костру. Взял уголёк голыми пальцами, прикурил. Бросил уголёк в самый жар, а потом щепкой подгрёб откатившиеся головешки к общей куче. Развернулся и пошёл к скамеечке.

«Неглуп хозяин. Да и я не промах», – подумал он. Увидел прислонённый к стенке хлева велоси-

пед. Взаясь за него, попробовал педали. Откуда ни возьмись выскочил пацанчик. Вцепился в велосипед, дёрнул к себе: «Майне!» Он не отнимал, но и не отпускал: «Хорош велосипедик. Не пусту же домой возвращаться!»

Бауэр буркнул что-то ещё. Мальчишка отпустил раму велосипеда и с рёвом побежал в дом.

«Умён хозяин. Да и без трофеев как домой!» Теперь в кузове полуторки собралось порядочно барахла: мотоцикл, велосипед вот этот, аккордеон на девяносто два баса, то да сё, костюмов пара, штука тёмно-синей в светлую полоску шерсти костюмной, а главное – ковёр 2,5х3,5 м., роскошный, пушистый, красочный, его вдвоём скатывали, вдвоём и грузили. «Победа так победа! Впе-рёд! Ур-ра победителям! Дак и они ж пол-России повывозили... Что, не так?!»

Миновали Германию.

В Польше было сытно. Не слишком приветливо, но сытно. Местные охотно выменивали кой-какие вещи на продукты. Да и так кормили иной раз, даром: свои всё же, славяне.

Только вот бензин стал к концу подходить. Однако ничего, наменивали бензину.

Прошли Польшу. Добрались к Бресту – граница, свои, своя земля! Своя-а!

Прибыли наконец. Всё в целости, ничего не растеряли, ни одной машины. Только капитанский бьюик куда-то задевался. До отказа нагруженный трофеями капитанский бьюик пропал, с капитаном вместе. Остальные все здесь. Выстроились. Перекликнулись. Звонко прозвучала команда таможенников:

– Сгружай трофеи!

– Да как же эт так? Эт почему ж так – «сгружай»?
Всю Европу прошли, а теперь – «сгружай»?

Он ходил от одного охранника к другому. Переспрашивал, упрасивал, объяснял, что и как.

– Ладно, – сказали, – мотоцикл сгружай, остальное барахло пусть у тебя.

Мотоцикл так мотоцикл...

Сгрузил. Двинулись дальше, на Смоленск.

Голодно стало. Много променяли на еду. Стали подторговывать «налево»: бензин там, кое-какое барахлишко. Машины везде нужны: колхозу какому работёнку выполнят, частнику ли, – а всё вперёд, к месту сбора, к дембилю. Только вот капитанского бьюика нет как нет. А у капитана ведь все документы, личные дела, касса... Но ничего, добрались в Смоленск. К осени уже. Дождичек крапит. Жидкая грязь на дорогах.

К ночи, как привыкли, поставили несколько полуторок в ряд, сверху ковёр трофейный настелили – от дождя. Улеглись шпалерами: в тесноте да не в обиде. Лежат рядком – все дружки-штрафники, все – покойнички.

Спят на окраине Смоленска...

А тут с утра и капитан объявился:

– Рота, подъём! Стано-вись! Смир-но! Машины осматривать, ремонтировать! Сдавать! Потапов, ко мне!

– Я.

– Что это у тебя трофей такой?

– Ковёр, тов.капитан. Из замка там...

– Ковёр сдать! Мне. И велосипед сдать...

– Тов. капитан, как же это? Вёз ведь. Всю Европу пересёк. И таможня пропустила. Мы вот им укрывались... Тов. капитан, может, хоть пополам – старуху порадовать?

– Сержант Потапов!

- Я.
- Трофеи сдать!
- Слушаюсь.

Принялся ремонтировать машину, а работа – из рук вон. Чёрт с ним, с ковром. Да до дому-то рукой подать. А как возвращаться с пустыми руками? Неужто за пять лет на гостинцы не заработал?

Однако кой-кто надоумил. Пошёл на рынок, штуку матерьяла продал, купил два пузыря водки, закуски там. Водка дорога, да время дороже...

- Тов. капитан, разрешите обратиться.
- Ну?
- Есть тут кое-что: водчонка, закусишка.
- Потапов, кажется?
- Так точно, тов. капитан.
- Ты, что ль, поблизости проживаешь?
- Да вовсе недалеко, тов. капитан.
- Ну, заходи нынче вечером, потолкуем.

Вечером сошлись у капитана на квартире, которую он себе под построй определил. Водку выпили. Закуску съели. Капитан достал пачку документов из жестяного ящичка.

- Потапов, что ль?
- Так точно, тов. капитан.
- Погибший под Сталинградом?
- Так точно, тов. капитан.
- Геройски погибший на курско-орловском направлении?
- Так точно, тов. капитан.
- Да тут и Польша, и Кёнигсбергские дела... Ну ладно, вот твои документы. Катись-ка ты отсюда подобру-поздорову. Да больше не погибай. – Капитан захохотал.

А он взял документы и к утру собрался в путь. «Ты что это скоро так?» – спрашивали другие. «Да вот телеграмма: бабка поддыхает», – хитрил он: не выдавать же капитана. Да и перед соратниками неловко: вместе погибали, а теперь... Эх... Он всё же шепнул кой-кому насчёт водчонки.

А там голоснул попутке и – впер-рёд, вперёд, где назад! Вперёд – домой, к старухе, к детишкам / тоже, видать, воевали!/, к внучатам /поди, выросли!../, с попутки на попутку...

Последняя попутка шла ходко. Шины потрескивали, оставляя позади полуторки фейерверк грязных капель. Прибыли наконец в Воронеж. Вернее на то место, где до войны был Воронеж, а теперь громоздились трупы, скелеты, развалины, останки зданий. Мертвый солдат – в мёртвом городе.

Но это не он, а я шучу. Шуточка на годы запоздала, что и говорить.

А он не шутил. Соскочил из кузова полуторки и пошёл на бывший рынок продавать заграничный костюмчик, предпоследний свой трофей: надо пожрать и добираться до родного Колена, откуда уж рукой подать до Муравеевки, до дому, стало быть.

Развернул тёмно-синий в светлую полосочку шевиотовый костюм, и его чуть с ног не сшибли бабы, окружили, вцепились за костюм, тащут в разные стороны. Запросил недорого – две с половиной тыщи, но подумал, что костюм сейчас бесплатно разорвут. Однако появился капитан милиции.

– Тихо! Что тут творится? Кто такой?

– Старший сержант Потапов, демобилизованный, так мол и так. Продаю свой, стало быть, костюм.

– Сколько просишь?

– Две с половиной.

– На вот полторы. И чтобы никакой здесь спекуляции!

- Слушаюсь, тов. капитан.
- Что ж, где остановился?
- Да нигде, тов. Капитан, пока что
- Хочешь, ночуй у меня нынче.
- Благодарствую, тов. капитан.

- А пожрать у той вон торговки возьми: у неё повкусней. А если водку брать будешь, так давай, я тебе возьму в магазине без очереди.

Дал капитану на водку. Тот ушёл и вернулся вскоре с двумя «огнетушителями». Пошли домой к капитану. А там уже была та самая торговка съестным, которая оказалась женой капитана. Сняли форму – каждый свою, оказались просто два мужика, только один целый, а другой дырявый, один жив, а другой погибший.

Ну, выпили, как полагается. Спать легли. Утром ещё выпили. Поели. Ещё чуток добавили. Капитан надел форму, и он надел. Пошли на вокзал. Капитан взял ему билет без очереди, посадил в вагон. И он отблагодарил капитана сотенной. Поезд тронулся, пошёл. Он подсчитал остатки трофеев, отгородившись от попутчиков вещмешком /да они, попутчики, не очень-то и интересовались им, похоже, вообще не видели его в упор/, денег вышло шестьсот с мелочью. К вечеру прибыл на полустанок Колено. Соскочил с подножки ещё на ходу поезда: опасался, что здесь поезд вообще не останавливается. Поезд и впрямь не остановился: притормозил было – и снова набрал ход. А он бодро пошагал в свою Муравеевку. Добрался ночью уже.

Первой, кого он встретил на околице в зыбком свете полнолуния, оказалась мамаша, крепкая ещё старуха, бойкая, хоть и громадная. Зубы, правда, у неё жёлтые и гнилые, а потому говорить с ней трудно, так как изо рта несёт.

- Сыночек, – кричит, – вернулся! Жив!

– Да нет, погиб. Один раз просто, а другой – даже геройски.

– А, – кричит. – Ну, это дело надо обмыть! Пойдём-ка в сельмаг.

Продавщица открыла на стук в ставень: жила тут же, при магазине.

Взяли две поллитровки. Он оглядывается по сторонам: рассмотреть всё ж хочется, как сельцо выглядит и не идёт ли его старуха? А мамаша не унимается:

– Выпьем, что ли!

– Так может, дома?

– Дома – само собой. А эту здесь. Да и потом откуда ты знаешь, может, дома-то нашего нет совсем.

– Шутите, мамаша... – А у самого мурашки по спине бегут, выскакивают из этой самой дырки под левой лопаткой и разбегаются по всей спине.

Дом оказался цел. И старуха жива. Только вот из мальцов одна дочка выскочила навстречу. А сына, – сказали ему, – после того как ПОЗ здесь прошёл – свой или ихний, – сына-то и не досчитались.

Так как он – первый из погибших – пришёл, а может быть, и последний, – сбежалось всё село. Пришлось снова посылать за водкой: хоть и дорого, да ведь не каждый день возвращаются с войны, хоть и мертвым. Да ещё, чтобы дом цел оказался, и старуха, и мать с отцом, и дочурка, кажется, невредимая... Пропили последние шесть сот. Правда, ещё аккордеон от трофеев остался. Вот он сыграл на нём в ту ночь – в первый и последний раз после войны. Стёр с инструмента пыль жёсткой ручищей, сыграл плясовую негнуцимися пальцами. А там поставил на комод и больше не трогал.

Так началось его послевоенное счастье.

Машины, правда, ему не дали: какая уж старику машина, какой из старика шофёр, какой шофёр без глаз, да если ещё шум у него в ушах такой, точно целый дивизион реактивных гвардейских миномётов садит по нему! Зато, с другой стороны, ему здорово повезло: удачно устроился рабочим на железную дорогу. Здоровычко было ничего ещё, мог принимать на себя и нести груз до ста килограммов. Он гордился этим и тем ещё, что у него не было радикулита. Даже у железнодорожного начальства был радикулит, а вот у него не было. Зато у него была мать, которая, правда, здорово выпивала, да кто ж нынче не пьёт. Тем более, что водка тогда изрядно подешевела – не то что в сорок шестом. И отец у него был. Даром что за девяносто, а мог ещё, при случае, если не прибить, так хоть прикрикнуть, выmaterить как следует, если что не по нему. Старуха у него – голова! Не без придурки иной раз, а сообразительная. Оттого в доме – полная чаша: всё на месте. Оттого и у дочери всё в порядке. А зять – так просто золотой попался: и сметливый, и руки откуда надо растут. Он-то, было, не привечал этого зятя: ни кола, ни двора у того, зато в семье двенадцать ртов – это при отце-то, пропавшем без вести /знаем мы это «без вести»/ А сам зять поначалу в техникуме учился, когда за дочкой ухлёстывал, так что батька дочурке другого зятя желал – побогаче да повидней. Спасибо, старуха настояла, потому что дочка именно этого хотела, а у них, у баб, то есть, всегда, видать, в одну дудку. И правда, оказалось, лучше зятя не придумаешь: и на заводе им не нахвалятся, и квартиру ему в городе дали, и зарабатывать он стал очень даже неплохо. И всё-то у них с дочерью есть. При нём и дочь техникум финансово-экономический закончила, в банке стала работать. Сначала, правда, её в дальнюю деревню, на перифе-

рию заслали диплом отрабатывать. Но тут подвернулся человечек один умный и сказал старику: «Хочешь дочь вызволить домой – ставь пол-литра». Поставил. Выпили. «Ну, теперь пиши: «Дочь, старуха помирает. Приезжай». Он и написал. Отправил телеграмму. А там глядь – и дочка приехала, и дома осталась. И у дочери всё в порядке стало. И старик с зятем друг в друге души не чают: как встретятся – так и хотят друг друга напоить допьяна. Только дома старуха этого не допускала, а в городе – дочка. Но главное, у него, у старика, внуки пошли – маленькие, тёпленькие, плотненькие, как те вот, как те, ха-ха, как лимончики. Внуки – это самое главное, к чему всю войну шёл, оказывается...

Он вырвался из тех самых черно-бурых развалин, обгорелых, покрытых изморозью. Перед ним простирался тогда двух-трёх-десятитысячекилометровый путь туда, потому что «туда» и «обратно» – было только туда. Он погладил в кармане тепленькую «лимонку», заткнул за ремень подгорелые полы шинели и побежал, спотыкаясь о чёрно-красные обломки стен, вперёд-вперёд, стреляя почти наугад, не целясь, в грязно-зелёные тени, которые потом оказывались твёрдыми окоченевшими куклами в солдатском обмундировании, разбросанными там и тут среди развалин, как после разгрома какой-нибудь стоэтажной швейной мастерской /это мне так привиделось насчёт мастерской, военной швейной мастерской, в которой шьют грязно-зелёных солдатиков/. Но куклы, оказывается, тоже стреляли. Он был убит. А потом сгорел, попав под ошибочный залп наших «катюш», и всё же это его не остановило на пути до Берлина и обратно – в Россию, до дому, к внукам, к своему послевоенному счастью, к полустанку Колено ЮВЖД, где он стоял теперь и пил тёплое пиво.

Пиво буфетчица кипятила в эмалированном зелёном чайнике и подливала в кружки с холодным пивом – желающим. А желающими были почти все, потому что потрескивал приличный морозец. Вот он и стоял теперь в белом фартуке поверх ватника, с большой номерной бляхой слева, где до штрафбата у него висела медаль за отвагу, которую он потом подарил внуку, потому что мальчонку нравилось носить блестящий этот кружочек, особенно в детском саду, где все парни отчаянно завидовали ему: «Это что? Дай потрогать!»

А теперь он стоял у зелёного ларька и пил тёплое пиво на полустанке Колено, километрах в трёхстах от внуков. Он медленно втягивал в рот струйки пива – по форме щёлочек между искусственными зубами, очень похожими на настоящие, только слишком белыми сравнительно с тёмно-коричневыми сохранившимися клыками. Пиво было в меру тёплое, в меру прохладное. Он пил его маленькими глотками и думал, наверное, о том, что скоро, так месяца через три, поедет к внукам: триста километров + два года обороны в развалинах + два года наступления из развалин – скоро он поедет к внукам. Они выбегут ему навстречу из прихожей и закричат: «Деда! Деда вернулся!», – и потащат его в гостиную, и посадят на кушетку, замаскированную под диван, и взберутся к нему на колени, на толстые жёсткие колени, которые кажутся ещё толще из-за зимних штанов на вате. Они будут дёргать его за уши, за толстую отвисшую нижнюю губу. А он будет им дарить гостинцы, которые он накопил в магазине и те, что остались от трофеев: он-то и сам не прост – приборёг кое-что для внуков. Всё это будет месяца через три, когда его назначат зав. складом и пошлют в командировку в город. А он получит и оформит всё с утра /дело будет под воскресенье/,

а там сбежит к внукам, к зятю с дочкой, но главное – к внукам, с подарками, которые он будет дарить им, сидя на кушетке-диване. И всё это совсем скоро, месяца через три, когда у него будет командировка и казённый билет на поезд, бесплатный. А там что? Там – троллейбусом «Вокзал – завод ж.б.и.», и по лестнице на пятый этаж, и позвонить, и они выбегут навстречу с криком: «Деда!», и ухватятся за его дубовые пальцы своими тоненькими нежными пальчиками. А он будет им дарить гостинцы: трофейный пистолет системы «Вальтер» с костяной ручкой, велосипед, слегка подержанный, правда, но ещё прочный, с никелированными педалями, гранату нашего производства, «лимоночку». А потом покажет им, как надо идти в атаку – вперёд, короткими перебежками! А потом он, может, расскажет им... Он никогда ещё никому не рассказывал... Да и что там рассказывать! Говно это всё. Другие, правда, рассказывают, даже хвастают, сколько там они грязно-зелёного говна набили, сколько кукол этих за ними осталось валяться на снегу, в пыли, в болотах, и как они это ловко делали. Пусть рассказывают: может, они и вправду героями были. А вот он не был. Что ж, и на бойне – той что в райцентре, куда по утрам слетаются тучи ворон и галок со всей области, – что ж и там герои работают? А он героем не был. Он, просто, уставал поначалу сильно, пока не втянулся в эту грязную работу. Сначала его даже тошнило от этой «работы – огнём, штыком и прикладом». Но это только сначала... И он не собирается рассказывать внукам об этом. Но вот про один забавный случай он им всё ж таки расскажет, потому что это очень смешной случай. Малыши, наверное, любят смешные случаи, а этот очень смешной.

Их тогда послали в разведку. Он сидел на дереве – на высоком таком дубе, наверное, потому что дере-

во было могучее, в густой листве, и пахло картошкой. Он сидел в развилке между ветвями и передавал тем, которые внизу, что за холмом – небольшим таким меловым холмом – затаилось чужое дальнотбойное орудие, и танки, и грузовик с людьми.

– Лезь выше, – шипел снизу капитан. А он никак не мог оторваться от своей развилки, в которой сидел, потому что трусил: «А вдруг заметят!»

Но это не смешно. Поэтому он скажет внукам, что просто прилип к суку, приклеился: там смола от жары выступила – он и приклеился. Да нет, это же дуб был: какая там смола! И была зима. И все были в белых маскхалатах. А потом они бежали по проваливающемуся болоту... Он лежал в чёрной жиже, и вода насыщалась в ватник и в эту проклятую дырку... в душе... Так что он никак не мог прилипнуть к дереву. Но он прилип, потому что боялся, что сухая листва зашуршит, и они, те – за холмом, сразу заметят его и снимут метким выстрелом, и он никогда не будет так вот счастлив после войны, и ни черта не расскажет внукам весёлого и смелого про войну. Поэтому он замер тогда в ворохе этой железной, проклятой ржавой листвы. Да-да, листья были совсем проржавевшие и гремучие, как старое кровельное железо: ведь это был дуб. И листья так гремели, что его всё-таки заметили, когда он влез на самую верхушку и передавал вниз капитану всё, что увидел оттуда. А увидел он немало: оттуда, с верхотуры, всё было как на ладони: и орудие дальнотбойное, и танки, и грузовики, и костер, у которого те грелись и жрали что-то аппетитное, отчего у него совсем подвело брюхо. А заметили его, когда он так торопился слезть на землю, что сорвался с ветки и полпути падал, пока не шмякнулся на снег... Или нет, не снег это был, а мел. Какой же там снег – в жару-то летнюю! Мел это был – меловый

холм. И об этот мел он отшиб себе и ноги, и задницу... Лежал и слушал, как чавкает болото под сапогами товарищей. Он слышал, как драпают от него товарищи, и как с другой стороны приближаются те, чужие. Потом он всё-таки поднялся и поковылял к болоту, вниз по склону, к ничейной земле. Доковылял. Упал в жижу и стал целиться в гребень холма, потому что бежать уже не мог: «Задержать тех, грязно-зелёных!» И как он потом, когда те выскочили, благодарил кого-то за то, что вышла осечка, и винтовка не выстрелила, и они его не заметили: ведь он совсем почти погрузился в болото... А потом он драпал от грязно-зелёных зигзагами, бежал, падал, вился ужакой, рвался к своим. А те собрались на краю болота и били по нему одиночными, как по зайцу, ха-ха. А когда он всё-таки добежал, дорвался, добрёл на свой КП, ему дали там взбучку за опоздание: потому что там уже сообщили начальству, что он снова «погиб смертью храбрых». – Вот это он и расскажет внукам: им будет очень смешно слушать, как здоровенный их дед драпал от немцев. Он даже покажет им, как это делается, научит их правильно драпать. И он подарит им – не автомат, не этого подлого предателя, который в любой момент может отказать, осечься. Нет, он подарит им по маленькой, аккуратной, безотказной РПГ – ручной противопехотной гранате. И они обрадуются подаркам. И он будет счастлив оттого что они радуются: ведь дело-то оказывается – в них!

И он был теперь почти счастлив, хотя и предчувствовал что-то, какую-то неудачу что ли, чепуховое предчувствие такое /он верил прежде предчувствиям и благодаря этому чуть ли ни живым домой возвращался/, потому и не вполне счастлив теперь. Да и годы уже не те... Да ничего, всё ничего: вот ведь пообещали же взять его завскладом. А там почти нечего

делать: принимай да выдавай, да распоряжайся: это туда, это сюда – да веди учёт, вот и все дела. Правда, есть заковыка: появился соперник, молодой да живой, и живёт у самого склада – лучше некуда, и все шансы за ним, пожалуй. Зато начальство-то за него, за Потапова: уже сколько лет работает он на полустанке. Всё знает. Знает, кому пол-литра занести, кому от радикулита средство присоветовать. И здоров он ещё, даром что лопатка распахана, да в сердце дырка, да обгорел маленько там, в развалинах... Вот и теперь в правом сапоге стало подозрительно тепло и влажно. Неужели снова сочтётся из пакостной этой дырки? Всё течёт и течёт. Как только не провонялось ещё. Думал – усохло, а оно всё сочтётся...

Он взял в буфете ещё кружку пива, долил горяченького из чайника, потянул жидкость в себя: медленно, со вкусом, как горьковатый желтый леденец.

У ларька появилось начальство – дежурный по полустанку: «Пьёшь, старик? Ну пей, пей... На пенсию тебе б. Что, срок не вышел ещё?»

– Никак нет! – рявкнул солдат по привычке. – Я ещё гожусь. На склад вот гожусь.

– Что ты! На склад поздно. Да и не грамотный ты, старик, небось. Впрочем туда уже, кажется, назначили..

«Ага, вот оно», – понял солдат и искал глазами воронку, чтобы нырнуть туда, спрятаться от разрыва. – Вот оно. Как знал». – Понял: на шаг только не дошёл до рубежа. На один последний рывок.

– Ур-раа! – Он вырвался из развалин Сталинграда и рванулся вперёд – к дому, к старухе, к дочке, может быть, к маленьким тёплым внукам, к ним – к своему послевоенному счастью. Ничто не могло его остановить: впереди него летела змеясь очередь автоматная, а перед ней – ПОЗ, подвижный загра-

длительный огонь из тысяч раскалённых стволов / хотя бывало, что солдат шёл впереди огня, как тогда вот, в той деревеньке/.

– Потапов!

– Я!

– Пойдёшь на склад.

– Слушаюсь, тов. капитан! Грамотный я. Обученный.

– Отставить!

– ...

– Потапов!

– Я!

– На складе противник. Выбить!

– Слушаюсь! Ур-раа!

Он метнул лимонку в чёрную дыру – люк пакгауза. Подождал взрыва. Удара не было. Прыгнул вперёд. Скатился по наклонной доске для грузов. Взрыв задержался где-то. «Осечка!» – злобно ощерился он. Бросился к выходу из пакгауза. Черная фигура врага возникла на фоне белого квадрата выхода, угрожающая, уверенная, неподвижная, как манекен, мёртвая в упорстве не выпустить его отсюда. Впереди – выход, свет, внуки впереди. Позади осёкшаяся граната. Может, рванёт ещё. Может, запал догорит. Солдат всадил очередь в этого своего последнего врага. И бросился, и всадил щербатый клинок своего фронтового ножа /только и осталось у него трофеев, что немецкий клинок/ – в грязно-зелёную фигуру врага. В спину навалилось тяжёлое, жаркое, как взрыв. «Сработала!» – отметил он, удерживаясь на всаженном по рукоять ноже – и рухнул на спину, притягивая на себя неподвижную тушу врага...

– Потапов!

– Я!

– В штрафбат! На передовую!

Только теперь он почувствовал это в себе...

- Тов. капитан!
- Что там ещё?
- Тов. капитан, я убит.
- Хорошо. В штрафбат!
- Я убит, тов. капитан. Искупил я её, вину-то...
Стояла великая тишина...

«Текёт». Он чувствовал слабость и спокойствие. С трудом сдвинул с себя чьё-то задубевшее тело. Не попытался даже подняться. Так и лежал на спине, ощущая прилипшую к телу робу.

«Каюк ему». Он не додумал, кому это «ему». Ему – противнику. Такому же, как тот, с трубкой курящейся, на той, северо-восточно-немецкой ферме. Он лежал на спине и ничего, кроме слабости, не чувствовал. И слабость была похожа скорее на усталость от работы, чем – от бессилия. «Что же, отработал. Каюк ему». Наверно, если б он мог, имел силы, чтобы чувствовать, почувствовал бы жалость к врагу, сожаление, – я так думаю. Но он ничего такого не чувствовал. Лежал на пороге склада. Глядел в небо, в тот его край, который склонился над входом – с легким сияющим облачком. У него, оказывается, были глаза – совсем как водичка, скопившаяся в черепе, тусклая, зацветшая блеклой небесной синью. Он лежал и глядел в небо, такое же, как его глаза, и ни о чем не думал, ни о ком: «Если о всех своих мёртвых думать, как самому жить-то? Вот утку подстрелишь – радость. А что она тебе такого сделала? – Жрать нужно. Сладко. А раз нужно, то и убить можно. А не убьёшь, какого старуха в щи мяса подбросит? А хлебушко? Может, и меня-то мои внуки в хлебушке съели. Да и все – всех. Что, к примеру, земля, чернозёмушко? Мертвые там ведь – травинка, собака, кошка какая, все мы – покойнички. Стало

быть, можно это, когда надо, когда время подошло, аль поесть дюже хочется, – взять и выйти на свет божий, к внучкам своим, что ли...

Ничего такого он не думал. Он знал это давным-давно, испокон веков. И не размышлениями знал, а просто знал, ещё когда жив был. И не от ненависти или злобы какой /хоть и ненависть, и злоба были, особенно тогда, когда в ледяных развалинах копилась атака – до этого вот последнего шага, до этого вот голубенького клочка неба над порогом пакгауза, над двумя громоздкими трупами/...

Впрочем, как же «над трупами»? Я, видно, слегка увлёкся и не досказал чего-то. А дело-то просто: он напился пива с водкой у ларька на полустанке «Колено». А ему сказал кто-то, что завскладом кого-то другого назначили. Вот он спьяну и пошёл «в наступление», потому что перепутал здешний железнодорожный пакгауз с давешним фронтowym складом, – вот и пошел противника выбивать, потому что кому охота ни за что – в штрафбат на передовую! Хотя, вообще говоря, передовой никак не минешь... Вот он и побежал, и влез – скатился по транспортёру в склад, и кружку вперёд вместо гранаты швырнул, и весь склад сгоряча прошёл. А в складе никого не было: обед был, перерыв. А у самого выхода солдат на манекен наткнулся, принял его за противника и покалечил его трофейным штыком в ключья, так что потом, когда из ателье, которому манекен предназначался, пришла рекламация, пришлось старику выплачивать стоимость ремонта, – это помимо штрафа за хулиганство и десятки за вытрезвитель. Впрочем, червончик со старика так и

не взяли из милосердия и уважения к боевым заслугам: ведь из-за «психической атаки» и битвы с манекеном у старика открылась рана и много крови он потерял при этом. Так что всё закончилось для солдата вполне благополучно, если не считать, что, в связи со склерозом и беспокойной раной, да и в назидание прочим работникам склада его перевели на лёгкий труд подметальщика с окладом, впрочем, не ниже минимального – 60 руб. В этом качестве я его и встретил как-то на платформе, и познакомились за кружкой жигулёвского в станционном буфете, и поговорили «за жизнь» по душам. Правда, говорил, в основном, он, а я тянул свое пиво и помалкивал, или мычал время от времени, чтобы показать, что слушаю и понимаю даже кое-что. Под конец разговора он, видно, испытал ко мне доверие и передал через меня кое-какие гостинцы внукам в Воронеж.

Выцедили ещё по кружечке пивка на прощание. Он ещё попросил передать дочке и, главное, зятю, что у них со старухой всё в порядке и даже хорошо: живут они дескать и радуются, если не считать того, что старуха, как принято, сквалыжничает, не даёт на пиво, и особо просил передать, что навестит внуков месяца через два-три, на праздники майские, кажется. Оформили ещё по кружечке, на том и расстались.

Пошёл мой поезд. Посадка была небольшая. Я влез в тамбур, прошёл в вагон, занял своё место. Посмотрел в окно: он всё ещё стоял возле ларька, тянул пиво, глядел куда-то в одну точку. Казалось, он улыбается, хотя глаз его не было видно – просто глубокие глазницы. Стандартная пивная кружка казалась игрушечной в его толстых пальцах. Он отхлёбывал пиво, а потом замирал, прослеживая, вид-

но, путь глотка. Когда он ставил кружку на карниз ларька, нижняя губа его отвисала так, что казалась совсем отдельной, самостоятельной частью лица, а верхняя чуть ли не пропадала, заваливалась внутрь рта, несмотря на то, что у него были крупные, чуть желтоватые вставные зубы – на месте выбитых когда-то пульей. Остальные зубы были крепкие, свои...

«Приказ» по-испански – «orden»

(Главы из романа)

Поезд, наконец, взобрался на самую вершину и уже готов был ринуться вниз. Семьдесят шесть метров, самые высокие «американские горки» в Европе, скорость сто тридцать четыре километра в час, знаменитый аттракцион «Шамбала». Какого черта он, старый дурень, поддался на уговоры жены, согласившись прокатиться на этой адской карусели? Высоко ведь! Если вылетишь из кресла, то так шмякнешься, что только мокрое кровавое пятно останется! Да еще туфли...

И в этот момент он услышал звонкий щелчок. Невольно посмотрел туда, откуда донесся звук, и у него перехватило дыхание, словно в ледяную воду с разбега нырнул. В страховочном рычаге, который прижимал Наташку к сидению, появилось отверстие с рваными краями, как будто металл был пробит пулей. Так это или нет, времени разбираться не оставалось. Сейчас, через мгновение, поезд обрушится с этой горы, все время наращивая скорость, рычаг

**ИГОРЬ
БЕРЕГ**

Проза

согнется, а потом, когда сцепка взвоется наверх, просто отломится и Наташка полетит, как живой снаряд.

Совершенно не соображая, что он делает, инстинктивно, Евгений изо всех сил сдвинулся влево, к жене, впился пальцами в рукоятку сидения ее кресла и плечом прижал Наташку к спинке. Женщина изумленно взвизгнула, попыталась освободиться, но он надавил еще сильнее. И мир обрушился на них.

Дальнейшее он помнил плохо. Сила инерции пыталась разжать его ладони на крутых поворотах, подъемах и спусках, а Евгений боролся с ней, стремясь не допустить этого. Сердце остановилось, словно ожидая исхода смертельного поединка. Жена только придушено попискивала, уже не пробуя сопротивляться, видимо, поняла, что так надо. Нижнюю часть тела Миронова его страховочный рычаг держал плотно, но и тут приходилось следить за тем, чтобы невзначай не выскользнуть из-под металлической лапы.

Внезапно все закончилось. Поезд быстро замедлил движение и остановился. А он все прижимал Наташку к креслу не в силах разжать сведенные судорогой пальцы. Наконец жена осторожно, по одному освободила эти закаменевшие крюки, погладила его по голове и сказала:

– Все, милый, можешь отпустить. Мы уже приехали.

Он со скрипом разогнулся, встал и чуть не рухнул на пластиковый настил. Тело болело так, словно его прокатали по всем этим подъемам, спускам и поворотам вручную, без тележки. Придерживаясь за кресло, Евгений вылез наружу. Когда же Наташка поднялась, ее страховочный рычаг вдруг нелепо перекосялся. Она вгляделась внимательнее, поняла все и побледнела так, что легкий средизем-

номорский загар, который так ей шел, стал почти незаметен.

– Что это, Женя? – только и смогла сказать испуганная женщина.

Он перегнулся через сидения, осмотрел отверстие, даже пощупал пальцем. Точно, дырка от пули калибра 7,62. Если бы рычаг оторвался во время движения, невнимательный или ленивый полицейский мог все списать на дефект металла. Известный снайпер рассчитал выстрел очень хладнокровно.

К ним уже бежали служители аттракциона, что-то взволнованно говорили, размахивая руками, но он молча отвел их жестом, взял жену за руку и пошел прочь, к выходу.

Его кто-то похлопал по плечу. Евгений резко обернулся, отводя кулак назад и готовясь присесть под возможный удар. Но это был всего лишь один из русских мужиков, с которым они познакомились здесь, в ПортАventura.

– Слышь, паря, – сказал мужик (Славик, кажется, из Иркутска). – Тут у них только пиво наливают, но вот в том переулочке вискаря можно вмазать. Тебе сейчас очень нужно.

– Спасибо за совет, – через силу улыбнулся Миронов. – Что, так хреново выгляжу?

– Да нет, ничего, – в ответ улыбнулся тот. – Но я все видел, потому что сзади сидел. Как ты свою бабу не упустил – ума не приложу. Это какой же силицей надо обладать?!

– Да люблю я ее просто, – хмыкнул Евгений. – Вот и удержал. Ладно, где, ты говоришь, наливают? Пойдем, по стакану хлопнем. Мне сейчас меньшая доза не поможет.

Он сделал пару шагов и понял, что действительно нужно выпить, иначе просто не доберется

из этого чертова парка развлечений до отеля. Ничего себе, развлекся!

Наташка, все еще бледная и с круглыми от испуга глазами, придерживала его под руку, пока они ковыляли к бару, и совершенно не противилась, когда он заказал именно стакан виски (водки тут не водилось).

– Со льдом?– спросил удивленный бармен. Но Евгений помотал головой.

– Русские со льдом не пьют!

В несколько мощных глотков опустошил стакан, стукнул доньшком о стойку:

– Еще! Примерно на два пальца!

Теперь предстояло обдумать то, что с ними произошло несколько минут назад. Очень неприятная история, и связана она наверняка с Кириллом, Старовойтовым и тем, чем те здесь занимаются.

Иркутянин Славик, тоже получивший полный стакан скотча, спокойно отхлебывал из него и рассматривал Миронова с каким-то особенным прищуром.

* * *

– No me gusta! – раздраженно сказал Евгений. Ну, не нравилось ему то, что он видел в данный момент. На экране телевизора какой-то лохматый немец вместе со своей подругой верхом на мотоцикле «отважно» покорял пустыню Сахара. Кавычки здесь были вполне оправданы. Вот они вытаскивают мотоцикл, застрявший в песке, а в это время диктор говорит, что никто им, в случае аварии помочь не сможет, если будет травма – до ближайшей больницы – неделя пути. Погибнут, наверное.

Ага. И кто тогда все это «приключение» снимает? Кто заряжает аккумуляторы камер, работаю-

щих с разных точек? Кто снабжает снимающих водой и продовольствием, а также остальными благами цивилизаций, без которых современный европеец просто не выживет даже на набережной какой-нибудь Луары? Да вместе с «рисковой» парочкой целый вспомогательный караван едет! Это ерунда собачья, показуха и постановочное кино, которое выдают за документальное. Смотреть стыдно!

С другой стороны – для чего это снимается? Чтобы пробудить у современной, заевшейся молодежи тягу к странствиям и приключениям? Очень может быть, на телевидении все делается не просто так, обязательно со смыслом. А то и с двумя-тремя смысловыми уровнями. Ну что же, вполне благое намерение.

Но все равно Миронову это не нравилось. В свое время накушался он настоящих приключений, именно что смертельно опасных, безо всяких сторонних кинокамер и знал цену каждому километру, пройденному по джунглям или пустыне. Вот уж где никто не мог помочь в случае чего. Более того, в большинстве случаев его и его группу еще и гнали, как диких зверей, стремясь непременно настигнуть и, как минимум, уничтожить. О худших вариантах и думать не хотелось.

Впрочем, может быть, он просто брюзжал по-стариковски. Хотя, конечно, никаким стариком и не был. Пятьдесят лет – разве это возраст для мужчины? Так, промежуточная остановка перед продолжением пути. Скорее, его просто начал утомлять затянувшийся отдых. В самом деле, сколько можно валяться на пляжах, осматривать исторические достопримечательности и во время сиесты посиживать в многочисленных кафе и рестораниках, лениво разглядывая окрестности?

А по-испански «Мне не нравится!» он сказал потому, что они с женой как раз и находились в королевстве Испания на его восточном, средиземноморском побережье. Буквально на второй день после приезда язык, который спокойно себе спал в пассиве, поскольку нужды в нем не было, бурно перешел в актив, и Евгений так заговорил на испанском, что местные стали спрашивать его, не из Андалузии ли он приехал? Узнав же, что этот статный красавец (по испанским меркам, разумеется) прямоком из России, оставались стоять в изумлении, бормоча слова извинений. Миронов сам слышал краем уха в ресторане, как один официант негромко сообщал другому: «Ты поосторожнее, этот русский очень хорошо говорит на нашем!» Смысла этой фразы он не понял совершенно. Они что, каким-то образом обманывают клиентов, которые языка не понимают? Тем же вечером им ни с того, ни с сего, «от администрации отеля» подали к столу бутылку неплохого красного вина. Бесплатно, разумеется. Выяснить причину подарка (в принципе, не такого уж и щедрого, вино здесь во многих случаях стоило дешевле питьевой воды) он не стал. А Наташка не без гордости окинула взором соседние столики, куда никакого вина не принесли.

В Испании они еще не бывали, как-то не складывалось до сих пор. А тут Евгению «стукнул полтинник» и жена, втайне от него, купила две путевки в Барселону. Не в саму столицу Каталонии, что там делать, кроме осмотра памятников старины, а на побережье, где золотой песочек и синее Средиземное море. Этаким пенсионерский отдых.

Когда Миронов узнал о предстоящей поездке, он сначала, по своей привычке, воспротивился. Но потом, недолго подумав, махнул рукой. А поехали! Будет лежать на пляже (или там, бултыхаться

в бассейне отеля), пить вино и ни о чем не думать. Надоело все здесь, хочется перемен. Дела на его фирмочке шли вполне успешно, никакие кризисы ее не коснулись, стабильный доход она приносила. Поэтому, действительно, все можно оставить на заместителя, а самому пару недель повалять дурака. Наташка даже разочарованно надула губы. Она уже приготовилась к длительной осаде, запасла неубиваемых аргументов в пользу этой поездки и предвкушала удовольствие от своей будущей победы. А тут – на тебе! Полная капитуляция. Так нечестно и неинтересно!

Особенностью этой поездки было то, что лететь в Испанию им предстояло из... Краснодара! То есть, сначала добраться до Ставрополя, посетить отчий дом, а потом уже ехать в столицу Краснодарского края и оттуда – в Барселону. Насчет Ставрополя уже Евгений настоял, и жене пришлось согласиться, поскольку главную победу, несмотря на «слабое сопротивление противника» она все же одержала.

Собственно, заезжать в Ставрополь особых причин не было. Мама тихо скончалась во сне два года назад, в доме теперь жила какая-то дальняя родственница, которой Миронов подписал дарственную, не желая, чтобы там, где он родился, поселился какой-нибудь Рулон Обоев или выходец из соседней республики с похожей фамилией. Что-то много их в последнее время стало переезжать из благополучной на первый взгляд Ичкерии. Тихая экспансия.

Но взглянуть на родной город стоило, тем более, что до Краснодара оттуда рукой подать. Оказалось, все не так просто. Если ехать автобусом, даже самым ранним рейсом, то никак не попадешь в краснодарский аэропорт ко времени. А прямого поезда – не существует в природе. И получилась

полная ерунда. Пришлось затратить целую ночь, чтобы добраться до точки вылета. Да еще и ехать двумя поездами. Сначала от Ставрополя до станции Кавказской (она же – город Кропоткин), а потом уже оттуда до самого Краснодара. А там полдня слоняться по довольно скучным улицам. Хорошо еще, погода стояла солнечная.

Наташка только раз бормотнула: «Ну что, повидался с родиной?» и больше к этой теме не возвращалась, потому что знала, к чему может привести «пиление» супруга. Нет, он не будет злиться, кричать или топтать ногами. Просто замкнется в себе и ограничит общение с ней до нескольких совсем уж необходимых в путешествии слов. Поэтому она благоразумно молчала, решив, что без приключений жить неинтересно, а посмотреть еще один город, в котором она раньше не бывала – полезно.

Они неплохо пообедали в каком-то полубандитском ресторанчике, который обнаружили в одном из узких переулочков. Криминальным ресторан казался, видимо, из-за своей ауры. Даже очень толстокожий человек почувствовал бы, что здесь питаются непростые люди. Вот, вроде бы, чистые ска-терти, приветливые официантки, неплохое меню, тихая музыка, льющаяся откуда-то из-под потолка, а так и представляется, что вечерами и ночами здесь собирается «серьезный» народ и обсуждает под «шашлычок и коньячок» темные делишки.

Но, впрочем, Мироновым на все эти ощущения было плевать, они просто поели, выпили по бокалу сухого вина и в благостном расположении духа отправились в аэропорт.

Н-да, местная гавань воздушных кораблей мало напоминала не то, чтобы Хитроу или Орли, а и Шереметьево-2. Народу в зале ожидания набилось очень много. Задерживались сразу три рейса и тури-

стам, уже приготовившимся плюхнуться на пляжи Анталии, Шарм-эль-Шейха или Коста Дорада не оставалось ничего другого, как потреблять спиртные напитки и курить, несмотря на запреты, в туалете.

Евгений, купивший в «Дьюти Фри» бутылку шотландского виски (традиция, куда денешься?) и запечатавший ее в специальный пакет, чтобы не отобрали в самолете, с удовольствием наблюдал, как три совершенно необъятных размеров мужика и их соответствующих габаритов женушки раскупорили пятилитровую бутылку «Джонни Уокера» на деревянной подставке и спокойно употребляли содержимое, полагая, наверное, что вполне успеют ее опустошить, прежде чем их позовут к самолету.

Летели они точно не в Испанию, поскольку, когда объявили посадку на рейс до Барселоны, компания и ухом не повела. Как раз произносили очередной тост. Так Миронов и остался в неведении – успели или нет?

Самолет был тот еще. По-хорошему ему самое место было бы на авиационном кладбище, где собирают списанные «летающие лоханки». Принадлежал 737-й «Боинг» какой-то сибирской авиакомпания, но совершал чартерные рейсы из Краснодара на побережье Средиземного моря. Как говорится, где имяние, а где вода... Когда автобус остановился у трапа, Евгений окинул скептическим взглядом то, на чем ему предстояло пересекать воздушное пространство над Пиренеями и задумался. Может, ну ее, эту Испанию? А то ведь развалится прямо в воздухе американский старичок, только и успеешь «Мама!» сказать. Ладно, одернул он себя, и не на такой «фанере» летать приходилось. Ничего, всегда обходилось и сейчас обойдется!

Почти всю дорогу он проспал, поскольку к большой бутылке «Баллантайн» прикупил еще не-

сколько маленьких в том же «Дьюти Фри», успешно опорожнил их за невкусным ужином, привезенным тощим стюардом и не слышал, что там объявлял командир экипажа по внутренней связи. Тем более, что различить в шорохе и треске, доносившихся из динамиков что-нибудь связанное не представлялось возможным.

Вопреки опасениям, крылатая машина все же дотянула до посадочной полосы, и буквально через полчаса после посадки Миронов жадно затягивался сигаретой, выйдя из здания аэропорта. Таможня и паспортный контроль здесь были одной видимостью. Внимательный взгляд, шлепок печати – и ты свободен. Можешь отправляться в любом направлении. Естественно, в зоне действия Шенгенской визы.

Но прилетевших уже ждали автобусы тургентств, и поехали они не куда-нибудь, а именно туда, где их ждали заранее бронированные номера в гостиницах на побережье тихо шуршавшего в темноте ночи Средиземного моря.

* * *

Отель обозначался как четырехзвездочный, но в реальности тянул только на три звезды. Возможно, лишнюю ему добавили за бассейн во внутреннем дворике. И зря, поскольку был он открытым и не подогревался. Красивый, ничего не скажешь, с голубой водой, но купаться в нем было совершенно невозможно – холодно. Кстати, вождеделеемое Средиземное море тоже подвело. В мае месяце нырять в его невысокие волны могли только туристы с севера России. Они там у себя и в более холодной воде купаются.

Евгений мог бы, конечно, отважиться и окунуться разок. Но после внушительной дозы спирт-

ного. А много пить сейчас не хотелось, поскольку в первый же день они с супругой отправились на пешую прогулку вдоль берега, и она была такой праздничной, что для поднятия настроения виски или ром совсем не требовались.

На какой-то благотворительный и совершенно непонятный праздник они, действительно, попали. Что-то говорили ораторы, играла музыка, в палатках торговали разной экзотической чепухой.

А непонятным он оказался потому, что все вокруг говорили на каталанском языке. Эта провинция, Каталония, всю отстранялась от Испании, декларируя себя, где только можно, отдельной страной. Язык только отдаленно напоминал испанский, на самом же деле был какой-то смесью французского и, как показалось Евгению, португальского.

Но испанский здесь, конечно же, тоже понимали и говорили на нем, в чем Мироновы убедились, зайдя перекусить в небольшое кафе. Евгений сначала не понял, почему официант смотрит на него с таким удивлением. Может, он сказал что-то не так, нарушил какие-нибудь местные обычаи? Все разъяснилось, когда смуглый парнишка в белом переднике спросил:

– Простите, сеньор, вы приехали из Андалузии?

– Нет, – пожал плечами Миронов, – из России.

– Но вы так правильно говорите по-испански...

– Учили хорошо, – улыбнулся Евгений и перевел сказанное жене. Наташка посмотрела на него с уважением. Ему стало приятно. Не забыл все-таки, несмотря на то, что последний раз говорил на этом языке кучу лет назад.

Только вот почему Андалузия? По идее, он должен был использовать кастильское наречие. Скорее всего, его произношение подпортило долгое обще-

ние с кубинцами, у которых свой испанский. Ну и ладно, в Мадрид они пока не собирались.

Рядом с ярмарочным городком проходила выставка старинных автомобилей. И это были, действительно, старинные автомобили. Не какие-нибудь «Победы» или «Волги» с оленем на капоте. На подобных еще чикагские гангстеры раскатывали, постреливая из смешных автоматов. И все – в изумительном состоянии, словно только что сошли с конвейера. Миронов не отказал себе в удовольствии, и Наташка сфотографировала его за рулем такого раритета. В Москве есть люди, перед которыми можно похвастаться снимком. Пусть завидуют.

Когда надоело ходить пешком, они сели в забавный маленький поезд с паровозиком во главе и прокатились по местным окрестностям. Поезд, конечно же, ходил не по рельсам, а просто раскатывал по улицам и переулкам, а паровоз работал на бензине. Но в сочетании с вычурными виллами, пальмами и огромным количеством цветов поездка была приятной.

Остановились у ресторанчика, где кормили морепродуктами и решили съесть омара. А что, законное желание, если отдыхаешь на берегу моря. Омара Евгений выбрал сам, тот плавал в большом аквариуме среди своих сородичей. Попросил подать, но не показывать жене процесс его приготовления. Наташка наверняка бы испереживалась. Как же так, только что был живой, бодрый, клешнями щелкал и вот уже лежит на блюде красный и вкусно пахнущий.

В общем, день удался. Намечалась поездка в Барселону, потом на очереди был Фигейрас с театром-музеем Сальвадора Дали и прочие туристические прелести. Раз нельзя купаться, то нужно с толком провести время в этой красивой и солнечной стране.

Они сидели на скамейке, подставив лица ласковому морскому ветерку. Нежились. Внезапно за их спинами знакомый голос произнес растерянно:

– Мама? Папа?

Евгений, не открывая глаз, лениво сказал:

– Мать, ну кого еще можно встретить в Испании, как не собственного сына?

Наташка хладнокровно спросила:

– Что, правда, Кирилл объявился?

– А ты оглянись, – посоветовал Миронов.

На самом деле позади скамейки стоял их сын, два года назад окончивший Рязанское десантное училище и теперь неведомо какими путями оказавшийся здесь, на побережье.

– Сын, – все так же не открывая глаз спросил Миронов. – Ты что, из армии дезертировал? Насколько мне известно, молодых офицеров за границу не пускают.

– Устарелые сведения, пап, – рассмеялся Кирилл, усаживаясь рядом с родителями, отчего лавочка, сделанная из прочного дерева, скрипнула и ощутимо прогнулась. – Сейчас кто угодно может в загранку скататься. Были бы деньги.

– Надо полагать, у тебя они имеются? И откуда же, позволь спросить?

– Ну, – задумчиво ответил сын, – например, начальство расщедрилось...

– Точно родину не предал? – уточнил отец.

– Да как бог свят!

Евгений предположил, что при этих словах Кирилл истово перекрестился, но удостовериться в этом не стал. Ему попросту было лень открывать глаза.

– Уже хорошо, – констатировал он. – А теперь колись: как здесь оказался?

Тон сына изменился, ясно было, что он внутренне сейчас был очень напряжен.

- Не могу сказать, пап, военная тайна.
- Вот даже как!
- Именно.

Теперь веки пришлось все же поднять. То, что сын после выпуска был направлен не в какую-то обычную десантную бригаду, а откомандирован в Москву, в распоряжение Генштаба, он знал и раньше. Кирилл после выпуска, естественно, появился у родителей. Причем, обормот, ухитрился на торжества, посвященные выпуску, родителей не позвать, за что был жестоко ругаем и отцом, и матерью. Кое-как оправдался, туманно ссылаясь на некую романтическую историю.

Мама охала, переживала и пыталась выведать сведения об избраннице сына, но старого и битого волка, его отца, провести было не так просто.

Улучив момент, когда Наташка убежала по делам, он затащил Кирилла в свой кабинет и допросил по всем правилам, разве что третью степень не применял. Сын рассказал многое, но, естественно, не все. Да все Евгению и не нужно было. Главное ведь – получить общую картину.

Короче, как любит повторять это слово современная молодежь, общаясь между собой, сын пошел по стопам отца. То есть, какие-то умные головы в Москве решили возродить СОБ – Службу общей безопасности. Почти то же самое учреждение, в каком в свое время служил сам Миронов. Под другим названием, разумеется, со многими другими функциями, но по существу – аналог. Зря древние говорили: «Времена меняются, и мы меняемся с ними». Ни хрена ничего не изменилось! Как лезли в дела других стран, так и продолжаем лезть! Ну, может быть, методы стали гибче, контакты с западными

спецслужбами (ха-ха, попробовал бы кто-нибудь во времена службы Евгения произнести такую фразу!) наладились довольно тесные, обеспечение, как финансовое, так и техническое, улучшилось значительно. Но если копнуть глубже – да все то же самое!

«Вот уроды! – подумалось Миронову. – Не могли старую гвардию позвать?» Хотя... Вот пошел бы он, если бы позвали? Вопрос. И серьезный. Да и много ли той «старой гвардии» осталось?

А к сыну на последнем курсе подкатились некие чины, провели с ним несколько бесед и тот, будучи хоть и разумным человеком, но все же имеющим определенную, скажем так, авантюрную наследственность, согласился.

К удивлению Евгения, Георгиевская база подготовки сохранилась по сю пору с тех времен, когда там, среди прочих, готовили и его. Туда Кирилл должен был направиться после полагающегося ему отпуска. Что самое смешное и невероятное – ориентировать его должны были именно на Латинскую Америку. Как и папу в свое время.

Тогда Миронов почесал в затылке, дал сыну несколько полезных советов (все-таки сам прошел этот крошечный ад подготовки) и благословил на будущие подвиги во славу Державы. Матери они, сговорясь, не сказали ничего существенного, так, обычная воинская служба, без особого риска.

Потом Евгений, лежа без сна в постели, долго размышлял: а так ли уж случаен был отбор Кирилла именно в эту новую-старую организацию? Ну, гены само собой, от этого никуда не денешься. Но кроме генов существовали и другие определяющие факторы. Его самого наверняка помнили люди, оставшиеся у власти и после разгона СОБ. Боевой псевдоним «Турист» был в свое время на слуху, ведь за все вре-

мя действия группы Евгений не потерял ни одного человека даже в самых безвыходных ситуациях.

А, кроме того, присутствовал в этом мире некий Леня Шишов, бывший боец группы Миронова, служивший теперь в какой-то жутко секретной организации, обладавшей большой силой, в чем, в свое время, Евгений убедился, когда вместе с другим соратником ликвидировал большого бандита в родном Ставрополе.

Мог Леня приложить руку к назначению Кирилла? Вполне! По старой памяти командиру удружил, пристроил его отпрыска в «теплое» местечко. Ну, спасибо тебе, Леня!

Хотя... Сам Евгений абсолютно не жалел о годах, проведенных на службе в СОБ. Он побывал во многих странах, участвовал в схватках, совершал диверсии, спасал людей. Много чем пришлось заниматься. И это была настоящая жизнь! Полная приключений и азарта. Так почему бы не дать сыну попробовать ее вкуса? Риск, конечно, есть и немалый. Но что это за мужчина, который не любит риска? Так, амеба, офисный планктон. Вот и пусть послужит, как служил его отец. Только бы Родина не обошлась с сыном потом так, как с ним, боевым офицером. Будем надеяться, что все же древние были правы и времена, действительно, меняются...

После окончания Кириллом училища прошло два года. И с родителями все это время он не виделся. Присылал только короткие весточки электронной почтой: «Все нормально, служу, еще не женился, здоровье в порядке». И то хлеб. Мать все вспоминала ту «романтическую историю», из-за которой сын не позвал их на выпускной и приставала к мужу с вопросами о матримониальных планах чада. Миронов досадливо отмахивался – когда Кирилл решит, тогда и женится! Он уже взрослый

человек, целый лейтенант! Но причину такой сущности сыновних «писулук» знал и все понимал. Наверняка парень где-нибудь в латиноамериканских джунглях бегаёт.

Теперь оказалось, что нет, не добрался он до Ла-Паса или Сантьяго, здесь шустрит, в Каталонии. Наверное, тоже что-то интересное происходит, раз его служба сюда послала. Но ведь не расскажет, поросенок, «военная тайна»!

Ну и ладно, в конце концов, у него начальники есть и сослуживцы, они помогут, если что. Отрадно, что доверили не простое сопровождение какого-нибудь партийного функционера, как в былые времена его отцу. Здесь партизан, которых надо было бы поддерживать деньгами и оружием, нет, несмотря на все стремление этой провинции отделиться от королевства. Да и стремление скорее показное, чем отвечающее действительным чаяниям местных жителей. В составе Испании им и так неплохо живется. Работают по полдня, до сиесты, а после нее тоже машут рукой на служебные обязанности. Мало ли у них гастарбайтеров со всего мира? Индийцы, китайцы, какие-то еще народности. Все трудятся в магазинах, кафе, ресторанах и для них сиесты не существует. Так зачем местным напрягаться, если за них всю работу делают? Вот и не напрягаются.

– Родители, вы надолго сюда?

– Вообще-то, на две недели. Но как пойдет. Надоест – раньше улетим. Море холодное, купаться нельзя. А все эти туристские маршруты...

– Вообще-то здесь есть что посмотреть. В Порт-Авентуру обязательно загляните, вам понравится. Сейчас еще не совсем сезон, очереди маленькие. Ну, естественно, Барселона, Саграда Фамилия, парк Гюэль и прочие достопримечательности. Скучно не будет, гарантирую.

– Да есть уже у нас это все в планах, заплатили за поездки!

– Где остановились?

– «Бест Камбрильс», есть здесь такой отель.

– Знаю, – кивнул сын, – был там. Я как-нибудь вечерком загляну к вам, если не возражаете.

– Кирюша, – возопила Наташка. – Ты что, бросить нас собрался? Столько времени не виделась, а ты...

– Мам! – взмолился сын. – Ну, служба у меня! Ты ведь жена военного, понимать должна!

– Бывшего военного! – язвительно сказал Евгений. – Бывшего! Вот она и забыла, что это значит!

– Не забыла! – огрызнулась супруга, и по ее тону Миронов понял, что Наташка собирается пустить слезу. Редко она это делала, но тут понять ее было можно. Единственный сын после двухгодичного отсутствия появляется, словно чертик из коробочки, и тут же норовит улизнуть.

– Отставить слезы! – как можно мягче сказал он. – Ты, мать, понимать должна – служба у человека. Но как только он немножко освободится, тут же нас найдет. Правда, сын?

– Конечно! – яростно закивал Кирилл. – В самое ближайшее время! Вы отдыхайте и ни о чем плохом не думайте. Вы же отдыхать приехали? Мам, ну не расстраивайся ты! Я здоров, со мной все в порядке!

– А жениться не надумал? – спросила Наташка, успокаиваясь.

Сын рассмеялся.

– Надумаю – сразу сообщу! Все, я побежал, меня уже ждут!

Поцеловал мать, пожал руку отцу и припустил к дороге. Там сел в черный «Ниссан» и машина, рванув с места, быстро затерялась в негустом потоке транспорта. Жена достала зеркальце и стала

изучать свое лицо, а муж закурил и вновь прикрыл глаза.

– Жень, – жалобно сказала Наташка. – Как думаешь, он правда нас найдет?

Миронов сильно сомневался в этом, но сказал как можно более убедительно:

– Обязательно! Он же офицер! А офицеры слово держат!

И подумал про себя, что это вот как раз не всегда. Он немало встречал во время службы именно офицеров, которые ввали, воровали, подличали, даже убивали, чтобы убрать свидетелей своих преступлений. Сам он служил в элитном подразделении, куда отбор производился по невероятно строгим параметрам. И то встречались такие подонки... Редко, но все же встречались. А уж в обычной армии тупого дерьма хватало с избытком.

Но Кирилл был явно не из таких. Во-первых, место службы, а во-вторых – гены, черт побери! Так что, сын и вправду мог навестить их, когда выдаться свободное время. Если оно будет у него... Но это вряд ли. Знаем мы эти заграничные командировки.

Они еще посидели на лавочке, подставив лица яркому, но не обжигающему солнцу, а потом не спеша отправились в отель, поскольку приближалось время ужина.

* * *

Потом была поездка в Фигейрас (по-каталонски – Фигейрес), родной город Сальвадора Дали, в его знаменитый театр-музей. Когда-то, в начале шестидесятых прошлого века, город попросил своего знаменитого земляка подарить одну картину. «Картину? – сказал Дали. – Да я вам целый музей по-

дарю!» Взял за основу развалины бывшего городского театра, который разбомбили еще в местную гражданскую войну, и повеселился там на славу, с истинно сюрреалистическим размахом.

Сам Миронов не был таким уж большим ценителем искусств и к творчеству Дали относился довольно прохладно. Что-то нравилось, что-то – нет. Но по музею-театру они с Наташкой бродили с огромным интересом. Особенно почему-то понравилась ювелирная безделушка «Сердце королевы». Маленькое сердце, изготовленное из множества мелких рубинов, действительно, потихоньку билось, словно живое. Внутри стоял какой-то механизм, заставлявший его сокращаться, это было видно, но гиды почему-то упорно утверждали, что это всего лишь игра света и что именно в этом виден гений великого художника. Евгений пожал плечами, но спорить не стал. Гений, так гений, им виднее.

Немного утомившись, он шуганул какого-то пацаненка со стула в центральном зале, заявив, что дедушка устал и ему нужно отдохнуть. Пацан был европейский, вежливый и уступил место без боя и огрызания. Миронов отправил супругу осматривать музей дальше, а сам остался сидеть, разглядывая стоящий в центре старинный «кадиллак». Легенда гласила, что однажды в Нью-Йорке Дали безуспешно пытался «поймать» такси. Шел дождь, а машины не останавливались в ответ на поднятую руку. И тогда художник поклялся, что создаст автомобиль, внутри которого будет идти дождь.

Как сказал, так и сделал. Действительно, стоило бросить в кассу монетку в один евро, как что-то щелкало и сквозь одно, аккуратно разбитое стекло становилось видно, как внутри машины с потолка на сидящие манекены начинают литься струйки

воды. Можно было фотографировать это достижение гения.

Не то чтобы Миронову было жалко монетку, он просто решил похулиганить, и когда рядом остановилась парочка, судя по говору – американцев, он услужливо рассказал им легенду и сообщил о необходимости бросить евро в копилку.

«О, да! – закудахтали янки, – Конечно!» И совершили необходимые действия. А Евгений, ухмыляясь, что называется, «на халяву» сфотографировал, как вода из трубочек под крышей поливает манекены.

От музея и всех фантасмагорий он почувствовал, что устает и ходить надоело. Поэтому, когда их привезли в замок музы Дали – Галы, он заявил что смотреть, как жила эта «bruja vieja» – «старая ведьма» не желает, а просто посидит где-нибудь и покурит. Вот хотя бы в том баре. Наташка подозрительно посмотрела на него, но возражать не стала. Отобрала фотоаппарат и отправилась в замок, который, на самом деле, если честно, на замок «не тянул» своими размерами.

Заверив себя, что Гала, когда жила здесь, действительно была старой ведьмой (ну где это видано: мужу позволять приходить только по письменному разрешению!), Миронов логично решил, что в связи с этим можно себе что-нибудь такое позволить и направил стопы в намеченный бар.

Виски не хотелось, но он углядел за стойкой бутылку «Habana Club» и обрадовался ей, как родной. В стакан по его указанию плеснули не «на два пальца», как здесь было принято, а на три и, отказавшись ото льда («Русские со льдом не пьют!»), он уселся за столик снаружи, закурил, благодушным взглядом, делая мелкие глотки, оглядывая окрестности.

Все было чисто и красиво. И, можно сказать, необычно. Здесь чувствовался дух Испании, той, какой она была уже много веков. Ну и пусть по улицам носятся современные машины, везде стоят банкоматы и стены увешаны рекламными красотками, призывающими купить современные айфоны и айподы. Это там, в больших городах, а здесь, в Фигейросе процветал культ Сальвадора Дали и только. Что не мешало городку оставаться старинным и таинственным. В общем, правильно его Наташка сюда, в Испанию, вытащила.

Он побывал во многих странах, где по службе, а после отставки – туристом. Но ни в одной из них он не чувствовал себя так. Своим, что ли? Возможно, это ощущение возникало из-за языка, который он хорошо знал и любил. Впрочем, как сказал один из преподавателей, «Иностранный язык нельзя знать, с ним можно быть только знакомым». По-испански это звучало гораздо красивее, чем по-русски. Что поделаешь, такова уж особенность этого языка любви.

И смерти... Мысль мелькнула у него, когда он услышал резкие щелчки, что-то (наверняка, пуля!) ударило в метре от него в стену так, что полетела в стороны каменная крошка, а человек, в неброском сером костюме, сидевший за соседним столиком и вскинувшийся от звука первого выстрела, вдруг нелепо крутнулся на месте и рухнул, сбивая и столик, и бутылку пива, что стояла на нем.

Евгений инстинктивно присел, сдвинувшись влево, так, чтобы его прикрывала распахнутая дверь в бар. Направление, откуда стреляли, он засек профессионально, но вот кто стрелял? С той стороны взревел мотор, взвизгнули покрышки и все стихло. Вокруг стояла пугающе мертвая тиши-

на. Никто не кричал, не метался. Все люди, свидетели убийства, окаменели.

Но все же живые имелись. Послышался торопливый топот, к бару подбежали двое. И одним из них был... Кирилл! Именно он приложил пальцы к шее убитого, замер на мгновение, потом посмотрел на второго и покачал головой. Молча, слаженно действуя, они подхватили тело и опять бегом куда-то потащили. Миронову показалось, что сын увидел его, но сделал вид, будто не узнал. Ничего удивительного! Не хватало бы здесь еще сценки: «Папа!», «Сын!». Н-да, вот, оказывается, какая у Кирюхи служба! Не позавидуешь. Действительно, почти как у отца в его время.

И, кажется, убитый был его товарищем. А тот, кто стрелял и скрылся на автомобиле – врагом. Веселые тут у них дела творятся. И он еще порадовался, что сын не блуждает по латиноамериканским джунглям! Ох, чувствуется, понадобится сынуле его помощь! Если их тут, как куропаток щелкают, любая помощь будет кстати. Он ведь еще совсем не старый и много чего может натворить. Опыт имеется весьма большой.

Правда, самому найти Кирилла не удастся, но будем надеяться, что тот объявится на горизонте. Только вот под каким предлогом Наташку домой отправить? Задача...

А жизнь вокруг словно сдвинулась с мертвой точки. Заговорили между собой посетители бара, косясь на перевернутый столик и небольшую лужицу крови около него, куда-то звонил бармен. Никто к месту убийства не подходил. У них что, такое настолько регулярно случается, что все уже привыкли? Да, патриархальная Испания....

Евгений сел за столик, допил свой ром и встал. Теперь надо переместиться к выходу из замка Галы,

как будто он там все время и сидел. Вообще-то, собирался еще местного пива попробовать. Но не в такой же ситуации? Сейчас наверняка полиция приедет, начнутся разборки. А ему в свидетели попадать совсем не хочется. Иностранец, все-таки.

Супруга вышла со всеми остальными экскурсантами, полная впечатлений и сияющая. Потянула носом воздух.

– Ты выпил?

Евгений возмутился:

– Совершенно не понимаю, почему бы благородному дону не опрокинуть рюмку в подходящей обстановке?

– Ладно, благородный дон, не шуми, – миролюбиво сказала Наташка. – Выпил – и выпил. Не все же тебе по музеям со мной таскаться?

Вот и за это тоже он ее любил. Понимала, что мужчине иногда нужно расслабиться, опрокинуть кружку-другую пива. Тем более – на отдыхе. Что в этом дурного? Ведь не напивается до поросычьего визга, не валяется по канавам? Все нормально, господа!

О том, что здесь произошло, он, естественно, рассказывать жене не стал. И группа, направлявшаяся к автобусу, ничего не заметила. Ну, приехал полицейский автомобиль, что тут необычного?

Вечером они поужинали в ресторане отеля, хотели еще сходить к морю, но Миронов занудил, что хватит шляться, лучше он поваляется в номере, перед телевизором. Наташка, разумеется, тоже осталась. Действительно, они целый день были на ногах, стоило отдохнуть, тем более, что на завтра предстояла поездка в Андорру. А это опять сплошная пешая прогулка по улицам знаменитого крошечного государства. Надо дать ногам отдых.

И они валялись на широченной кровати, смотрели многочисленные каналы, то и дело щелкая кнопками пульта и потягивали пиво «Tiro Aleman», то есть «типа немецкого», полуторолитровая бутылка которого здесь стоила смешные пятьдесят центов, а качество – вполне сравнимое с настоящим «пилзнером».

По телевизору шла всякая мура, сопоставимая с российской, но разительно отличавшаяся от той, которую они видели во время поездок во Францию. Евгений уже начал подремывать, когда внезапно зазвонил телефон. Он поднял трубку и услышал торопливый шепот. Звонил Кирилл.

– Пап, ты свободен?

Неизвестно почему, Миронов ответил по-испански:

– Si.

– Спустись, пожалуйста, сейчас вниз. Я у входа в отель. Маме не говори!

Евгений согласился опять по-испански:

– Bueno.

И обернувшись к вопросительно смотрящей на него жене, сказал:

– На рецепцию зовут, там в чем-то разобраться надо с завтрашней поездкой. Ты лежи, лежи, я быстро.

Наташка проворчала:

– Не могли до утра подождать?

И опять уткнулась в «ящик», где показывали какую-то игру, аналог нашей «Кто хочет стать миллионером?». А-а, все они – клоны американской развлекухи!

Миронов накинул куртку и пошел к лифту. Шел и думал о том, что все-таки оказался прав, помощь его понадобилась. А также о том, с какого это он барабана стал отвечать сыну на испан-

ском? Впрочем, все логично. Кирилл не приходит в номер, а звонит по телефону, значит, что-то необычное происходит. Поэтому жене нельзя показывать, что на другом конце провода – ее любимый сынуля. Вкупе с тем, что сегодня произошло в Фигейрасе и чему он был свидетелем, становится ясно, что у Кирилла неприятности и большие, раз уж он собрался обращаться к отцу, старому вояке, который собаку съел на тайных операциях за рубежом. Отсюда вывод – жена должна думать, что ничего особенного поздний звонок не означает, просто какая-то неточность в бумагах экскурсовода или дирекции отеля. Надо же, как мгновенно сработали инстинкты, заложенные в него еще в далекие годы обучения премудростям тайной войны...

Потихонечку насвистывая что-то совсем немзыкальное, он шагнул в раздвинувшиеся автоматически стеклянные двери отеля, закурил и оглянулся по сторонам. Не надо бы здесь светиться, а то балкон их номера выходит как раз на эту сторону. Вдруг жена решит подышать вечерним воздухом? Он тихонько позвал:

– Кир! Ты где?

Сын так же тихо ответил из-за колонны, подерживавшей козырек над входом:

– Тут я, пап, сюда!

Он шагнул в тень.

– Знаешь, пойдём-ка дальше, чтобы нас никто не увидел.

– Согласен.

Они нырнули под арку, вышли на улицу, пересекли ее. Здесь было не так светло, можно мимо вилл с потушенными огнями пройти к морю. Курортный сезон только набирал обороты и большинство пансионатов и сдаваемых квартир пока

пустовали. Представить только, что тут творится где-нибудь в июле!

Молча они вышли на широкий пляж, рядом с которым бежала дорожка для велосипедистов. Нашли лавочку, укрытую пышными кустами и местной разновидностью сосны, похожей на большой зонтик. Евгений достал еще одну сигарету, протянул пачку Кириллу, но тот покачал головой.

– Не курю.

– Это ты правильно делаешь! – одобрил отец. – А я никак от этой гадости отвязаться не могу. Да и поздно уже, наверное. Ну, выкладывай!

Сын вздохнул.

– Все очень плохо, пап!

– Догадываюсь, – хмыкнул отец. – Тот, твой приятель в Фигейрасе точно не выжил?

– Это не приятель. Хорхе был осведомителем, из местных.

– Из местных? – удивился Миронов. – Не очень похож. Да и пиво пил, а не вино, как тут принято.

– Он долго жил в Союзе. Родителей еще детьми вывезли во время гражданской войны. Потом сюда вернулся. И вот...

– Не повезло мужику... А кто его застрелил?

– Ни малейшего представления! – Кирилл сокрушенно pokrutil головой. – Мы должны были встретиться в том кафе, но опоздали буквально на минуту. Даже машину не разглядели, на которой убийца скрылся.

– Черный «Рено» с местным номером. Вот, держи.

И он протянул бумажку, на которой записал номер автомобиля, скрывшегося с места преступления.

Сын оживился.

– Здорово! И когда ты успел заметить? А того, кто стрелял, не видел?

– К сожалению, нет. Выглянул, когда уже дверца захлопнулась.

– Ничего, – пробормотал Кирилл. – Номер – это уже зацепка.

– Не обольщайся, скорее всего, машина – угнанная.

– С чего ты решил?

– Да обычно так делают, – поморщился Евгений. – Зачем свой транспорт светить, когда здесь добрая половина машин не запирается даже на ночь. Это тебе не Россия! Чем я еще могу помочь?

Сын помолчал.

– Даже не знаю. Я ведь и о встрече с тобой никому не могу доложить. Сразу с операции снимут.

– Ничего себе, у вас порядочки! – восхитился Миронов. – Родной отец, ветеран спецслужб, сто миллионов раз проверенный! И доверять ему нельзя!

– Это тогда ты был проверенный...

– А после этого продался с потрохами каким-нибудь америкосам, да? – с сарказмом подхватил Евгений. – Блин, это начальство как состояло из дураков, так и продолжает состоять!

– Ну что я могу сделать? – уныло протянул Кирилл.

– Да не сообщать ничего и никому! – придвинулся к нему Миронов, понизив при этом голос. – Я тут на отдыхе, и мы с тобой не знакомы. Обговорим систему связи, и буду тебе помогать по мере необходимости. Поверь, это не так сложно. Начальство ведь далеко, и вопреки его утверждениям видит совсем не все, что здесь происходит. Уж доверься моему опыту!

Про опыт отца сын знал, конечно, многое, но далеко не все. Кое-какие операции группы «Туриста»

до сих пор хранились под грифом «Совершенно секретно», и доступ к ним будет открыт лет через пятьдесят. Если вообще откроют.

Кирилл сказал:

– Знаешь, а нам ведь о кое-каких твоих делах даже лекции читали, приводили в пример, как образцовые.

– Вот видишь! – улыбнулся в темноте Евгений. Ему было приятно, не зря в свое время жизнью рисковал. В учебники попал, хотя и секретные. – А старый конь, как известно, борозды не испортит.

– Какой ты старый! – возразил сын. – Так, в возрасте. То есть, в полном расцвете сил.

– Ты из меня Карлсона не делай! – одернул его отец. – Давай, лучше, колись, чем вы тут в действительности занимаетесь?

– Не могу, пап! – опять вздохнул Кирилл.

– Снова – здорово! – возмутился Миронов. – Как же я тебе помогать стану, если не знаю, что делать, чтобы задание выполнить?

– Я сам до конца все не знаю! Пойми ты! – взмолился сын. – Я – пешка, всего лишь старший лейтенант! А надо мной полковники стоят! Вот они точно все знают! Но ведь не говорят! Я – на подхвате! Типа: «Пойди, принеси!»

– Нет, ну не мудаки? – возмутился Евгений. – Тут уже людей убивают вовсю, а они все секретничают! Ладно, с этим я разберусь. Говори хотя бы то, о чем знаешь.

* * *

Оказалось, история давняя и темная. В свое время золото, принадлежавшее Испании, было вывезено в Советский Союз. Якобы, в оплату за поставляемое республиканцам оружие. А в дей-

ствительности – чтобы не досталось франкистам. Естественно, после окончания войны никто ничего никому не вернул. Даже после восстановления в стране монархии. Но появились сведения, что не весь золотой запас был вывезен, а значительная его часть осталась здесь, в Испании. И именно в Каталонии. Где-то хитрые советские госбезопасники, которые занимались операцией по вывозу, довольно большое количество контейнеров припрятали. Неизвестно, с какими целями. Может быть, рассчитывали потом, улизнув из СССР, увернувшись от лап Сталина, достать эти слитки и жить припеваючи где-нибудь в Аргентине? Неизвестно, потому что подавляющее большинство из них (а также причастных испанцев) уничтожили как в подвалах Лубянки, так и в ходе свободного отстрела, развернувшегося по всей территории земного шара. А те, кто уцелел, хранили тайну до самой смерти. Есть твердая уверенность, что кладом этим никто с тех пор не воспользовался.

И вот правительство Испании не так давно обратилось к российскому руководству с просьбой помочь найти остатки золотого запаса.

– Что-то не сходится, – задумчиво сказал Евгений. – Если обратились официально, то какого же черта вы тут в шпионов играете? Работали бы спокойно, совместно со здешними органами. И никаких хлопот! Нет, стрельба, трупы... И это я еще наверняка не обо всем знаю, что у вас здесь происходит. Так?

– Ну, да, в общем-то, – промямлил сын. – За последние две недели Хорхе – уже третий. Кто-то определенно не хочет, чтобы мы нашли следы золота.

Мионов помолчал. Мозг его напряженно работал, пытаясь сложить в единую картинку разрозненные факты. Нет, не получалось. Пока.

– Чует мое сердце, – наконец сказал он, – что не в золоте тут дело. Даже, скорее, совсем не в золоте. Республиканский клад – это так, приманка для отвода глаз. На самом деле, все совсем по-другому. И я это выясню. Кто у вас тут главный, кто всей операцией руководит?

Кирилл опять замялся. Вот же вбили дисциплину в парня, собственному отцу довериться боится!

– Давай, давай! – поторопил Евгений. – А то мама беспокоиться начнет, меня отправится искать!

– Башня, – наконец выговорил сын.

– Какая еще башня? – не понял Миронов.

– Ну, это боевой псевдоним – «Башня». А в действительности – полковник Старовойтов.

– Старовойтов, Старовойтов... – повторил, вспоминая, Евгений. – Его не Ваней, случайно, зовут?

– Так точно, Иван Федорович.

– Ты гляди, до полковника дорос! – подивился Миронов. – В мое время он, как ты сейчас, был старлеем. Где, говоришь, он расположился?

– Я не говорил! – возмутился Кирилл. – В отеле «Бест Медитерранео».

– В трехзвездочном? – опять удивился Евгений. Видел он этот отель во время поездки на «паровозике», и впечатления на него здание не произвело. – Чего так мелко? Командировочные экономит?

– Нет, в целях конспирации, – нехотя сказал сын. Невооруженным глазом было видно, что многоопытный отец попал в точку. – Он ведь тут как обычный турист...

– Вот и славно! Встречусь с бывшим сослуживцем, поговорю по душам, глядишь, кое-что и выяснится.

– Да ты что?! – испугался Кирилл. – Он же меня потом вместе с ботинками съест!

– Не бойсь, сынок, – успокаивающе похлопал его по плечу Миронов. Я все обставлю как случайную встречу. А там видно будет. Не таких кололи!

И заторопился.

– Мать сейчас, наверное, меня уже с собаками разыскивает! Я побежал. Звони, в самое ближайшее время. Ах, да, мы же завтра в Андорру едем! – Достал из кармана маленькую записную книжку, карандашик, чиркнул несколько цифр. – Мой сотовый. Все, пока. Держись, сын!

И скрылся в темноте.

Наташка, конечно же, мужа искала. Бродила по холлу отеля, о чем-то пыталась говорить с чернокожим портье на рецепции. Тот размахивал руками, не очень понимая, чего от него добывается эта белая женщина. Портье был родом из Сенегала и если по-испански еще мог кое-как объясняться, то русский был ему совершенно незнаком.

Евгений, пригнувшись, скользнул к бару, который тут работал исключительно по вечерам. Около стойки веселилась толпа испанских стариков и старух. Тут была одна особенность. В мае правительство Испании выделяло своим пенсионерам какие-то субсидии, и они устремлялись на курорты, пока их не заполонили туристы.

Вот досада: бармен куда-то отлучился! А Евгению просто необходимо было в целях маскировки чего-то выпить! Ну, спустился мужик по делам вниз, решил их и перед сном задумал рюмку накапать. Как у немцев – «ночной колпачок». Что тут странного?

Он в нетерпении постучал по стойке монеткой.

– Чего ты ищешь? – спросил его совершенно седой, но еще достаточно крепкий на вид старикан в рубашке, расписанной какими-то фантазмагори-

ческими картинками в стиле, скорее Пикассо, а не Дали.

– Да пива хотел выпить!

– Пей сангрию, это одно и то же! – пробасил старик и всучил Миронову большой бокал местной смеси вина и фруктового сока. На стойке бара располагался большой поднос с такими емкостями. Очередная «халява». Евгений пожал плечами и влил в себя мощную дозу напитка. Довольно вкусно.

Он разговаривал с неожиданным благодетелем, отпивая из бокалов, когда его наконец обнаружила супруга.

– О, Наташка! – радостно сказал Миронов. – А мы тут с Франсиско разговорились. Он президент шахматного клуба Салю и как-то даже с нашими играл.

– А позвонить ты не мог? – жалобно сказала жена. – Я себе места не нахожу, а он тут вина распивает с шахматистами. Алехин нашелся!

– Ты что, мать? – удивился Евгений. – Мы что, на вражеской территории находимся? Что со мной может случиться?

Наташке тут же вручили порцию «сангрии» и инцидент был исчерпан. Поболтав еще немного с Франсиско, Миронов допил свой бокал, попрощался и увлек супругу к лифту.

Но ложиться спать не спешил. Достал из чемодана маленький «ноутбук», который Наташка прихватила с собой, чтобы общаться с подругами по «Скайпу» и залез в Интернет. Ему нужна была информация по испанскому золоту. Кое-что он, конечно, знал, но так, по редким телевизионным передачам и публикациям в прессе. Нужны были подробности.

Супруга давно уже спала, а он все щелкал кнопками компьютера. Вырисовывалась довольно интересная история.

К началу гражданской войны Испания обладала четвертым в мире по объему золотым запасом после США, Великобритании и Франции. Немалую долю в этих 635 тоннах занимало золото, награбленное в свое время конкистадорами в Южной Америке. Все оно хранилось в Мадриде, в Банке Испании.

18 июля 1936 года в эфире прозвучала кодовая фраза: «Над всей Испанией безоблачное небо». Франко поднял мятеж против республиканского правительства. И попер на Мадрид. К нему очень быстро присоединились почти все вооруженные силы страны. Противостояли же им практически отряды ополченцев, необученных и не умеющих воевать, а чуть позже – добровольцы из многих стран мира, которых сколотили в интербригады. Поначалу испанцы хотели растворить этих добровольцев в своих подразделениях и отдать под команду испанских начальников. Но те воспротивились, и было решено создать отдельные отряды иностранцев. Среди которых, кстати, было множество советских добровольцев. Такие же дилетанты в военном деле, как и местные «солдаты» они, тем не менее, сражались яростно и беззаветно, словно за свою страну. Чем вызывали удивление испанцев, а порой даже недовольство. Как это так, сиеста, воевать не положено, а они все равно наступают!

Но все равно достойного сопротивления регулярным войскам они оказать не могли, одерживая только незначительные победы и проигрывая в общем.

В начале сентября Франко приблизился к столице, Мадриду, настолько, что появилась реальная угроза падения города. Тогда руководители республиканского правительства приняли решение вывезти золотой запас из Банка Испании и переправить его в Картахену, поближе к морю. Они

уже тогда задумывались о том, что драгоценный металл придется из страны эвакуировать и использовать для оплаты закупок оружия и боеприпасов. Тем более, что покупая это во Франции, республиканцы уже часть золота потратили.

Ящики с золотым запасом благополучно перевезли и поместили в пещерах в окрестностях Картахены. 559 тонн, упакованных в десять тысяч ящиков.

На некоторое время его оставили в покое, но уже 15 октября испанскому послу в Москве было поручено договориться с советским правительством о перевозе этого золота для хранения в СССР.

Поручили эту операцию агенту НКВД Александру Орлову, который, по разным источникам, был, конечно же, никаким не Александром, а, уж тем более, не Орловым.

Но дело свое он знал туго. Под покровом ночи золото погрузили на машины и с потушенными фарами те уехали в порт. Грузили советские танкисты, переодетые в испанскую форму.

На советские корабли «Кубань», «КИМ», «Волголес» и «Нева» ящики перегружали моряки. Корабли эти как раз доставили в Испанию легкое и тяжелое вооружение из Советского Союза. Это потом западная пресса и политики захлебываясь визжали, что Сталин заграбастал испанское золото и только потом стал поставлять республиканцам технику и оружие. Причем, такого качества, что против войск Франко оно не могло помочь. Ну, это песня известная, не стоит даже обращать на нее внимания. Козлы они там все, им лишь бы плюнуть в нашу сторону.

В начале ноября корабли с золотом благополучно прибыли в Одессу, там ящики перегрузили на спецпоезд и отвезли в Москву.

Тут выяснилось, что почти все оно – не в слитках, как это обычно делается, а в монетах разных стран (какой-то «исследователь» утверждал, что только США). Как известно, монеты не делаются из чистого золота, обязательно добавляются другие металлы, в основном – серебро. Потому-то запас и перевозили в мешках, которые, в свою очередь, были упакованы в ящики.

Необходимо было золото переплавить и не только. Есть такая технология – аффинаж, которая предназначена для получения чистого золота из золотосодержащих пород, лома и так далее. Вот все испанское золото и было подвергнуто аффинажу. Кое-что при этом, естественно, теряется.

А дальше республиканское правительство расходовало это золото так, как будто объемы его были неисчерпаемы. И вскоре эти пятьсот тонн благополучно закончились. По-честному закончились. Хотя все те же «исследователи» вопили, брызгая слюной, что цены на самолеты и танки Советский Союз завышал безмерно. Но сейчас опубликовано множество документов, из которых видно, что ничего подобного не происходило, техника и вооружение поступали отличные. Просто республиканцы не умели пользоваться ими и воевать, как следует.

В результате, Франсиско Франко войну выиграл и на долгие годы стал диктатором. Тогда же он решил, что никакой демократии в стране он не допустит и, уходя, восстановит монархию. С этой целью он буквально выпестовал нынешнего короля Испании и передал ему власть. А все остались довольны, потому что Испания вышла в разряд ведущих в Европе, жизнь там спокойна и все сыты и одеты.

Республиканцы в 1938 году потребовали от Банка Франции золота, хранящегося там, но через пару дней Великобритания и Франция признали

правительство Франко и, естественно, французский банк показал республиканцам кукиш. После окончания гражданской войны около сорока тонн чистого золота Франко из Франции вернули.

А в начале 1955 года испанское правительство обратилось к крупным мировым державам – Франции, США, Великобритании с просьбой помочь вернуть золото, вывезенное в Москву. Франко перед всем народом клялся, что для этого есть все основания, угрожал Гаагским международным трибуналом. Два года спустя советское правительство опубликовало в «Правде» издевательское заявление по поводу этих угроз. Франко заткнулся и больше о золоте не упоминал. Тем более, что получил достоверные сведения о том, как золотой запас страны был потрачен.

Вся история вывоза долго замалчивалась, но, в конце концов, сбежавший в США бывший НКВДшник «Александр Орлов» издал там книгу, где подробно все описал.

Теперь оказывается, не до конца. Судя по словам Кирилла, появились сведения, что тогда на советские корабли было погружено не все золото, хранившееся в пещерах Картахены. Часть ящиков ухитрились перевезти под Барселону и спрятать где-то там. Да так спрятать, что и спустя много десятилетий никто ничего не нашел.

Отношения у нынешней России с королевством Испания вполне добрые, вот местное правительство и обратилось к российскому с просьбой помочь отыскать этот клад. И с надеждой, что в России сохранились какие-нибудь документы, проливающие свет на эту темную историю.

«Вроде бы все сходится, – думал Евгений, задумчиво покуривая на балконе номера после того, как выключил наконец ноутбук. – И золото было, и

вывезли его. И стырить кое-что могли, вполне это в наших традициях. А НКВД еще той сволочной организацией был. Такие там бандюки работали, что только держись!

Но вот что-то здесь царапает, не дает поверить до конца в правдивость этой истории. Нет, конечно, клад может существовать. И наверняка документы какие-то по этому поводу имеются. Но вот почему операция по поиску проводится тайно? Эти там, наверху, что, надеются, разыскав чекистскую захоронку, по-тихому ее вывезти? Стоит ли мелочиться, ведь наверняка украли не много, иначе уже при погрузке на корабли все бы открылось! Что же тут не так? Надо завтра разыскать этого Ваню Старовойтова, «Башню» и, взяв за грудки, вытрясти подробности. И не надо опасаться, что тот может отдать приказ убрать Миронова, как опасного свидетеля. Времена сейчас другие. Да и сказать проще, чем сделать. Нет, завтра же!»

Но тут он вспомнил, что назавтра намечена и оплачена экскурсия в Андорру и поскучнел. Наташке не объяснишь, почему он не может ехать, а должен остаться здесь, на побережье. Что же придумать?

Решив, что утро вечера все же мудренее, тем более, что голова, нагруженная сведениями из Интернета, гудит, Евгений просто завалился спать, надеясь, что решение найдется само. Так иногда бывает. Вот не получается что-нибудь, никак не можешь сообразить какую-то детальку или действие, а утром встанешь под душ и – на тебе, готово, все как на ладони!

* * *

Утром душ не помог, Миронов извелся, придумывая повод для того, чтобы не ехать. Но тут

в кармане завибрировал мобильник и Кирилл сказал:

– Вы в Андорру собрались ехать? Езжайте и ничему не удивляйтесь.

Связь прервалась до того, как жена обнаружила, что Евгений с кем-то разговаривает по телефону.

Ну, раз так, значит поедем! Интересно, чему это мы не должны удивляться?

Дорогу до маленького государства Миронов честно проспал. Во-первых, лег поздно, во-вторых, позавтракал очень плотно, «шведский стол» в ресторане позволял это сделать. А в-третьих, потихоньку от жены приложился к фляжке с виски и засунул ее в карман, приберегая на потом. На отдыхе он или где? И с чистой совестью, устроившись поудобнее в уютном кресле автобуса, задрях.

Куда-то сюда российский народ летал кататься на горных лыжах. Но к этому виду спорта Мироновы были равнодушны. Сейчас, тем более, кажется, был не сезон, потому что те, кто ехал вместе с ними в автобусе, оживленно обсуждали будущие покупки. Андорра была зоной, свободной от таможенных пошлин и, вроде бы, здесь можно было многое купить по дешевке.

Ни Евгений, ни его супруга шопинговой болезнью не страдали, поэтому серьезных покупок делать не намеревались. Так, сувениры, пофотографироваться. А посмотрев на цены и сравнив их с российскими, и вовсе махнули рукой. Похоже, рассказы о дешевизне в местных магазинах были чистой воды уткой. Практически все, как в Москве. И смысл тащить чемоданы, набитые тряпками? Да никакого!

Евгений, правда, захотел джинсы, настоящие, синие «Левисы», не потерянные. Но такие имелись только 501-й модели, с ширинкой на пуговицах.

И шиты были, вероятно, даже не в Китае, а где-нибудь на диких островах Тихого океана, потому что сидели на нем, как седло на корове. Банальное сравнение, но в этом случае очень точное. Так что, даже джинсы не купили.

Какое-то время побродив по улочкам города, укрывшегося между склонов гор, снявшись на фоне чугунных растекшихся часов (непонятно было, сам Дали к созданию памятника руку приложил или его эпигоны), они наконец решили присесть в ближайшем кафе и перекусить.

Едва получили заказанные сковородочки с паэльей, которую, критически осмотрев, Миронов обозвал «блюдом второго января» (действительно, сгребли все недоеденное в кучу и подогрели: рис, мясо, мидии, рыба, какие-то овощи), и взялись за вилки, как услышали:

– Вы позволите?

У столика стоял невысокий мужчина в костюме, при галстукe и в темных очках, закрывавших половину лица. Обратился к ним мужчина по-русски. «Соотечественнику скучно стало» – решил Евгений и равнодушно кивнул:

– Присаживайтесь.

Мужчина подвинул стул, сел, снял очки и посмотрел Миронову в лицо. Тот на секунду задумался, потом, улыбаясь, спросил:

– Ваня?

Память на лица у него всегда была хорошей. К ним подсел Иван Федорович Старовойтов, полковник, бывший сослуживец Евгения и нынешний начальник Кирилла, боевой псевдоним «Башня».

«Ну, какая из него башня, – подумал Миронов. – Так, контрэскарп».

– Узнал, Женя? – спросил, улыбаясь в ответ, Старовойтов. – Ведь столько лет прошло.

– Как видишь, узнал, – кивнул Евгений. Подозвал официанта и заказал бутылочку «vino tinto» – сухого красного вина. – Выпьешь за встречу?

– С удовольствием, – согласился полковник.

Вот значит, почему Кирилл просил ничему не удивляться. Сам руководитель операции по поиску «барселонского клада» решил встретиться с отставным майором. Ну, послушаем, о чем пойдет разговор и во что он выльется.

Тем не менее, дел пока не касались, вспоминали прошлые времена. Наташке Ивана он представил, как бывшего сослуживца, что было правдой, но не стал объяснять, что товарищ этот и сейчас служит, а ее сынок – у него в подчинении. Незачем ей это было пока знать.

Отношения у них во время службы в СОБ – Службе общей безопасности, были ровными, приятельскими, но на операциях они никогда не пересекались, так уж сложились обстоятельства и как работника Евгений Старовойтова не знал. Видимо, не совсем плох, если до сих пор серьезными делами занимается. Хотя, в его годы вполне мог бы и до генерала дослужиться. Ничего, вот золотишко найдет, вывезет его тайно, глядишь, и получит генеральские звезды. Так ведь наверняка не золото он здесь ищет. А что?

Бутылку они прикончили быстро, сидели, курили, рассказывали друг другу разные случаи из своих приключений. Заказали еще вина. Наташке стало скучно, и она решительно поднялась:

– Ну, мужчины, вы тут посидите, повспоминайте, а я пойду, поброжу по вон тому большому магазину. Не напивайтесь сильно!

Махнула сумочкой и ушла. Она была умной женщиной и прекрасно поняла, что Старовойтов подсел к ним не случайно. Двум бывшим сослуживцам нужно о чем-то переговорить приватно.

Иван проводил стройную фигурку супруги Евгения взглядом, согласился на невысказанные слова Миронова:

– Действительно, умная она у тебя. Настоящая жена разведчика.

– Разве я теперь разведчик! – махнул рукой Евгений, подливая в бокалы. – Давно это было.

– Не прибедняйся, Женя, – сказал Старовойтов. Тон его после ухода Наташки разительно изменился, стал жестким, напряженным. – Мне кажется, ты, как был волком, так им и остался.

Миронов рассмеялся почти искренне.

– Да какой из меня теперь волк, окстись, Ваня! Средней руки бизнесмен, не более! Вот, видишь, пенсионерски в заграницы езжу, винцо попиваю, жизнью доволен.

– Ну, хватит, хватит! – поднял перед собой ладонь, словно защищаясь, Иван. – А то мне неизвестно, как ты со своей командой сначала в Германии пошустрил, а потом в Абхазии отметился.

– И кто тебе такие сказки рассказал? – напрягся Евгений.

– А ты как думаешь? – сощурился Старовойтов.

– Леня, что ли? – наугад предположил Миронов.

– Кто же еще? – подтвердил его догадку полковник. – И то, что здесь будешь, он же сообщил.

Та-ак, это что же получается? Он, выходит, на постоянном контроле у этих «наследников» СОБ? Вообще-то из поездки в Испанию он секрета не делал. Но вот Шишову об этом точно не говорил. Хотя бы потому, что после приключений в Абхазии и Ставрополе не пересекался с ним, даже по телефону не разговаривал. Не было у него Ленинского номера. Мишки Штефырцы был, а Шишова – нет. Тот очень ловко обошел эту тему, когда прощались.

Ну, наблюдают (не скажешь ведь – следят?), это ладно, можно стерпеть, здесь ведь, как и во многих областях человеческой деятельности, «бывших» не бывает. Но вот то, что Леня так запросто выбалтывает подробности его походов – это Евгению совсем не понравилось. При встрече надо будет в морду дать – чтобы язык не распускал.

Старовойтов словно мысли читал. Но, вернее, был хорошим физиономистом.

– Не переживай, успеешь ему холку намылить. Через пару дней Шишов сам сюда нагрянет. Очень уж у нас тут крутые дела завариваются, вот Москва и занервничала. Кстати, ты в курсе, что твой наследник тоже здесь?

Оп-паньки! Так, оказывается, Кирилл ничего начальству не доложил? О том, что с отцом виделся, что тот помощь предложил? Молодец, пацан, будет из него толк!

– Кирюха, что ли? – деланно удивился Мионов.

На этот раз, похоже, Иван по лицу его прочесть ничего не смог.

– А у тебя другой наследник есть? И жена про него знает?

– Брось подкалывать, Ваня! А то тебе не ведомо, что Кирилл у меня – единственный сын. Так он у вас?

– Где еще быть сыну заслуженного разведчика? Конечно, у нас! А ты не знал?

– Откуда? У вас же секретность такая, что собственные родители не знают, что их сын по заграницам тайно шастает!

– Можно подумать, твои – знали! Тоже ведь скрывал, нет?

– Скрывал, конечно, – вздохнул Мионов. – Ну и как он?

– Да ничего парнишка, – кивнул Старовойтов. – Пока справляется. Толк будет, я думаю.

– Значит, – прикинулся простаком Евгений, – у вас тут операция какая-то проходит. Я правильно понял?

Старовойтов молча покивал, пригубил бокал.

– То-то, наемни, в Фигейрасе картинку наблюдал. Сижу в баре, ром кубинский потягиваю, жену с экскурсии жду. Тут, вдруг: трах, бах, пальба началась, мужика за соседним столиком застрелили, я сам едва укрыться успел. Ваши шустрили?

– Нет, – нехотя сказал Иван. – Это нашего человека там убили. Он к нам на встречу шел. Погоди, там ведь твой сын тоже был! И ты его не видел?

– Какое там! Так плотно палили, что я носа из бара высунуть не мог. А когда глянул – только стол перевернутый, да крови немного.

– Тело убрали. Но то, что он нес, на словах должен был передать. Не получилось.

– Нашли, кто стрелял?

– Только машину. Оказалось, что числится в угоне. А стрелков и след простыл. Номер Кирилл успел запомнить.

Как же, успел! Это у папы взгляд острый.

– Да, – оживился вдруг Старовойтов. – Ты знаешь, какой у него боевой псевдоним?

– Откуда бы?

– «Наследник»!

– О как! – поразился Евгений. – Помните, значит, старого коня?

– Сколько тебе повторять? Не конь ты, а волк! Причем, не такой уж и старый!

– Ладно, волк так волк, – согласился Миронов. – Ну, а от меня-то тебе чего надо? Я ведь не поверю, что ты со мной случайно встретился!

– Не случайно, – согласился Иван. Одним глотком допил вино, знаком показал, чтобы Евгений налил еще.

– Тебе не за рулем сидеть потом? – обеспокоился Миронов. – Тут с этим строго.

– Нет, я с водителем.

– Что, специально ехал, чтобы со мной повидаваться?

– Да, на побережье глаз посторонних много.

– Ну, и?..

– Помощь нам твоя нужна, – наконец решился Старовойтов. – Людей хватает, но опыта у них маловато. Из стариков я, да еще пара человек остались. Все остальные – сопляки. Задора много, а навыков нет. Для большинства – первая операция. Да и не действовали мы раньше в европейских странах, тем более – в Испании. Считалось – самая тихая заводь, очень удобная, как промежуточная база. Но тут, оказывается, то еще осиное гнездо. Сам видел ведь, как человека легко убрали? И это третий. Все по одному сценарию: подъезжает машина, несколько выстрелов – и все. Лови потом конский топот. Тем более, что с полицией местной контактировать не можем. Нет, там есть кое-кто. Деньги все любят. Но мало их. И нас маловато. Вот если ты согласишься помочь, да Шишов подъедет... Тогда может что-то получиться. А пока – никак!

– Н-да, – задумчиво протянул Евгений. – Не позавидуешь. Но я-то вам на что? Просто ведь отдыхать приехал, на пляже поваляться, вина попить! И потом, тебе напомнить, как меня на «гражданку» выкинули? Чуть ли не с позором! И, заметь, безо всяких на то причин!

– Не хочешь мне помогать, – вдруг озлился Старовойтов, – так сыну помоги! Он ведь тоже еще совсем молокосос, несмотря на подготовку! А из

армии не я тебя убирал! Так получилось! Сам неизвестно каким образом удержался. До сих пор голову ломаю: кто за меня словечко молвил?

– Не кипятись, – сказал Миронов. – Сын – это у тебя, конечно, козырь хороший. Мощный такой козырь. Но у меня, когда я в Службу пришел, никакого отца и доброго дяди за спиной не было. Ведь это Леня Кирилла к вам засватал?

– Он, конечно.

– Ладно, приедет, я с ним поговорю. Ох, и поговорю!

– Ты что, жалеешь, что Кирилл у нас служит?

Евгений помолчал немного.

– Нет, наверное. Все же интереснее, чем где-нибудь в гарнизоне прозябать. Я этого дела в свое время накушался. А тут практически сразу после училища... Он в центре проходил подготовку? Да о чем это я? И центра того уже, наверное, нет...

– Есть центр, существует. Проходил он там подготовку. Как и остальные. Но все равно – сопляки ведь!

– Конечно, сопляки! Что я, не понимаю? Мы ведь и сами такими были, вспомни. А судьба, видишь, как распорядилась... Ты в каком звании?

– До подполковника дотянул. А дальше – никак.

До подполковника? Ох, врешь ты, Ванечка! По уже имеющимся у нас сведениям три больших звезды у тебя, полковничьих. А раз врешь в малом (за чем, интересно?), то запросто соврешь и в большом. Так что ухо с тобой нужно держать остро. Знаем мы вас, таких брехливых, встречались. И не ангел-хранитель за тебя словечко замолвил. Поставим зарубку на будущее, чтобы не забывать.

– Не ценят тебя, что ли?

– Почему, ценят. Только я в операциях не всегда участвую, больше в управлении сижу.

Понятно, кинули тебя (а, скорее всего, сам напросился) сюда в расчете на то, что все в тихой Испании пройдет легко и просто. Не вышло. Вот и обращаются теперь к взрослым дядям Шишову, да Миронову: «Помогите, вы же опытные!» Ладно, если вдвоем с Леней, то взяться можно. Действительно ведь, карьера (а может и жизнь) сына на кону.

– Хорошо, договорились. Что я лично с этого буду иметь?

Поторговаться следовало обязательно. Эти люди очень хорошо понимают язык денег. И если есть возможность что-то хапнуть сверх меры, никогда такую возможность не упустят. Во времена службы Евгения в СОБ такого, естественно, не было. В массовых, скажем так, масштабах, потому что и тогда изредка происходили нехорошие истории. Сейчас же это стало обыденным явлением и окружающими воспринималось совершенно нормально, с долей зависти: «Вот повезло мужику, оторвал жирный кусок!» Недоразвитый капитализм...

– А ты чего хочешь? – с неподдельным интересом спросил Старовойтов.

– Как и все, – пожал плечами Миронов. – Денег. – Он прищурился, словно раздумывая, затем спокойно назвал сумму: – Сто штук баксов на мой счет. Половину сейчас, половину после завершения операции.

– С ума сошел! – откинулся на спинку стула Иван. – Где я возьму такие деньги?

– Это не моя забота. Не забывай, я не на службе. Ты просто нанимаешь специалиста и, как сам только что утверждал, высокого класса! Решай!

– Но твой сын... – попробовал заикнуться «полковник-подполковник».

– Ты не путай божий дар с яичницей! – оборвал его Миронов. – Я Кирюху в любой момент могу из

вашей организации выдернуть и у себя пристроить. Будет в конторе служить, в тишине и покое, разъезжать на красивой машине и получать не меньше, чем у вас. Но безо всякого риска для жизни. Усвоил? Так что сына моего сюда не приплетай!

Старовойтов даже несколько осунулся лицом, попробовал торговаться, но Евгений стоял на своем, и Иван наконец выдал:

– Я не могу единолично решать такие вопросы. Надо с Москвой посоветоваться...

– Отлично, советуйся. А тем временем и Леня подъедет, как я понимаю. Он тебе доходчиво сможет объяснить, стою я таких денег или нет? Еще вина хочешь?

Но в этот раз «покупатель» отказался, взял у Миронова номер мобильного, сказал, что с ним свяжутся и достаточно вежливо попрощался. Ушел он, надо думать в больших сомнениях. Евгений был уверен, что предложение его примут. Деваться им некуда. Тем более, что Леня к операции подключился.

Деньги, если честно, ему нужны не были. Конечно, их никогда много не бывает. Но ведь он и не бедствовал. А наказать свою бывшую контору ему очень хотелось. Заслужили, гады. Вот пускай теперь покопаются в своих закромах. Ничего, от них не убудет. Если история с золотом окажется правдой, и его удастся найти и вывезти, то сотня тысяч «бакинских рублей» родное государство не разорят. Оно и так должно ему столько, что подсчитывать устанешь.

Тут он внезапно вспомнил, что Старовойтов, пораженный запрошенной суммой, даже не удосужился рассказать о сути операции. Впрочем, это не имело значения. Наверняка прозвучала бы все та же сказочка о кладе, скрытом где-то в окрестностях

Барселоны. Реальный же смысл затевающихся тут дел еще предстояло узнать. И Шишов должен будет все рассказать. Нрав своего бывшего командира он знает очень хорошо.

Воспоминание об изменившемся лице Ивана развеселило Евгения. Таким, улыбающимся, и стала его Наташка, вернувшаяся из похода по магазинам. В руках она несла только два маленьких ярких пакетика.

– Чего это ты тут веселишься? – с подозрением сказала жена. – А приятель твой уже ушел? Или за чем-нибудь покрепче побежал? Знаю я вас, старых вояк!

– Ушел, ушел! – сквозь смех выговорил Мионов. – Даже убежал! А ты чего с таким бедным уловом? Не подошли размеры?

– Нечего там брать! – отмахнулась Наташка. – Все то же, что и у нас. Вот только себе духи взяла, а тебе – туалетную воду. Надо ведь будет чем-нибудь купленным в Андорре похвастать?

– Ничего не поделаешь, мать, – глубокомысленно заявил Евгений. – Глобализация. Везде все одно и то же. Вина хочешь? Французского.

– Наливай, – кивнула жена.

В общем, микроскопическое государство Андорра, кроме встречи со Старовойтовым, их ничем не впечатлила. Живут себе люди без потрясений и переворотов – и хорошо. Пусть себе живут. Наверное, заслужили.

На поездку ушел целый день. Вечером, правда, супруга потащила Миронова на пляж, позагорать при закате. И, что удивительно, именно такой вот закатный загар очень хорошо схватился! Утром они с удивлением разглядывали свои лица в зеркале. У Евгения вообще кожа была чуть смугловатая, задубевшая в его давнишних южноамериканских коман-

дировках, да такой и оставшаяся. Здесь смуглости добавилось. Еще бы волосы черные, вихрастые – ну вылитый получился бы испанец. Или каталонец.

А Наташке средиземноморский загар очень шел. Она так и сказала, не скрывая удовольствия:

– Светка с Марго удавятся от зависти!

На этот день у них было запланировано посещение парка развлечений «ПортАventura». Как выяснилось, два слова писались слитно специально, поскольку были торговой маркой этого предприятия. Там несколько раз менялось название, парк раньше принадлежал американцам, но потом все как-то устаканилось, и теперь тысячи испанцев и иностранных туристов съезжались сюда, чтобы повизжать на американских горках и посмотреть разные шоу.

Миронов считал себя пока свободным от каких бы то ни было обязательств перед Старовойтовым и его командой, поэтому, хотя идея пустой траты времени на аттракционах ему не очень нравилась, все же согласился поехать.

Они какое-то время побродили по огромной территории, наполненной людьми, громыхающими железяками, кривляющимися актерами в идиотских костюмах, прокатились на почти настоящем (а может, действительно, настоящем?) поезде, и Наташка уговорила-таки мужа попробовать «Шамбалу».

Чем эта поездка закончилась, нам уже известно. Снайпер, скрывавшийся где-то в кустах, попытался устроить им несчастный случай, и не получилось это у него только потому, что Миронов вовремя заметил пробитое пулей отверстие в страховочном рычаге жены и смог удержать ее в кресле своим телом. И ведь что интересно! Не в рычаг самого Евгения он стрелял, а в Наташкин! Почему? Надеялся,

что после ее гибели он плюнет на все и уедет домой? К чему огород городить?

Может быть, так оно и могло случиться, Миرون не ответил бы сейчас на этот вопрос. Ведь здесь оставался еще Кирилл, который совершенно легко мог попасть на мушку того же снайпера...

Действительно, как-то уж очень круто все вернулось. В такой тихой и патриархальной стране... Нет, надо оставаться и разбираться с этими стрелками по полной программе.

Но вставал все тот же вечный в таких ситуациях вопрос: что делать с женой? Из Германии ее удалось удачно отправить с приятелями в Италию, в Абхазии – спрятать на военной базе. А как быть тут? Мало того, что она не отдохнет, как следует, так еще и заупрямится, когда узнает, что ее мужу (а главное – сыну!) угрожает опасность. Ни за что не захочет уехать.

Поэтому Евгений не решился ничего ей рассказывать, решил подождать приезда Лени Шишова и свалить на него эту невыполнимую миссию. Леня умеет, у него убедительнее получится!

Как ни странно, но, с кряхтением раздевшись в номере отеля, он почти не обнаружил на своем теле синяков. Ну, не стучался ни обо что. Но зато внутри все болела и тряслась каждая жилка. Он старался не давать волю воображению, но на миг представил, во что могла превратиться Наташка, вылетев на такой скорости с такой высоты из кресла, и его затрясло еще больше.

Жена о произошедшем с ними не заговаривала, только посмотрела внимательно, куда-то ушла на полчаса и вернулась с пакетом, в котором обнаружили: большая бутылка виски незнакомой марки (но, несомненно – шотландского производства), несколько вакуумных упаковок местного знамени-

того хамона (кстати, у нас любят называть это изделие испанских мясников именно хамоном, а не просто ветчиной, каковой оно по сути и является), какие-то фрукты, хлеб и пара пластиковых фляг минеральной воды.

– Я так понимаю, – сказала она, выкладывая покупки на стол, – что обедать ты сегодня никуда не пойдешь? Да и страшновато тебя в таком виде на люди выпускать. Так что будем питаться здесь, по-походному. Можно, конечно, из ресторана что-нибудь заказать, но я не знаю, как это тут делается.

Миронов знал, но ему не хотелось сейчас напрягаться. Наташка хорошо придумала. Особенно насчет виски. Он попробовал, плеснув на дно стакана, ему понравилось и он набулькал половину. Да, тряслись ручки, не скроешь. И то сказать, какое напряжение им пришлось выдержать!

Вот так остаток дня и прошел: в выпивании и закусывании. Он сидел на балконе, задрав ноги на столик и озирая окрестности. Солнце заходило с обратной стороны здания отеля, жалко, время загара пропадало. Изредка среди деревьев почти бесшумно проносились скоростные поезда на Барселону и обратно. Пели птицы, и все было хорошо. Он подумал, что сейчас является хорошей мишенью для снайпера, но потом мысленно махнул на такое предположение рукой. Раз в порту этом гадском не убили, то и здесь так, напрямую, стрелять не будут. А почему, все же, целились в Наташкин рычаг, а не в его? Вот еще загадочка! Но жену надо отправлять в Россию как можно быстрее. Не получилось у стрелка в этот раз, может получится в следующий.

Вечером валялись на постели, смотрели телевизор, так и заснули, обнявшись и не выключив его. Ночью, поднявшись в туалет, Евгений щелкнул пультом, потушив экран.

Стой у окна, оглядывая
 окрестность.
 Ну что же там?
 Порхающих снежинок
 легковесность,
 Поспешность покидающих
 подъезды
 Людей.
 Среда.

Посередине жизни, в сердце
 марта
 Так мало надо: только бы звуча
 Светло и чисто, как давно
 когда-то,
 Волненье приснопамятно
 и свято
 Влекло вперед – в деньке
 голубоватом
 Пожить – врасплох весной
 и солнцем взятым,
 Здесь и сейчас.

Да. Это ты – окно на чердаке,
 Таящее загадки на замке.
 А я жила лет сто под этой
 крышей,
 Вот в этом доме. Комната моя
 Была тиха. О чердаке
 забывшей –
 Оглохшей, онемелой,
 нелюбившей –
 Спала в ней я.

**ЕЛЕНА
 ГОНЧАРОВА**

Поэзия

И вдруг – будя забытое давно –
Где там она, трепещущая юность,
Напору ветра поддалось окно
И – распахнулось!

Разбитых стекол россыпь, рамы треск
Вспороли толщу сна,
и явь ввалилась
Горящим солнцем в комнату мою.

Ты чувствуешь: встаю, лечу, пою,
Люблю, живу, да так, что и не снилось!

...Как солнца луч скользит по острию
Стеклянного осколка, озаряя
Лицо мое, так смотришь на меня.

Что с нами будет дальше, я не знаю.
Но мир открыт: колокола звонят,
И птичьи стаи в небеса взмывают...

* * *

Всматриваюсь в лицо свое
В зеркале затуманенном
И нахожу отцовское
В бабушкином и мамином.
Губы сомкнулись горестно? –
Горю я не попутчица.
Если живешь с достоинством,
Все от души получится!

Лет ледяная лесенка –
Скользкая да звенящая:
Ввысь забираюсь весело,
В лучшее-настоящее.
Жизнь, как окно, распахнута –
Пой, на судьбу не жалуйся.

Что там для счастья надо-то?
Вот она я, пожалуйста!..

* * *

Вот это жизнь: капли, трели,
Распах оконцев слюдяных...
И ты стоишь, глазам не веря,
И распростертый лист апреля –
Сорочий, галочий, свирельный –
В руках твоих!

Не думаешь, что будет лето,
Не думаешь: прошла зима –
В потоке воздуха и света
Иди, в мечты и сны одетый,
А отдаленные предметы –
Деревья, улицы, дома,
Столбы, витрины, остановки –
Пуускай займутся маршировкой.

Пусть станет все подвластно ритму
Единому. Неугомонный
Ты будешь рваться, грезить, гибнуть
И сердцу не найдешь спасенья!..
Со стороны посмотрят – кто он? –
Прохожий.

Мне же – по-иному:
Любимый, вышедший из дома
В денек весенний.

* * *

От пустоты безжалостной,
Жалящей
Обереги, пожалуйста,
Дай еще

Дружеской чистой радости
Помощи –
Верой в нее спасалась бы,
Горечи
Не замечая исподволь,
Будто нет.

В силе молитвы истовой –
Вышний свет.

* * *

От этой минуты
До той, что за ней –
Вечность.
Дышу ли?
Дрожу ли над жизнью моей?
Встречу
Зову ли?
Могу ли о том рассказать,
Кто я?..
Как хочется руки к тебе развязать,
Вволю,
Во всю запрещенную гиблую ширь –
Вот я! –
К тебе дотянуться,
Чтоб стал этот мир
Полею
С пригретой землей
Под босою стопой:
Чувствуй.
От этой минуты
К несбывшейся той –
Устьем
Ручной ручьевого камышовой реки
В иле.
А помнишь, навеки мы были близки.
Были?

* * *

Полжизни – где? Не объяснимо,
Не рассказуемо.
Но самый яркий фотоснимок
Нас не связует так,
Как то, что глубоко таилось,
Затерлось давностью,
И вдруг в момент одушевилось –
Улыбкой, радостью,
Сладчайшим привкусом признанья,
Уколом ревности.
Тогда и нынче – навсегда мне
Ты дан. И нежностью
Останешься своей навеки
Со мною, милый,
Чтоб губы-русла, руки-реки,
Чтоб счастье плыло
Упрямым челночком далече
От повседневности.

Там, в теплоте заветной встречи,
Нас нет – в отдельности.

* * *

Боже, хвала тебе,
Ибо живу.
Вдаль по реке-судьбе
Щепкой плыву.

Недостает огня
Вдоль берегов.
Чтоб подсушить меня –
Вспыхни, любовь.

Весело, на раз-два:
Век тороплив...
Поберегу слова
Струй для молитв.

Не поспеваешь за
Всплесками грёз?
Хочешь, закрой глаза,
Сбудусь всерьёз.

* * *

Если обуза жизнь,
Сердцу в ней некуда деться.
Тихая музыка
Льется из поднебесья.

Слушай негромкую
Чуткой душой крылатою.
Беды – сторонкою,
Ты же добром богатая.

Дали бескрайние
Солнце пригреет бережно.
Вечное, тайное –
Всюду, чему поверишь ты.

Листьями, ливнями,
Предгрозовыми тучами
Сбудься, счастливая,
Любящая, поющая!

Пасхальное

Пускай распустится сирень,
Зальется птаха.
И тополь кинет на плетень
Сушить рубаху.

На ветках будут воробьи
С утра чирикать.
И будет голубь для любви
Голубку кликать.

И будет солнышко играть
На небе синем.
И хлынет Божья благодать
На всю Россию.

Опалённый грозою,
Вечер лег в лебеду.
Я иду за тобою
И безумия жду.

Чем себя оправдаю? –
Ноги сами ведут.
Белокрылую стаю
Ветры к берегу жмут.

Все когда-то уж было
И, казалось, прошло.
Только вновь опалило,
Да сильнее еще.

До безумства, до боли,
До пожара в душе...
Помню тихое поле,
Помню рай в шалаше.

**ВАЛЕНТИНА
НАРЫЖНАЯ**

Поэзия

Затомилась осень в небесах,
И заметно розы потускнели.
Но как прежде на твоих руках
Я качаюсь словно в колыбели.

Там вдали, за лысою горой,
Журавли поспешно пролетели.
За твоей широкою спиной
Я иду сквозь бури и метели.

Первым льдом прихвачена река,
И мосток шатает под ветрами.
Но в твоей руке – моя рука,
И мечта уже не за горами.

Затомилась осень в небесах
И зима на голову свалилась.
И снежинка на твоих висках
Рано почему-то появилась.

Не спеша я иду на погост,
Слышу голос приветливый мамы.
Прошагала немало я верст –
Вот межа леденеющей грани.

И слезой запасенная впрок, –
Стихотворец по милости Божьей,
Совершаю последний рывок
Меж возможным и не возможным.

У погоста бессмертника куст:
Обними меня, мама, за плечи.

Без тебя мир печален и пуст,
Посижу тут с тобой –
Станет легче...

Холодок над безбрежностью дня.
Размышляю над вечною тайной.
И куда-то уносят меня
Грезы осени, ветер печальный.

* * *

Снова горы и кручи
По дорогам моим.
И тяжелые тучи
По равнинам степным.

Глянет луч виновато
Средь заброшенных мест.
Только белая хата –
Мой спасительный крест.

Там скрипит половица,
Жизнь идет не спеша.
И Христу помолиться
Призывает душа.

Над лампадкой старинной
Образ – светел и чист.
И ветрами гонимый,
Стих ложится на лист.

* * *

Догорит над землею закат,
Рос вечерних затеплятся очи.

Я однажды проснусь среди ночи –
На душе – ни тревог, ни утрат.

И в лугах, где поют ковыли,
Где ходил богатырь наш Добрыня.
Поклонившись Христу до земли,
Стану песни слагать да былины.

На пригорке засветится Храм –
Стержень Вечности Духа святого.
Вознесется душа к небесам,
Божьей истиной молвится Слово.

Милая Россия

Порывы юности мятежной
Ведут нас часто напролом.
Но честь и Родина, как прежде,
Владеют сердцем и умом.

И, набирая в жизни силы,
Я ликовал на взлёте дней, –
Россия, милая Россия,
Ты всех дороже и родней!

Немало стран на белом свете,
Где жизнь богаче и вольней.
Но только здесь мне на рассвете
Поёт с любовью соловей.

И, вёрсты трудные осилив,
Я говорю в расцвете дней:
Россия, милая Россия,
Ты всех дороже и родней!

Когда ж померкнет свет закатов
И смолкнут хоры птичьих стай,
Мне память песнею крылатой
Вновь озарит родимый край.

Но и тогда, теряя силы,
Я прошепчу на склоне дней: –
Россия, милая Россия,
Ты всех дороже и родней.

**АЛЕКСАНДР
КУПРИН**

Поэзия

Девушки в форме военной

Девушки в форме военной,
Как же вы были стройны!
Пламя мечты сокровенной
Наши тревожило сны.

Гордо армейскую службу
Вместе вы с нами несли.
Верили в крепкую дружбу,
В хрупкое счастье земли.

Годы мы те не забыли.
В вихре неласковых дней
Если вы рядышком были, –
Мы становились сильнеей.

Дружбе большой, откровенной
Мы и поныне верны.
Девушки в форме военной,
Как жы вы были стройны!

Пятигорск – целитель мой

Наши годы лихо мчатся,
Оставляя зримый след.
Город мой, хочу признаться,
Что тебя роднее нет.

В ожерелье гор Кавказских,
Вскинув Вышку в облака,
Манишь ты курортной сказкой
У подножий Машука.

Сколько света и простора!
Под счастливою звездой
Ты обрёл себя, мой город,
Заодно и я с тобой!

Облик твой сияет новью
И чарует красотой.
Ты заботой и любовью
Окрыляешь, город мой.

Вот Эол ударил в струны.
Пятигорск – целитель мой!
Ты не древний и не юный,
Ты на зависть молодой.

Купола

Словно руки воздеты к чертогу –
Купола, купола на Руси.
Это мы устремляемся к Богу –
Защити нас, Господь, и спаси.

Греховодно житейское море.
Слабо верим святым чудесам.
Но в печалях своих или в горе
Обращаемся мы к небесам.

И в смирении просим прощенья
За дурные поступки свои.
Отпусти нам, Господь, прегрешенья:
Мы – заблудшие дети твои.

Тянем руки к святому чертогу,
К куполам златоглавой Руси.
Это мы возвращаемся к Богу –
Ты помилуй, Господь, и спаси.

Яблочное детство

Друзья мои, воды немало
В той речке детства утекло.
А мне, как прежде здесь бывало,
Под крышей общему тепло.

Всё так же сад раскинул руки,
И след мальчишек от него,
И те ж чарующие звуки
На тропках детства моего.

И никуда уже не деться –
Я этой памятью живу.
И наше яблочное детство
Ко мне приходит наяву.

Оно приходит звонким смехом
Моих взрослеющих детей
И отдается чудным эхом
В душе восторженной моей.

Не отвергай!

Не отвергай обычай старый –
Дай руку мне поцеловать.
Струна заброшенной гитары
Сумеет снова зазвучать.

И звуком давним сердце тронет,
В душе былое всколыхнёт.
Как солнца луч сквозь тьму уронит
И крылья счастья распахнёт.

И всё как будто бы впервые:
И жажда встреч, и трепет уст,

И эти ночи вихревые
Таких знакомых нежных чувств.

Не отвергай обычай старый –
Дай руку мне поцеловать.
Струна заброшенной гитары
Звенит,
Чтоб снова замолчать.

Когда вам стукнет шестьдесят!

Как будто с плеч свалилось бремя –
И вновь глаза огнём горят.
Ах, удивительное время,
Когда вам стукнет шестьдесят!

И нипочём теперь стремнины
В крутом житейском вираже,
И покорённые вершины
Не так нас радуют уже.

Но в мире есть одна вершина,
Что выше славы, орденов.
Она влечёт неумолимо
И называется – Любовь.

Станица

*Жителям
станции Старопапловской*

Когда судьбы моей страницы
Листает память день за днём,
Я вижу улицы станицы
И наш уютный Отчий дом.

Вокруг меня родные лица.
И с детства памятный напев.
Встречай, встречай меня, станица,
К тебе я сердцем прикипел.

Вдали нередко я вздыхаю
О дружбе нежной и большой.
И только здесь я отдыхаю
Своей тоскующей душой.

Здесь ярче звёзды в поднебесье.
Здесь вновь я счастье познаю.
И обжигает сердце песня
Про жизнь и молодость мою.

Не надо золота и славы,
По жизни вечных козырей.
Но дай пожить, о Боже правый,
Хотя бы день среди друзей.

И вот они – родные лица
И с детства памятный напев.
Встречай, встречай меня, станица,
К тебе я сердцем прикипел.

Дамхур и Мамхур

(Вторая часть романа
"Золотой крест")

«Не познав худшего, не оценишь лучшее», – гласит поговорка. Но не стоит истолковывать ее буквально. Человек борется с сегодняшними трудностями не для того, чтобы завтра жизнь стала хуже. Зло приходит по велению судьбы.

Абазины свою религию, доставшуюся от предков, считали суровой. Боги, к которым они так усердно взывали, не всегда являли милость. Помогали они чаще тем, кто был сильным. Но и при этом народ понимал, что его религия значительно лучше, чем та, которую греки привезли из-за моря, навязали и заставили терпеть. Поэтому Джандра и хотел положить конец чужеземщине, призывая народ молиться своим богам. Прошли века, а народ не забывает его мужество и преданность, считая князя божьим посланцем. Кузня в его честь особо почитается священным местом, где принимаются важные решения.

**КАЛИ
ДЖЕГУТАНОВ**

***Братство
кавказских
литератур***

Под защитой сильной державы абазги прошли длинный путь, приросли людьми и землями. Постепенно наименование «абазги» стало вытесняться самоназванием «абаза». Не ведавший войн и притеснений на протяжении долгого времени народ окреп, уверился в свою силу, и это окрылило его, позволило создать собственное государство. Но со временем воодушевление сменилось самодовольством, оно в свою очередь – самонадеянностью, что в конце концов привело к распаду единой страны на мелкие княжества. Так абазины от могущества снова пришли к упадку. И, видя распри князей между собой, соседние правители стали зариться на их земли.

Турки, победившие греков, переплыли море и высадились на побережье. Они покорили крымских татар и, захватывая одно княжество за другим, пленя народ за народом, продвинулись на восток до самого Понта. Османы нигде не встречали серьезного сопротивления, проливая реки крови и обращая народы в мусульманство.

В те времена абазины имели несколько княжеств, главными среди которых выступали Джандрапц и Чаграпц. Каждое из них состояло из двух – трех аулов. Помимо них, им принадлежали многие прибрежные порты-крепости, некогда построенные греками: Абаза, Арт, Ашагал, Хакока, Падзнай, Бзыбь и другие. В них размещались многоэтажные дома и церкви, построенные умелыми руками греческих зодчих и рабов. И именно церкви турки ненавидели больше всего, видя в них опору христианства, почему и разрушали их безжалостно, равняя с землей, а слугителей-христиан сжигали заживо!

Абазины вначале принимали христианство с боем, но последующие поколения постепенно приобщились к нему. Теперь они брали от греков самое лучшее и полезное, прокладывая себе дорогу к луч-

шей жизни в будущем. Однако религию предков народ не забывал, сокровенно храня ее в сердцах.

Вместе с турецким войском шла в княжества и новая, еще более суровая и непонятная религия – мусульманская. И хотя жители никогда еще не были под этой религией и имели о ней смутное представление, ислам пугал их, они предчувствовали, что это самое страшное из всего, с чем когда-либо сталкивались. Впрочем, арабы ранее уже пытались насаждать ее. Но абхазы и абазины, народы одного корня, выгнали со своей земли ненавистных проповедников. Если бы мусульманство было таким привлекательным, как хвалили арабы, то его не принесли бы на кончике пик, как флаг, закрепляющий их выгоду. Народ волновался, высказывал разные предположения, но, уклоняясь от решительного действия, вверял свою судьбу правителям да божьему промыслу.

Турки искали своих единомышленников, действуя везде по одной и той же схеме. Сначала они приобщали к исламу по-хорошему, мирно, не скупясь на красивые слова и обещания. Если это не действовало, применяли силу и невиданную жестокость. Зная, что арабская вера несет горести и беды, абхазы и абазины хотели объединиться и противостоять вторжению завоевателей общими силами, но мешали давние обиды и раздоры, а некоторые князья предпочитали выжидать: одни избегали откровенных стычек, а другие пытались заблаговременно установить с турками добрые отношения.

«Черная зараза», как тогда именовали ислам абхазы и абазины, первой проникла в княжество Уардан. Его владетель Хамсад с самого начала искал пути сближения с турками. Он охотно приютил мусульманских проповедников и, как потребовали непрощенные гости, приставил к ним надежную охрану и переводчиков. Он и сам регулярно слушал

наставление мулл и приобщал к исламу своих приближенных, которые, в свою очередь, разъезжались по соседним княжествам и убеждали слушателей в достоинствах арабской веры. Многих князей низкопоклонство Хамсада приводило в бешенство, но напасть на турецкого холюя никто не решался, зная, что османы не оставят его в беде.

Три соседних княжества: Хакарапщ, Джандрапщ и Гуандрапщ были готовы к сопротивлению иноземцам. Их владельцы являлись потомками Абазга Абсида, который благодаря дружбе с православными сделал свое княжество могучим и процветающим. Надо сказать, что многими корнями эти князья также были связаны с греками. Большой золотой крест, который Абсиду некогда подарил царь Юстиниан, они по старшинству передавали друг другу. Сейчас крест, как дорогую реликвию, носил Дадал, владелец княжества Хакарапщ.

Еще один князь готовился к сопротивлению – Лоу Абазг. Семена, упавшие в землю, дают ростки, а те в свою очередь – плоды. Так возникло и княжество Лоу, далекое ответвление рода Джандры. В тот день, когда князь сражался против греков в крепости и нависла реальная угроза поражения, он дал команду вывести через потайной ход стариков, женщин и детей. Среди них был и его малолетний сын Абазат, от которого и пошел род Лоу.

Все четверо абазинских князей ненавидели религию, которую им хотели навязать турки. Только общая борьба могла стереть все прежние обиды и вражду между ними.

2

Правитель княжества Уардан, неугомонный Хамсад, обладал тяжелым характером. О жадности

и ненасытности его ходили легенды, и за глаза называли его «Скотомордый». Он знал об этом, но несколько не обижался.

Порт, доставшийся Хамсаду от предков, был известен в соседних странах тем, что вблизи него проводились ярмарки, на которых можно было приобрести всё, что угодно. И ни одна из них не обходилась без присутствия алчного правителя. Он кружился в гуще торгующих, расспрашивал, откуда они, что продают и по какой цене. Повсюду совал свой нос и замечал каждую мелочь. Надо отметить, что князь обладал исключительной памятью и запоминал буквально всех, с кем общался.

Еще нетерпимей относился он к своим приближенным, которых воспитал подобно себе: прижизненными и недобрыми. Шпиона за ними, он часто повторял: «Если поднимаешь щепку, помни, что отпала она не от твоего бревна!»

Вполне осознавая изъяны Хамсада, князь Лоу, тем не менее, настроен был к нему доброжелательно, принимал у себя и не скупился на похвалы. Если бы он решил выстраивать отношения, исходя из соображений морали, не с кем было бы общаться – все таковы: кто в большей, кто в меньшей степени.

Вот взять хотя бы Трамов. Знатный, сильный дворянский род! А посули им полмира – не обрадуются, мало покажется. И это при том, что их собственное состояние превосходило лоовское и не умещалось в Мзыште. И то, что водилось в лесу, – принадлежало им, и то, что плавало в реке, – принадлежало им, и то, что приносил ветер, – доставалось им. А им все было мало! Зарились на близлежащие княжества, и нередко соседние табуны и отары оказывались их собственностью. Но при этом Трамов от Хамсада выгодно отличало одно качество – несомненное мужество!

У абазин слово «мужество» включает в себе многие понятия: силу, стойкость, благородство, смелость и храбрость, ум, несокрушимую волю. Но прежде всего, человек, обладающий мужеством, должен иметь крепкое и доброе сердце, которое не обманет и не подведет. Трамы верно оценивали людей, они способны были лишиться богатства, но не чести и совести. И Лоу, зная это, никогда не становился на их пути. В последние годы, занявшись коневодством, Трамы упрочили свое положение. Лошадей трамвской породы покупали не только кавказцы, но и заморские купцы. Торговали они много и чрезвычайно выгодно, nelaды случались лишь при сделках с Хамсадом, который, не желая упускать своей выгоды, выворачивался на испод. Но и те были не лыком шиты: азартно отстаивали свои интересы. Никто не хотел уступать, доходило до распрей! Разгоряченные спором, забывали о предмете торговли, переходили на ор и крики, взаимные упреки, но, в конце концов, все-таки сходились в цене, потому что, как ни крути, одним нужно было сбыть товар, а другому – приобрести его.

Так они и жили до поры до времени: не друзья и не противники, связанные лишь товарно-денежными отношениями. И, когда у Хамсада родилась дочь, он пригласил князя Лоу и Трама Царгича. На званых гостей, по традиции, возлагалось не только подношение богатых подарков, но и исполнение особой почести: дать девочке имя. Лоу и Трам поневоле стали соперниками. С одной стороны, благородный и щедрый до расточительства правитель княжества, потомок Джандры, с другой – скупец Царгич. Вышло по народной поговорке: один тянется к чести, второй – к курдюку.

В назначенный день знатные люди прибыли к Хамсаду с подарками. До начала пиршества их прове-

ли в комнату, где находилась жена хозяина и крошка-княжна. Если бы родился мальчик, его бы непременно вынесли и показали мужчинам, а к родившейся девочке должны были входить сами приглашенные: дочь князя выше самого князя! Таков обычай.

– Пусть день ее рождения станет самым лучшим для княжества и всех нас! – взяв в руку кубок с вином, торжественно произнес князь Лоу. – С этого часа она – моя названная дочь, и я нарекаю ее Мамхур. Еще ни одна живая душа не носила такого имени, оно родилось вместе с ней. И да благословит имя и судьбу новорожденной богиня красоты Гунда!

Лоу поклонился малютке и выпил кубок до дна. Вместе с ним осушили бокалы и все остальные. После этого слуги внесли подарок – красиво отделанный сундук и поставили у колыбели.

– Здесь всё лучшее, что мы с Траммом на сегодня имеем. Но если бы обладали еще чем-то более дорогим, то и этого было бы недостаточно для нашей маленькой княжны.

– Уважаемый князь Лоу и дворянин Царгич! – обратился к гостям первый советник хозяина. – Вы оказали нам великую честь, но из-за своей скромности умолчали о других подарках: двадцати рабах, двадцати прекрасных лошадях и множестве скота. Мой великодушный хозяин очень признателен. Да благословит вас бог!

Пир наполнил души всех гуляющих радостью. Приняв щедрые подарки, хозяин развеселился и развязал язык. Но вот в застолье смолкли голоса. И опять слова попросил князь Лоу.

– Многоуважаемый Хамсад! Пусть счастье твое станет бескрайним! Ты радушно принял нас, соблюдая все правила и обычаи, как подобает отцу и достойному хозяину. Надеюсь, наши встречи будут чаще. Мы проложили сегодня тропу добра.

Хамсад улыбнулся и преклонил голову в знак согласия.

– Абазины говорят, что между девушкой и жарптицей нет никакой разницы. Когда у них вырастут крылья, неизвестно, куда они полетят. Поэтому наши предки установили мудрый, на мой взгляд, обычай, который и нам надлежит соблюдать. Это – сватовство, чтобы каждый отец знал заранее судьбу дочери.

– За кого же ты собираешься сватать мою дочку, дорогой князь? – полушутливым голосом осведомился Хамсад. – Насколько мне известно, у тебя нет ни сына такого возраста, ни внука.

– Для своей названной дочери я буду, разумеется, искать самую достойную пару, – в тон хозяину ответил Лоу. – Когда я собирался сюда, я еще дома подумал о будущей судьбе маленькой Мамхур. Подумал очень серьезно. И решил, что это будет обоюдным счастьем. Я хочу сосватать ее за сына Трама, с кем я связан узами дружбы и братства. Его, большого дворянина, вы отлично знаете. Он никому не уступает ни в силе, ни в уме, ни в богатстве. И буду рад, если он разделит со всеми нами общую радость.

У Хамсада от волнения запрыгало сердце. Он представил, каким богатством может завладеть, приняв предложение. И в то же время высокомерная мысль закралась в голову, что он княжеского рода, а Трам – всего лишь дворянин.

– Трам Царгич заслуживает большего, – сделав паузу, рассудил он наконец. – Почему же он сам не говорит об этом, если имеет такое намерение?

Трам терпеливо молчал, хотя о его красноречии известно было всем. Он сопровождал своего князя, главного гостя, и перебивать его считал недопустимым. Помимо того, Лоу повел дело лучше,

чем удалось бы ему самому. Тем более, что имя его младшему сыну Дамхуру также дал князь. Поймав поощрительный взгляд Лоу, отец подрастающего жениха сказал твердо:

– Сочту за великую честь, если доблестный князь Хамсад изъявит желание породниться со мной.

– Так и принято сватать! – подхватил Лоу. – Слово за слово, а там, глядишь, и договоритесь. Время еще есть. Но я уверен, что во всех отношениях получится великолепная пара.

Разговор о будущем сватовстве продолжился за столом. Долго спорили о калыме. Когда же через несколько дней Трам, как условились, пригнал скот во двор Хамсада и не поскупился на другие подношения, князь дал свое согласие.

Сватовство, благословленное князем Лоу, в дальнейшем сблизило детей. Еще мальчиком Дамхура посылали в гости к Хамсаду, а Мамхур – в дом Абазга Лоу, где они продолжали видеться, вместе проводить время, играть. Но, когда взрослые замечали, что они слишком привязываются друг к другу, их разъединяли. И потом, по мере того, как они входили в лета, встречи им устанавливались реже, а отводимое на них время – укорачивалось. Это порождало в молодых людях чувство неудовлетворенности, мечту о следующем свидании. Так исподволь возникало взаимное тяготение, пробуждалась влюбленность. Когда же в душах Дамхур и Мамхур буйным цветением раскрылась любовь, неожиданно встали между ними суровые обычаи, запрещающие выставлять наружу приязненные отношения, призывавшие к скромности и целомудренности. Не то, чтобы обсуждать с кем-либо, даже заикаться о душевных привязанностях считалось неприличным, какие-либо встречи в какой-либо форме – не-

возможными. Старшие сами рассудят и подскажут, когда настанет срок. А до той поры нужно держать чувства в узде, терпеливо и тактично ожидать свою участь.

Тем временем Дамхур возмужал, превратившись в широкоплечего статного молодого человека с узкой талией и легкой походкой. Он был со всеми учтив, особенно со старшими, – сказывалось воспитание. При этом говорил всегда доброжелательно, негромко, с чувством собственного достоинства. А о красоте Мамхур знали женихи семи долин и всего побережья. Девушка была скромна и приветлива, несмотря на знатное происхождение.

И вот до свадьбы остался всего месяц, но он оказался длиннее всех предыдущих лет! Дамхур, не задумываясь, выложил бы душу за то, чтобы сократить этот безжалостный срок хотя бы на день, но неумолимой стеной возносились обычаи, и будь ты прирожденным борцом с божьей отметиной, но одолеть их не удастся ни за что. Так же растянулась до бесконечности и подготовка Трампов! Пора уже отправлять калым во двор Хамсада, но Царгич почему-то тянет, ему тяжело растаться с таким богатством. А чего медлить?! Разве Мамхур не достойна этого? Да она стоит вдесятеро больше! Еще немного и Дамхур сам снесет все состояние Трампов к Уардану!..

В таких думах пребывал Дамхур все последнее время. И вот на пути к его счастью непреодолимой преградой встало еще одно препятствие: нашествие турков. Как только известие об этом достигло ушей Лоу, он тотчас отправился к Уардану, но воротился от него с той же быстротой, с какой и направился: ему не понравилось отношение соседнего князя к турецкому вторжению.

– Они сильнее нас, – заявил Хамсад. – Почему я должен противостоять им, теряя голову и богат-

ство? Разве по своей воле приняли мы греческую религию? Если турки не волки совсем, мы сумеем подладиться под них и спастись.

Лоу ничего не оставалось, как немедленно уехать. От окончательного разрыва с малодушным правителем его остановила лишь отцовская любовь к Мамхур и Дамхур. С великим трудом он сдержал порыв гнева, чтобы не навредить дорогим людям, любящим друг друга.

К свадьбе всё было готово. По обычаю, за неделю до нее молодые должны были встретиться. Дамхур точно на крыльях полетел к любимой! Но приезд его был омрачен невиданным доселе приемом: и слова, и рукопожатия отдавали ледяным холодом. Странно и отчужденно держался племянник Хамсада, бывший посредником в любовных делах княжны и ее избранника. Батым, прежде готовый сопровождать двоюродную сестру хоть на край света, отводил глаза и разговаривал неохотно. Даже в доме, куда пригласил он жениха со свитой, беседа не клеилась.

– Почему у вас, брат Батым, такое подавленное настроение? – напрямую спросил Дамхур, заподозрив неладное.

– Это похвально, уважаемый гость, что вы по-прежнему радуетесь жизни. А наши старшие говорят, что вскоре настигнет нас божье наказание, страшный суд. Предстоит большое кровопролитие, которое погубит весь народ...

– Ты говоришь о нашествии турок? Да, эта участь коснется каждого...

– Нет. Война – войной: в ней кому-то суждено погибнуть, кому-то уцелеть. Я же веду речь о страшной каре, ниспосланной свыше и касающейся всех.

– А откуда вы знаете, что снизойдет с небес? И за что вас подвергать столь безжалостному наказанию?

– Вот то-то и оно, – подхватил Батым с видимым желанием разъяснить всё гостям. – Ходят слухи, что с неба спустился малаик, священный ангел, и предупредил народ. Вы слышали что-нибудь об этом?

– Нет, – с недоумением ответил Дамхур. – А кто его видел?

– Видел посланника небес Чамаг Караш. И ангел наставил его, что нельзя говорить «боги», а следует произносить одно слово «Аллах». Кроме него, не существует больше никаких богов. Это он один сотворил всё вокруг. Наши судьбы в его власти, в его руках. Кто не присягнет ему, того ждет жуткая кара.

Все, кто находился в покоях, слушали Батыма с тревогой и интересом. Племянник князя каждое слово произносил с такой убежденностью и верой в свою правоту, будто небесный ангел говорил именно с ним, а не с Чамагом. Но после его слов долго никто не хотел нарушать тягостную тишину, размышляя: сбудется или нет это неведомое предсказание? Старший в свите жениха, рассудительный и смелый парень, без обиняков обратился к Батыму:

– О том, как воспринимать слова малаика, пусть думают владельцы. Цель нашего приезда тебе известна. Не так ли, Батым?

– Да, конечно, – печально опуская глаза и неопределенно пожимая плечами, отвечал племянник хозяина. Видно было, что ему тяжело говорить, но, преодолевая смущение, вздыхая глубоко, он продолжил: – В том-то и дело всё. Не знаю, как и сказать... Не вовремя это... Как-то неудачно совпало со светопреставлением...

– Если малаик спустился с небес, это же не значит, что жизнь останавливается, – решил перевести в шутку другой товарищ. – Мы приехали, чтобы поглядеть Мамхур...

– Знаю, – как бы беря себя в руки произнес Батым. – Потому и молчу, что невозможно это. Есть мнение перенести свадьбу на более поздний срок. Дядя сказал: пока не определится предначертанное свыше.

Слова эти ранили Дамхура с такой болью, что он вскочил на ноги. За его спиной, как почувствовал парень, творились черные дела. Пусть есть оправдание тому, что свадьбу нужно перенести. Но почему так холодно принимают будущего мужа княжны? И хотя по обычаю спросить об этом могли только друзья, он не сдержался:

– Мамхур знает, что мы здесь?

– Должна знать... Но утром ей нездоровилось, – поспешно пробормотал племянник владетеля.

– Уж не заболела ли она серьезно? – воскликнул Дамхур и, заметив ухмылку Батыма, повысил голос: – А, быть может, как и вы, испугалась небесной кары, напророченной ангелом?

– Не могу сказать...

– Тогда, уважаемый друг, разреши проведать больную! – вступил в разговор старший в свите жёна.

– Не подумайте, пожалуйста, что я не хочу оказать вам такую честь. Но на это, как вы знаете, нужно позволение хозяина дома, а его сейчас нет. Он в гостях у одного адыгского князя...

Проводив гостей, Батым повеселел. Он считал, что поступил с ними весьма ловко. Вроде бы оказал гостеприимство, проявил доброжелательность. Даже Дамхура убедил, что нужно подождать, коль отец невесты в отъезде. А на самом деле... Хитрец, довольный собой, чуть не приплясывал.

Пророчество ангела в княжестве Уардан, действительно, вызвало большой переполох. По всему выходило, что нужно отказываться от христиан-

ской религии, которую исповедовали на протяжении столетий одновременно с языческим многобожием. Хамсад без колебаний утвердился в этом мнении и велел подданным принять к исполнению волеизъявление посланника неба, чтобы уберечься от уготованной страшной участи. Боголюбивые османы помогут в этом, если держаться их стороны. Потому он и отправился к принявшему новую веру адыгскому князю, чтобы выяснить, что и как следует подготовить?

3

Князь Лоу, узнав, что свадьба, к устроению которой он приложил немало сил, может сорваться, расвирепел. И, собрав ближний круг, в котором был и Трам Царгич, немедленно отправился к вероломному соседу.

Не в урочный час прибыли они в княжество Уардан. Бросилось в глаза, что на куполах церквей отсутствовали кресты, а на площади из красноватых досок срочно возводилось непонятное здание наподобие шатра.

Гостей с почестями провели в приемную владельца. После поспешных рукопожатий Лоу сдержанно сказал:

– Извини, князь, что отрываю тебя от важных дел и забот. Пусть эта небольшая заминка окупится сторицей.

– Вы всегда желанны нам, – возразил с напускной улыбкой хозяин. – Вы – наши глаза и наша душа. Но, когда приходится решать два дела сразу, нужно начинать с главного. Это я и велел передать вашим парням, когда они приезжали недавно.

– Мы не из тех, кто может помешать в главном, – парировал Лоу. – Но я полагаю, что начинать

лучше с той проблемы, которая давно решена. Ты дал слово, поклялся и принял калым, и теперь остается только довести намеченную свадьбу до конца.

– Братья мои, случаются обстоятельства, которые вынуждают и счастливые дела откладывать на другой срок, – с грустной миной на лице проговорил Хамсад и поерзал в кресле.

– По нашим обычаям, ты это знаешь, князь, свадьбу откладывают лишь в том случае, если в один из домов заглянет смерть. Слава богу, ничего такого нет.

– Увы, дорогой князь. Ты прав, сначала провожают прочь смерть, а потом принимаются за веселье.

Лоу с недоумением помолчал.

– Если случилось горе, то извини меня. Нам ничего неизвестно.

– Случилось, случилось! – замотал головой помятый хозяин. – Даже страшней, чем можно себе представить. Что может быть хуже, чем погибнуть всем поголовно?

– Ты имеешь в виду близкую войну с турками? – перебил его Лоу. – Но и она не должна быть помехой для создания новой семьи и счастья молодых. Жизнь остановить невозможно.

– Если бы только война, – сокрушался Хамсад. – Даже если она минет абазин, ряды наши поредеют. Погибнут те, кто не покорится всемогущему Аллаху! Он всесилен.

Тут хозяин пустился в разглагольствование о Караше, о его встрече с ангелом Джабраилом. Кто же мог знать лучше о посланце Аллаха, как не Караш и сам Хамсад? Никто еще не ведал, что эту историю они тайком придумали вместе с турками, чтобы дурачить народ и убедить его в праведности арабской веры.

– Благонравный Караш каждое воскресенье ночует под тысячелетним дубом, священным местом для абазин, где принимаются клятвы, – убежденно и взволнованно рассказывал Хамсад, точно распахивая перед гостями душу. – Его не раз посещал бог Псатах и с вершины дуба делал наставления, которые старик открывал народу. И вот однажды ночью зашелестели листья дуба, хотя стояло безветрие, и он услышал внятный голос: «Слушай меня, не открывая глаз, иначе забудешь сказанное мною. Я – посланец Аллаха, малаик Джабраил. На меня возложено сообщить тебе, что ты со своими соплеменниками в безумном заблуждении. Вы ошибаетесь в том, что не принимаете веру Аллаха. За это вы понесете небывалую кару. Если ты и твой народ хотите избежать ее, то повторяй за мной: «Нет бога, кроме Аллаха. Он всемогущ, видит всё, может всё. Без Его ведома нет жизни, нет смерти. Заблудшим Он прощает грехи, берет в свое лоно. Да простит Он мне грехи, которые осознаю, веря Его слову. Да поможет мне Аллах!» Кто хочет избавиться от напасти, пусть повторяет эти слова за тобой. А теперь отойди на сто шагов от дерева, а затем оглянись». Караш повиновался. А когда повернулся к могучему дубу, то увидел над ним пламя, вскинувшееся до самого неба, и шагающего в его сторону огромного, седого, как лунь, ангела. Тут сознание его покинуло. Когда же открыл глаза, то оказалось, что лежит на своей домашней лежанке. От испытанного священного страха он затрясся и быстро забормотал, будто кто-то подсказывал, молитву малаика: «Нет бога, кроме Аллаха!» И так – до самого конца, не пропуская ни одного слова. Дом старика озарил с неба священный свет. Караш повелел всё так, как было, и народ поверил ему. И всем он показал обуглившийся дуб бога Псатаха! Вот о чем я хотел сообщить вам, мои дорогие...

Князь Лоу слушал внимательно, но усомнился в том, что дуб мог загореться в эту пору, когда мощный ствол и листья источали живительный сок. Во всем рассказанном чувствовалась надуманность и подвох.

– Пусть всё это будет правдой, – продолжил разговор Лоу. – Меняй веру, если решил. Но почему это должно сделать молодых несчастными?

– Прошу не торопить меня, – упрямо противоречил хозяин. – Посмотрим, что ожидает нас в будущем.

– Мы были абазинами, ими и останемся и сохраним свою религию, – сурово промолвил Лоу. – Чужая нам не нужна!

– Как говорится, у нас душа горит, а у тебя – полы черкески, – ухмыльнулся Хамсад. – Ты не хочешь замечать того, что происходит.

– Народ рассудит, кто из нас лучше понимает. Но если ты ненароком окажешься заодно с турками, то, прошу, лучше со мной не встречаться! Я вижу, что ты уже кое-что предпринимашь.

Хамсад, на удивление, оставался спокойным.

– Я повторю то же, что в прошлый твой приезд. В кровопролитие ввязываться не стану. А в остальном я волен поступать так, как считаю нужным.

– Всё и так ясно. Отдашь ли ты дочь замуж за Дамхура, как клятвенно обещал?

– Если у нас будет разная религия, то... – голос хозяина дрогнул. – То искать счастье ей придется в другом месте...

Молчавший до этого Трам Царгич решительно вступил в разговор:

– Свадьбе, как я понял, не бывать. Но я ни разу не слышал, чтобы над женихом брала верх невеста. На это я никогда не соглашусь. Пусть твоя прекрас-

ная дочь будет счастлива, как ты сказал, в другом месте. Камень с водой не свяжешь...

– Вот я и прошу не спешить со свадьбой, – повторил, теряя самообладание Хамсад. – А за калым не беспокойся, он никуда не денется.

– И я прошу: не иди против счастья двух любящих сердец! – резко произнес Лоу. – Не делай из нас посмешище перед людьми. Мы не дети, которые не могут поделить после игры свои альчики. Я всё сказал!

– Если вы отказываетесь повременить со свадьбой, то и мне говорить больше не о чем, – нахмурился Хамсад, уязвленный мыслью, что придется расстаться с калымом.

– Разговор не имеет смысла, уважаемый Лоу, – обратился к своему князю его верный дворянин, больше радуясь, чем огорчаясь, тому, что не станет родственником алчного человека. – Надеюсь, Хамсад, на твою честь. Когда приедут наши люди, пусть им вернут калым полностью, чтобы не было никаких недоразумений.

– Царгич прав. Не должно быть никакого спора, – требовательно заключил князь Лоу.

Вот так негаданно оборвалась тропинка счастья Дамхура. Узнав, что отец подбирает людей, которым будет поручено забрать калым, он стал неузнаваем и дал волю суровому нраву.

– Не посылай за калымом! – твердо сказал он. – Если пошлешь – перебью всех!

Трам, пораженный такой бесцеремонностью отпрыска, сдернул висевший на ковре пистолет и взвел курок:

– Если я не смог тебя воспитать, как следует, то не потерплю позора!

Дамхур спокойно смотрел на дуло пистолета, направленное на него, точно с облегчением ожидая

выстрела. В этот миг с криком влетела в комнату мать и обняла сына, заслоня собой. Царгич, понемногу остывая, опустил оружие. Не появившись жена, неизвестно, чем бы все кончилось...

Дамхур выскочил из дома и, заседлав коня, погнал его к усадьбе Лоу. Тот очень обрадовался и пригласил любимца в свою половину. По облику, по тоскующим глазам, по затянувшемуся его молчанию князь уловил состояние парня.

– Не падай духом, дорогой Дамхур, – с особой теплотой и радушием в голосе сказал князь. – Прогоним османов, и всё будет так, как ты пожелаешь. А пока обучай, как можно лучше, свою сотню всадников, чтобы достойно встретить врага.

Парень кивнул и тяжело перевел дыхание.

– Что тебя мучает? Не скрывай от меня ничего, сынок, – потребовал хозяин, пристально глядя в глаза парня. – Тебе, наверное, не по душе, что князь Урдан вернет твоему отцу калым?

– Да!

– Но это не главное. Калым можно заплатить и второй раз. Дело в другом. Я не стану ничего скрывать от тебя! Ты, вероятно, догадываешься, кто всему виной. Да, князь Хамсад взял сторону врага. К тому же, ты слышал, что с неба, дескать, спуускался посланец Аллаха?

– Приходилось.

– Он решил приобщиться к исламу и велел своим подданным также принять его. А эта религия не позволяет соединить судьбу девушки с иноверцем. Чтобы Мамхур стала твоей женой, мы должны одолеть турок.

Внешне спокойным уехал Дамхур от князя, хотя в жилах его клокотала кровь. Он даже обдумывал, как можно украсть любимую со своей отчаянной сотней. И решил еще раз осмотреть местность, до-

браться до селения, где жила Мамхур. Путь его пролегал по долине, вдоль полноводной Мзышты. Обогнув подножье Красной горы, он довольно далеко отдалился от родного дома. Гору эту так называли потому, что склоны ее были покрыты красными цветами, похожими на пятна крови. Ехал он сначала по тропе вдоль долины, затем она поднялась на вершину другой безымянной горы. Справа от него Агур несла свои воды на юг, к морю. На пологом берегу ее, под горой приютился аул Мамхур. Сердце его рвалось вперед! Парень уже собрался было подстегнуть коня, но его остановил зовущий мужской голос:

– Уай, марджья!

Дамхур спешился и свел лошадь под уздцы вглубь леса. Тропинка становилась все уже и круче. Неожиданно, в шагах в двадцати от скалы, где высился дуб, он увидел лежащего человека в изорванных грязных белых одеждах.

– Что с тобой? – настороженно спросил смельчак, готовый к любой неожиданности.

Застонав, белый как стена человек хотел было приподняться, но снова рухнул. Дамхур подошел к нему. Ложем ему служили длинные березовые жерди, связанные перекрученными прутьями молодого орешника. Парень догадался, что страдалец ранен, и кто-то волок его на плетеных салазках. И этот неведомый товарищ, конечно, скрывается поблизости.

– Эй, приятель! Клянусь именем бога Дзапша, что не причиню тебе никакого вреда. Подойди сюда, помоги! – громко позвал Дамхур.

Но никто не ответил. Парень попытался расспросить раненого, кто он и что случилось, но тот не мог проронить ни слова. Весь избитый, в ссадинах и ранах, являл он жалкий вид. Попытки поднять

и положить его на седло увенчались неудачей. Дамхур, решив обратиться за помощью в ближний аул, стал подтягивать подпругу, прежде чем запрыгнуть на скакуна.

– Эй, уважаемый! – раздался позади приглушенный низкий голос. – Человека в таком состоянии не бросают.

Парень повернулся к лесу.

– Кто ты?

Из зарослей орешника вынырнул могучий мужчина, с черной взлохмаченной головой, повязанной серым башлыком. На тонком ремешке висел длинный кинжал в черных ножнах с простой костяной ручкой, а рядом – маленький изящный кинжальчик. Приближаясь пружинистыми, несмотря на огромный рост, бесшумными шагами, он левой рукой сдернул со рта край башлыка и проговорил:

– Я – абрек. Но если ты мужчина, то ни о чем не спрашивай. Я наблюдал за тобой. В нашем деле без осторожности не обойтись. Ты из тех, как я понял, кто слабого не бросит в беде. У горемыки сломана нога, вывихнут бедренный сустав. Душа этого человека во власти бога Псатаха, однако он нуждается в людской поддержке. Берешься ли ты по совести помочь бедняге?

– Я и хотел это сделать, – подтвердил парень.

– Тогда разрежь на равные части свой аркан, что привязан к луке седла. Одним концом привяжи к жердинам, а вторым – к стремянам.

Дамхур сделал так, как ему посоветовали. На прощанье бородач дал совет:

– Лучше веди своего коня под уздцы, а если он умный и пойдет сам, то иди рядом с раненым. Понял?

– Да, конечно. А как его зовут?

Абрек сердито свел брови.

– У несчастного не спрашивают имени, – ему помогают. Мне неизвестно, как нарекли его. Но если душу этого человека возьмет бог Псатах, обещаю тебе, что предашь тело земле по нашему обычаю, и чтобы его оплакали. Как дальше пойдут дела, дашь мне знать в следующую пятницу, здесь же и в это самое время. До встречи!

Разбойник укрылся в лесной чаще, оттуда вскоре донесся призывный свист. Легко было догадаться, что он подзывает свою лошадь.

Дамхур отвез незнакомца к известному во всей Мзыште врачевателю и костоправу Бадре, договорился с ним и пообещал хорошую оплату за лечение. Трое суток парень навещал больного. Наконец-то старый знахарь признал, что его подопечному стало немного лучше.

Тяжелые мысли и сомнения не покидали Дамхура даже тогда, когда занимался военным делом со своей сотней. Его добрые дела, как он полагал, должен заметить бог, и, быть может, смилостивится к нему и желанной невесте? Без Мамхур, как ясно сознавал, у него жизни нет и никогда не будет. И в отчаянии даже призывал турок, своих врагов, чтобы скорей вступить с ними в бой! Когда же возвращалось к нему хладнокровие, молодой ратник понимал, что война легкой не станет. Одни встретят новых захватчиков с оружием в руках, отстаивая свою землю, свободу и собственную честь. А другие – упадут на колени, поднесут хлеб-соль, чтобы ценой предательства предков и их обычаев спасти подлые свои души и имущество. Мало того, они безропотно примут магометанство! Дамхур, не думая об опасности, стремился в бой! Ведь в сражении решится не только судьба народа, но и его личная.

На самом деле, князь Лоу, Трам Царгич и воевода Марчан Мид были заинтересованы в том, чтобы

война пришла в их княжество как можно позже. Они занимались укреплением позиций, обучением войска, часто совещались с соседними князьями, которые примкнули к ним для совместной борьбы. А Дамхура раздумья влекли к любимой. И с каждым днем всё меньше оставалось у него терпения, всё больше одолевали грусть и беспокойство за невесту, злым умыслом разлученную с ним.

Новости с побережья по-прежнему приходили неутешительные. Турки хозяйничали вокруг. И абазин, по всему, ожидала братоубийственная война. Что для правителей любовь двух молодых людей? Разве способны они на примирение ради нее? Дамхур, страдая всечасно, при этом также осознавал, что никакая угроза, ни любовь, ни война не заставят его изменить народу, чья кровь течет в его жилах. И снова снедала тоска по Мамхур: «Милая, ты похожа на прекрасный цветок. Тебя даже не показывают мне, хотя для меня нет на свете радости желанней, чем любоваться тобой! Для отца твоего и его людей нет разницы между конем и девушкой. Они продадут их тому, кто заплатит больше. Они следят за каждым твоим шагом... А ты надеешься на меня!»

Но закрадывались в сознание и иные мысли: как поступить, если она скажет, что любит его и в подтверждение ответного чувства попросит принять веру турок? Он с ожесточением отгонял соблазн, помня, что уважающая мужчину женщина не станет настаивать на своем, если это унизит любимого. «Нет! Я такого позора не приму, – окончательно решил он. – Лучше висеть на острие пика неприятеля, чем изменить вере предков!».

С такими невеселыми думами приехал Дамхур в условленный час к Красной горе. Лошадь встрепенулась, почуяв чужака, и тут же он вышел из леса.

Абрек был в прежней одежде, только со спущенным на плечи башлыком. Темная борода, брови и глаза, хрящеватый с горбинкой нос делали его похожим на черного орла, коих во множестве водилось кругом. Весь вид его, осанка, движения и молчаливость выказывали силу, твердость характера и ум.

– Бог в помощь! – приветствовал его Дамхур.

Абрек приподнял голову и обратил взор свой, полный отваги, на него. Их взгляды на мгновение встретились.

– Больше не смотри в мою сторону и только отвечай на вопросы, – распорядился абрек, правой рукой освобождая лицо от башлыка.

– Пусть добро сопутствует тебе, старший. Слушаю тебя, – ответил Дамхур подчеркнуто вежливо, чтобы самым контрастом подчеркнуть, что к нему обратились, пренебрегая обычаем.

– Йау-уай, йау-уай, молодой человек... Не ожидал от тебя такого легкомыслия, – с искренней обидой проговорил бородач. – Ты произнес всего несколько слов, но все они пулями пронзили мое сердце. Возвращайся обратно, не спрашивая ни о чем. Через три дня снова приходи на это же место с осознанием допущенных тобой промахов.

Дамхур оскорбился незаслуженной резкостью незнакомца. Бледные щеки его озарил румянец, губы шевельнулись, тело задрожало. За этим должны были последовать гнев и ответные грубости, но Дамхур понимал непозволительность такого поведения по отношению к старшему и обуздal дворянскую спесь. Не проронив ни слова больше, он взял лошадь под уздцы, провел мимо абрека и повернул.

– Ты допустил еще одну оплошность, – услышал Дамхур вослед. – Жду объяснений и на нее.

Встреча взволновала впечатлительную натуру парня. Он ехал сюда для того, чтобы услышать му-

дые речи опытного человека, а вместо этого душу ранили двусмысленные, насмешливые слова. Не посчитался лесной разбойник даже с тем, что перед ним находился дворянин, который по воспитанию не мог никому спустить пренебрежительное отношение. Сто дум сверлили голову, но он никак не мог взять в толк, в чем упрекал его абрек. И вместе с тем этот суровый мужчина вызывал у него расположение и неподдельный интерес. При новой встрече Дамхур, задетый откровенным пренебрежением абрека, решил выяснить отношения. Он не испытывал перед ним никакого страха, но что-то подсказывало, что нужно быть настороже.

Абазинская поговорка учит: «Если тебя одолевают сомнения, найди себе советчика, а коль нет такого, – посади перед собой папаху и советуйся с ней». Дамхуру не терпелось излить кому-нибудь все то, что накопилось в душе, и он направился к Бадре. Это был мудрейший старик с отзывчивым сердцем ребенка. Всем известен он был как человек дела и слова.

– Что-то не нравится мне твой потемневший вид. Не случилось ли чего? – встретил он Дамхура вопросом.

– Нет, ничего особенного. Просто хотел узнать о состоянии того человека, что привез к тебе недавно.

– Здоровье его как будто не вызывает большой тревоги, надеюсь, он встанет на ноги. Я выполняю свой долг, врачую его, и, поверь, делаю это как можно прилежно. Но кажется мне, что он не такой простак, каким показался вначале. Временами он приходит в себя и начинает говорить. Правда, еще не совсем внятно...

– Что же он говорит?

– Можно разобрать лишь отдельные слова. Не знаю даже, стоит ли им придавать значение. Возможно, он бредит. Так вчера, например, он прошептал: «Я – Джабраил, малаик, посланец Аллаха». Потом снова впал в беспамятство. А когда очнулся, стал что-то бормотать на незнакомом языке. В нашем, как я понял, он не очень силен.

– Он так и сказал: «Джабраил, малаик»? – уточнил, с заколотившимся сердцем, парень.

– Точно так. Хотя я и стар, но на слух и зрение не жалуясь. Ты от кого-нибудь слышал это имя? Я думаю, что оно арабское, а что означает, – неведомо. А ты как думаешь, сынок?

Дамхур надолго задумался.

– Живи долго, отец. Это не столько интересно, сколько важно, – наконец ответил он. – Да, Бадра, ты не ошибся. Имя это арабское и означает «посланец». Дошла ли до тебя молва, что ангел Джабраил своим явлением одному старцу обратил в ислам княжество Уардан?

– Слышал о таком. Только по-иному. Были слухи, что с запада надвигаются на нас турки. Но непонятно, как мог арабский Джабраил попасть сюда? Клянусь памятью святого Джандры, которого я почитаю, как бога, дело здесь темное. Я бы хотел, чтобы ты сам послушал его. А говорит он всякий раз, когда я перевязываю ему раны.

Дамхур в свою очередь рассказал обо всём, что знал о явлении мусульманского ангела, о свидетельстве Караша, которое огненной стеной встало между ним и Мамхуром.

– Бог мой, ты рассказываешь невероятные вещи, – искренне огорчился старик, узнав, как отнеслись к нему в княжестве Уардан. – Недостойно козни злых людей оставлять без ответа. Надо принять решение. Нам нужен мудрый советчик.

– Что тут непонятного, Бадра? – пожал плечами гость. – Слухи одурачили народ. Если этот раненый настоящий Джабраил, то почему терзается, страдает от ран? Божьего посланца не должна брать ни пуля, ни хворь.

– Нет, дорогой. Тут можно ошибиться. Что ты знаешь о нашем всемогущем Псатахе? Возможно, он таким образом хочет испытать нас. Вот почему я не любопытствую понапрасну, не расспрашиваю больного, а просто спасаю ему жизнь. Да и ты к этому имеешь прямое отношение. Если бы не твоя помощь, то он так бы и погиб в лесу... Идем, послушай его. А потом подумаем, как быть.

Бадра начал перевязку. Раненый вздрагивал точно от кошмарного сна и, шевеля бескровными губами, бормотал «Я... я... Джабра... Джабраил... малаик... Запоминай... передай народу...» Дамхур отрешенно смотрел на своего подопечного. Его заунывные повторения состояли в основном из обрывков арабских выражений. Он еще в детстве слышал предания, будто абазины берут начало от арабов, и стал припоминать отдельные слова и названия, которые до сих пор ходили в народе на этом языке. И все же, вслушиваясь в эту чуждую, маловразумительную речь, он не проникался ею, она не вызывала доверия. На ум приходило сообщение Батыма о богопосланнике, явившемся Чамагу. Значит, это тот самый? Но как ангел мог оказаться в таком жалком положении? Загадка требовала разъяснения, и, улучив момент, Дамхур обратился к больному:

– О, дада, если ты и вправду Джабраил-малаик, посланник аллаха, как же с тобой могла приключиться такая земная беда?

Тот, не отвечая, лишь прерывисто и часто дышал. Бадра, промокая платком выступивший на лице страдальца пот, обернулся к Дамхуру:

– Не тревожь его, сынок. Он еще в тяжелом состоянии. Нужно быть милосердным к человеку в такую минуту, если даже он убил твоего отца. Когда выздоровеет, – другое дело.

Они вернулись в другую комнату, и Дамхур приглушенным голосом попросил:

– Посоветуй, как мне быть? Сопоставь его бред и сплетни свихнувшегося Караша, и ты поймешь, что это все неспроста. Здесь проглядывает чей-то злой умысел.

– Что мне сказать, Дамхур? Я никогда не принимал решения за других. К тому же вопрос о вере очень трудный, щепетильный, и один – два человека при всем желании ничего не решат. Это так же верно, как сейчас на улице день и светит солнце.

– Нет, отец, не сомневайся, что он научен и подослан кем-то. Он прямо призывает потушить очаг Джандры, отвернуться от нашей тысячелетней веры! Он поджег священный дуб! Того, кто вторгается к тебе с недобрыми намерениями, нужно встретить соответствующим образом. Я так понимаю! – все более распаяясь, проговорил Дамхур.

– Не горячись так, дорогой мой. Запомни, гнев плохой советчик в любом деле. Если этот человек и замешан в каких-то неблагоприятных поступках, мы ничего не можем против него предпринять, пока он в нашем доме и в таком состоянии. Ради нашего Псатаха, передавшего его в наши руки, мы не можем вершить над ним суд, не нарушая установленных традиций. Пусть это сделают люди достойные и справедливые. Надо посоветоваться с ними. Например, с твоим отцом.

– Ты же знаешь, что он вспыльчив и очень горяч. Иногда он принимает чересчур крутые и несправедливые решения. Было бы разумно узнать мнение князя Лоу, но он уехал к Дадалу в Хакарапщ и не скоро вернется. Придется подождать.

– Ты произнес верные слова. Но прежде всего, душа моя, следует поговорить с абреком. Судя по твоему рассказу, он мужчина опытный и неглупый.

– Возможно. Но я больше не хочу встречаться с ним! – резко ответил Дамхур, вспомнив поведение неучтивца.

– Что случилось? Он тебя обидел?

– Не знаю, кто кого обидел. Как раз эти сомнения и привели меня к тебе...

И, ничего не упуская, Дамхур рассказал о последней встрече с абреком, вызвавшей у него столько недоуменных вопросов.

– Все верно, – выслушав, заключил мудрец. – Этот человек хорошо знает наши обычаи и строго следит за их исполнением. Попытаюсь прояснить случившееся. Первая «пуля», насколько я могу судить, связана с приветствием: ты должен был дожидаться, пока он первым поздоровается с тобой. Потом: над старшим не иронизируют. Тебе показалось, что он недостаточно почтительно обошелся с тобой, и дворянская кровь взыграла в тебе. Далее: ты показал себя дворянином, но не вполне воспитанным человеком. И последнее: тебе хорошо ведомо, что мужество – это терпение, но тебе не удалось выдержать его до конца: видимо, ты каким-то образом выдал свое недовольство.

Дамхур опустил голову, дивясь тому, как всё в жизни сложно и как просто. Его мучила совесть за то, что допустил столько ошибок при встрече с умудренным и смелым человеком.

4

Дамхур в третий раз отправился к Красной горе. На сей раз он хранил хладнокровие, был спокоен, собран, помня о том, что говорил Бадра. Всё

это заметил абрек, который снова появился неожиданно, выйдя на этот раз не из леса, а из-за распадка камней.

– Сегодня у тебя, парень, совсем другой вид, – проговорил он, глядя сыну дворянина в глаза. – Мужчина должен оставаться мужчиной и тогда, когда к его горлу приставят нож. Он не должен терять присутствия духа.

– Уважаемый старший, я приехал сюда не для того, чтобы показывать свое мужество. Просто я выполняю долг, который взял на себя. Я участвую в судьбе твоего приятеля. И приезжаю только ради этого.

– Мне нравятся твои слова, – одобрительно промолвил бородач. – Без мужества не бывает порядочности.

– Не совсем так...

– Тогда, как по-твоему?

– Пусть долго продлится твое старшинство! Я не могу сделать замечание по этой причине.

– Говори, с чем ты не согласен. Я разрешаю тебе.

– Сначала – человечность и порядочность, а потом уже – мужество.

– Ты, храбрец, если не сын князя, то не сын ли дворянина? – предположил абрек, устало кладя ладонь на рукоять меча.

– Да, мой отец большой дворянин.

– Ответь, с каких это пор дворяне, благодаря своей человечности, стали добывать себе мужество?

– Ты полагаешь, что я прихожу сюда, чтобы добыть мужество?

– Если бы тебе позволили сделать это. Но...

– Как понимать твое «но»? Не думаешь ли ты, что я выполняю твои приказания из-за трусости?

– Предполагаю, что так. Не может же быть, чтобы ты один выпал из общего правила? Еще не случилось такого, чтобы испугавшийся дворянин признался в этом. Согласен со мной?

– Не согласен, но я вынужден стерпеть твои слова. Да продлится твое старшинство.

– «Глупому отдай свои ноговицы и пройди мимо». Не это ли ты хотел высказать, но не осмелился?

– Такие слова открыто не выговаривают, а исполняют. Если бы я счел их подобающими тебе, я бы так и поступил. А я не только не пренебрег, но пришел и стою перед тобой.

– Потому что ты раб того, кого боишься.

– Нет. Потому, что я чту старшего.

– А если старший враг тебе?

– Тогда обнажу меч против него.

– А если я твой враг?

– Обнажу и против тебя!

– Не успеешь! – вскрикнул абрек, и – на солнце сверкнул его меч. Дамхур почувствовал, как острие уперлось ему в горло. Это произошло столь молниеносно, что для сопротивления не осталось времени. Выпрямившись и подняв голову, Дамхур спокойно смотрел на абрека. Ни один мускул не дрогнул на его лице.

– Я не боюсь твоего меча, – сказал он прежним ровным голосом.

– Ты победил меня, – вместо удара произнес абрек и, размахнувшись, швырнул меч в темное ущелье, где шумела река. – Я больше не заслуживаю его! А теперь ты обнажи свой...

– Я не обнажаю меча перед безоружным. А ты, как я понял, не имел разрешения на мою душу от Псатаха.

Абрек едва заметно кивнул и с дружелюбием сказал:

– Теперь я понял, что на тебя можно положиться. Чем мне искупить свою вину перед тобой?

– Старший перед младшим не может быть виновным, – убежденно промолвил Дамхур.

– Все твои ответы верны, и я рад, что встретил достойного сына своего народа!

– Опыт старшего человека должен стать законом для младшего.

– И это правильно. Я бы очень хотел, чтобы моя судьба чему-то научила тебя. Если что хочешь спросить, – не стесняйся. Коль нужна помощь, – сделаю всё, что в силах. Положись на меня как на старшего брата.

– Да благословит тебя бог! – благодарно склонил голову Дамхур. – То, что не скрываю от него, не утаю и от тебя. Да, хотел бы посоветоваться с тобой. Но прежде сообщу обнадеживающую весть. Тот человек, которого я взял под присмотр, похоже, пошел на поправку. Бедняга еще бредит, твердя отдельные арабские слова. Иногда и по-нашему несет какие-то несуразности...

– Если так, то состояние еще неважное. А что можно было разобрать из его речи?

– Он начинает одинаково: «Я – малаик Джабраил...», а затем хулит нашу веру, бога Псатаха, превозносит аллаха.

Дамхур, заметив, как задумался абрек, подробно рассказал обо всём, что впервые услышал в княжестве Уардан.

Горец поднял черные пронизательные глаза и, глубоко вздохнул:

– Видишь, что оказывается за душой человека, которого выхаживал, таская по ущельям, грея в пещерах?.. А я считал его необычным, хранящим некую великую тайну...

– Извини, если мои откровения огорчили тебя. Не обращай внимания на пустые слова, – постарался успокоить Дамхур.

– Нет, твои слова, брат, не пустые. Вся эта история придумана и разыгрывается злонамеренными людьми для прикрытия черных дел.

– Если я правильно тебя понял, это тот аркан, который турки хотят накинуть на всех нас?

– Пусть долгой будет твоя жизнь! Ты, к сожалению, прав. Закон дикой природы жесток: если ты слаб, то на тебя нападают со всех сторон.

– Разве на князя Хамсада аркан накинули из-за его слабости?

– Я назвал тебя братом за ум и мужество, в котором, уверен, никому не уступишь. У тебя доброе сердце и крепкое слово. От нас с тобой зависит, как мы расстанемся. Пусть то, что знает бог, узнаешь и ты.

Абрек сорвал с головы башлык, открыл лицо и обнажил голову.

– Такой я есть. Не князь и не дворянин, но и не раб. Раньше я служил в войске Хамсада Уардана, а теперь служу самому себе в этой лесистой долине. Зовут меня Мсыр, я из рода Жихов. Если не чураться, вот тебе моя рука!

– Я никогда не чурался людей, – заметил Дамхур, но руки не подал.

– И на этот раз ты поступил верно: ты должен знать, с кем обмениваешься рукопожатием, – подтвердил бородач, тяжело опуская зависшую в воздухе ладонь.

– Нет, у меня в мыслях не было поступить против воли старшего, да и права у меня такого нет. Просто мне подумалось, что это сейчас лишнее. Я служу в войске Трама Царгича. А зовут Дамхуром.

– А! Значит, ты сын его! Знаю такого. Он потянет любую упряжку и ни в чем не уступит Хамсиду. Князь Лоу знал, с кем его породнить. Жаль, произошло это дело, – сочувственно сказал Мсыр.

– Ты считаешь, можно простить тех, кто не дорожит своим словом?

– Нет, так я не считаю. Раз ты хотел посоветоваться со мной, то вот тебе мое первое пожелание. Никогда не делай того, о чем впоследствии пожалеешь. Иначе всю жизнь будешь корить себя. Ты еще молод, и, как говорят у нас, еще не забил тот родник, воду из которого ты должен испить. А мне уже за сорок, и объединяет нас земля и родной язык. Ты с уважением отнесся ко мне, соблюдая приличия, подобающие в таких случаях. Но прошу тебя запомнить: мне придется нарушить клятву, чтобы рассказать об очень важном.

– Не следует из-за меня нарушать слово. Я не смогу клятвопреступника считать настоящим мужчиной.

– Пусть я буду отмечен твоим презрением. На мне и так лежит тяжесть многих грехов, многих... Но ты сам поймешь, какую клятву я нарушаю. И по достоинству оценишь этот шаг. Хотя он может привести нас к разрыву.

– У меня нет такого желания! Наоборот, сердце влечет к тебе, опытному и сильному воину...

– Если бы всё зависело от наших желаний... Жизнь – штормящее море. Шумит, бурлит, бесится. И каждый спасается, как может и чем может. Несмотря на свое старшинство, я вынужден поведать свою горькую песню обнаженными, грубыми словами...

– Раз доверяешь...

– В моем возрасте у человека должны быть такие сыновья, как ты, и дочери на выданье. Но этого

счастья мне бог не дал. Вместо того, чтобы сблизиться с любимой женщиной, лучшие свои годы я потратил на княжеской службе. Закон у Хамсада Уардана строг, он запрещает тем, кто в его войске, жениться до сорока лет. Коль принял такое решение – уходи. А на что жить и содержать семью?

– Почему Уардан так поступает? Мой отец и князь Лоу не устанавливают никаких запретов. Даже радуются, когда молодые соединяют свои судьбы.

Мсыр недобро прищурился и съязвил:

– Знаю, как они радуются! Князьям нужны только работники. Для преумножения своего богатства. У Хамсада еще хуже! Он из своих подданных выжимает все соки. А податься им некуда, другие князья их не берут, боясь испортить отношения с владельцем Уарданом.

– Неужели ты не влюблялся, и не было девушки, полюбившей тебя?

– Разве я такой уж урод? – грустно усмехнулся горец. – Я решил обзавестись семьей, когда мне исполнилось тридцать. Моя возлюбленная была лет на десять моложе и работала у Хамсада ковровщицей. Она и теперь там. У нее золотые руки, она умеет делать всё, что присуще женщине. А какая красавица! Глаза моей Шаризы излучают свет... Да, на расстоянии только излучают свет, но не греют. И я видел всё это! Почему-то кажется мне, она и сейчас вянет, сохнет, как цветок, который не поливают. Перенести тоску, впрочем, легче, когда твоя любимая далеко, не перед глазами. А если она совсем рядом, а прикоснуться к ней не можешь, – невыносимо тяжело. И все эти многие годы я мысленно вижу ее и здороваюсь с ней каждый день. Глаза наши и сердца даже вдалеке находят друг друга, а сердца не слышат...

– Укради ее и скройся! – воскликнул Дамхур, хотя сам находился в подобной ситуации.

– Тобой, брат мой, управляют еще юношеские порывы. Пусть в твоей жизни будет много, очень много светлых дней! Горцы говорят: знал бы, где упадешь, то расстелил бы бурку. Я бы так и сделал, если бы не заверения этого старого лиса Хамсада. «Сделаешь это, выполнишь то, а я тебе помогу», – только и слышал я от этого жадюги. А между тем убывали годы, лучшие годы. На какие гнусные поступки я ни шел ради будущего счастья! Как не скрывал от бога, так и от тебя не скрою об одном таком преступлении. Столь велико оно и ужасно, что, как подумаю, волосы шевелятся. И тогда обуревают злость, и готов пойти на еще более подлое дело, но удерживает меня голос Шаризы, который всегда слышу в тишине. Я всегда смеялся над тем, кто сокрушался: «Любовь заставит сделать всё». А теперь сам стал ее рабом...

– Почему же твоя возлюбленная до сих пор одна? Разве нет способа выручить ее? – участливо спросил Дамхур.

– В тот момент, когда возникли слухи о турках, и Хамсад стал с иноверцами якшаться, как раз приблизилось моё сороколетие, а с ним и долгожданное счастье. Дни представлялись месяцами, а любовь все сильнее брала меня в плен. Вот тут и воспользовался моей надеждой Уардан. Он вовлек меня в одно грязное дело, заявив, что никому больше не доверяет. Целый месяц плавал я на корабле, куда отбирали самых крепких и храбрых, способных и на грабеж, и даже на убийства. После каждого разбоя, богатой добычи князь расхваливал меня, щедро платил. Более того, после очередного удачного нападения на суда одного богача, он пообещал мне даже калым для отца невесты. И я не удержал-

ся! – Мсыр перевел дыхание и поправил на поясе кинжал. – Мы провернули дело как нельзя лучше, привезли в порт несметные богатства. По приезде, глубокой ночью, Хамсад потребовал меня к себе. Посыльный прямо-таки танцевал предо мной, точно я из плавannya вернулся князем, не меньше. Несмотря на страшную усталость, я живо собрался и пошел в княжеские покои, думая и страдая о Шаризе, надеясь, что владетель мой помнит данное обещание.

Князь встретил меня в большом зале, где принимал самых именитых и дорогих гостей. Взгляд его точно жег, льстивая улыбка не сходила с узких губ. Он обеими потными руками пожал мою ладонь и пригласил сесть рядом за длинный стол, уставленный разными кушаньями в дорогой посуде, кубками и сосудами с лучшими винами. От них исходил такой ароматный запах, что у меня голова пошла кругом. Пир длился всю ночь. Наконец он отпустил всех, и мы остались вдвоем. Хамсад стал осыпать меня словами благодарности, точно я один разбил торговые корабли, расспрашивал о житье-бытье, о нуждах. А слуги то и дело подносили кушанья, наливали кубки. Он пичкал меня яствами и винами, подкрепляя их льстивыми речами. А я ждал, что он объявит о своем решении позволить мне жениться. Но вместо этого коварный льстец многообещающе проговорил: «Я поручу тебе такое дело, о котором даже сказать страшно. Только тебе можно доверить его, потому что один справишься с ним. Я знаю, Мсыр, что ты любишь Шаризу, и ничто, даже соломинка не станет на пути вашего счастья. Я бы закатил такую свадьбу, что у завистников глаза на лоб вылезли. И сегодня вечером она была бы в твоём доме. Но случилось непредвиденное! Народу угрожает большая беда». – «Что это за большая беда? И что мне нужно сделать, чтобы отвести её?» – спросил я.

Хамсад еще ближе подался ко мне, и глаза его забегали, как две мыши. Повелев всем выйти из зала, он затараторил: «Ты обязан помочь всем нам. Ты многое сделал для меня, и я не забываю ни о чем. Я ценю твое мужество. Ты долго ждал своей свадьбы, потерпи еще всего три дня и три ночи. Уважь мою последнюю просьбу, и я сделаю для тебя всё, что пожелаешь: построю дом, дам деньги и богатство. То, что я поручу, тебе ничем не угрожает». Он увещевал меня, позабыв, что князь. Уговаривал, а не приказывал. Вот как боялся отказа! А я, не услышав долгожданного разрешения на свадьбу, признаюсь, не сдержал слез... «Не переживай так сильно, – лился его медоточивый голосок. – Ты же мужчина и воин, и три дня промелькнут незаметно. Три дня – не три года. Отбрось прочь все сомнения!» Скрепя сердце я дал согласие. «Перейдем к делу, – изменившимся голосом заговорил князь. – Ты наверняка знаешь дубовую рощу Псатаха. Тропинка, обрываясь за полста шагов от рощи, сворачивает влево и ведет к небольшой пещере. Там и будет твое обиталище, там ты один и будешь караулить. Кроме бога нашего Псатаха, никто и ничего не должен знать! Что бы ни происходило вокруг, ты оставайся в своем укрытии. Твоя задача не спускать глаз с дорожки, что вьется по склону. Главное, не теряй спокойствия и мужества. Когда ты увидишь идущего по склону человека в белой одежде, не раздумывая, прикончи его. Это слабак, который не будет сопротивляться с оружием в руках. Тебе всё понятно?» – требовательно уточнил князь.

Я ожидал чего-то особенного, а мне предлагают легкую прогулку! «Ладно. Я всё понял», – ответил я, не раздумывая, хотя даже не спросил, кого и за что должен убивать. А этот подлый человек поспешил еще добавить: «Твоя рука спасет от бед княжество.

Он из черных джинов, который намерен уничтожить бога Псатаха. Негодяй убил святого человека и, переодевшись в его одежду, ходит и обманывает, мутит народ. Будь смел, потому что этот кудесник, если ты не убьешь его, найдет на тебя страшную болезнь, от которой нет спасения. Так вот, убьешь джина, сбросишь с обрыва и дашь мне знать. Как только я увижу его труп, ты обретешь свободу. Впереди ожидают тебя почет, счастливая и богатая семейная жизнь».

– И ты поверил этому лжецу? – вырвалось у возмущенного парня.

– Поверил, брат. Тропинку нашел я без труда и укрылся в пещере. Я так неотрывно следил за склоном, что от напряжения у меня заболели глаза. Прошел еще день, наступила ночь. И вдруг в мою пещеру проник странный мерцающий свет, какого я никогда не замечал. Я подумал сгоряча, что сверкают молнии. Но свет над землей излучался не прерывистый, а ровный, да и небо было в звездах. Ясное и яркое марево держалось как раз вблизи тропинки, за которой я наблюдал. Следом донесся слабый шум шагов по гальке с той стороны, откуда я пришел. Тем временем свет стал угасать, уступая власть темноте. У меня не осталось сомнения, что приближался тот, кого я ждал. Негаданно взяла меня оторопь, я вспомнил, что джинов не берет пуля. Но перед глазами мелькнуло на миг лицо Шаризы, и страх мой улетучился. Стрелой вылетел я из укрытия и сзади напал на идущего. Лево́й рукой обхватил его горло и прижал к себе, а правой приставил к сердцу кинжал. Он был ниже меня ростом и тщедушный какой-то. Я чувствовал, как останавливается его дыхание и чуть ослабил левую руку. Он силился что-то вымолвить, но только хрипел. «Не убивай», – еле расслышал я и спросил: «Кто

ты?» – «Я человек... Не убивай...» – «Имя!» – потребовал я, ощутив непонятное беспокойство. Дрожь в теле пленника утихла, он медленно приходил в себя, без конца твердя: «Я человек...». Тут меня пробрала злость, я снова прижал его и надавил кинжал: «Ты – черный джин! Сейчас твоя душа вылетит из поганого тела, если не назовешь себя!» Он встрепенулся и захрипел, пришлось снова ослабить руку. «Скажу, скажу. Дай только прийти в себя... Только я не джин...» Убедившись, что ни силой, ни оружием, если бы он имел, противнику не одолеть меня, я прижал его к гранитной скале и стал снова спрашивать, кто он и откуда.

– Твой рассказ волнует меня, – проговорил Дамхур, оглядевшись и присев на край валуна. – Что же случилось после?

Чуть поодаль выбрал себе место и Мсыр. Огладив рукой бороду, он помолчал, а затем продолжил свое признание.

– Пленник стал просить оставить его в живых. Меня стали обуревать сомнения. Они в таких делах ничего, кроме вреда, принести не могут. Он умолял меня, убеждал, взывал к богу – и усыпил бдительность. И вот этот хилый болтун внезапно так толкнул меня, что я потерял равновесие. Еще полметра – и рухнул бы в пропасть! Уцепившись за ствол кизила, я подтянулся и опять выбрался на тропу. Не прошло и минуты, а пленника и след простыл. Я погнался за ним по тропинке вверх по склону. Вспомнилось предупреждение Уардана, что джин найдет неизлечимую хворь. Я догнал его и схватил, но он увернулся и, не раздумывая, прыгнул в глубокий каменистый овраг. В том, что он разбился насмерть, я не сомневался ни секунды. Огромная высота и острые камни обрекают на гибель всякого, кто посмел бы поспорить с судьбой.

От души отлегло. Мне удалось сделать то, чего требовал владетель. Тут же я решил отыскать труп и спустился в овраг. Но, обшарив все камни и кусты, не нашел его. И снова неведомый страх окатил меня с ног до головы! Мне показалось, что схожу с ума. Теперь я суеверно думал: тот, кто удрал от меня, или черный джин, или малаик Джабраил. Только они с божьей помощью могли спастись, но чтобы уцелел человек – никто не поверит.

– Да, пусть мужество долго не оставит тебя! – с уважением проговорил Дамхур, захваченный рассказом.

– Вот так и рухнули мои надежды. На другой день с раннего утра до самой темноты искал я тело незнакомца, но тщетно. И на следующий день, ваясь от усталости с ног, я обследовал весь овраг. Но снова без толку. Когда я думал о возвращении в аул, меня бросало то в озноб, то в жар. Как я мог сказать князю, которому дал клятву, простые слова: «Вот я вернулся, а дела не свершил»? А что будет с Шаризой? В тот день была уже намечена наша свадьба. И она, наверное, ждала меня, ждала нашего счастья...

Я еще раз поднялся по тропинке к тому месту, откуда кинулся этот безумный. Сиял день, и с высоты далеко было видно кругом. В дубовой роще Псатаха заметил я скопление каких-то людей. Здесь я твердо решил не возвращаться в свое селение. И стал абреком.

Долго стоял я на краю обрыва, изучающе смотря вниз. Мое внимание привлек щебень, который скатывается не прямо, а чуть в сторону, как бы по ложбине, проложенной вешним ручьем. Сделав из кизилового стволика посох, я начал спускаться по скату оврага. Пройдя всего немного – о чудо! – я наткнулся на того, кого искал. Он лежал, наполовину присыпанный щебенкой возле валуна, который

помешал ему свалиться в пропасть. Далее с помощью аркана, крепкого посоха и собственных рук я вытащил его наверх, на тропу. Правда, при этом понес серьезную потерю: неведомо куда пропала моя лошадь, как только я отвязал от седла аркан. Возможно, спугнули волки.

– Так ты без лошади? – озабоченно спросил Дамхур.

– Да... Он был без сознания, весь в крови. Ты сам это видел! Про таких говорят: живого места на нем нет. Зато у меня появилась надежда. Я узнал этого человека из нашего аула! Это был Чамча Ращ, служитель церкви Хамсада. Вот теперь ты многое знаешь! Но меня мучает вопрос: почему князь решил уничтожить священника? Или тот, о котором говорил он, вообще не появился?

– Значит, того, кто лечится у Бадры, зовут Ращ. А не он ли поджег священный дуб Псатаха?

– Вне всякого сомнения. Молва о человеке в белом, об ангеле, – всё это подтверждает его злое дело.

– Прости, Мсыр, за прямой вопрос. Почему ты не расправился с ним, вторично не выполнил клятву, когда нашел у валуна?

– Меня одолели сомнения. И притом, прикончить его тогда, это значило бы убить уже убитого. Не на войне ведь. Да и грех большой...

– И с тех пор ты не показывался в ауле... – сочувственно проговорил парень и неожиданно упрекнул. – Пусть ты старший, и я не имею права поучать тебя. Но почему ты из-за такого ничтожества, как Ращ, оставил возлюбленную на растерзание этих псов?

– Как ты не понимаешь, что я стал на этот путь только ради счастья моей Шаризы! За что же убивать Раща, если он ничего плохого мне не сделал? За ним никогда никаких злодеяний не замечали.

– Кто тогда вершит все эти черные дела, если не Ращ? Я думаю, он заодно с Хамсадом. И князь с твоей помощью решил убрать свидетеля! – твердо заключил Дамхур.

– Выходит так, если сопоставить то, что ты сказал и что я видел, – поддержал Мсыр и замер, прислушиваясь, как встряхивается близ крайних деревьев леса великолепная лошадь дворянского сына. – Этот церковник всегда был против нашей религии.

– Как объяснить, что Ращ, служитель религии Креста, так быстро отрекся от нее и ратует сейчас за арабскую веру? Ради чего преклонился туркам?

– А как же он, предав богов нашего народа, принял христианство? – с укоризной заметил Мсыр. – Такие, как Ращ, если почуют выгоду, примут религию Дьявола! И первый хитрец – Хамсад. Чтобы не оставить главного свидетеля, как ты верно заметил, он решил убрать Раща, дав мне задание. А затем и меня отправил бы на тот свет.

– Я в этом несколько не сомневаюсь, – кивнул парень. – Но Бадра говорит, что посланцы бога, ма-лаики, могут принять образ любого человека и под этой личиной скитаться по аулам, выведывать то, что им нужно.

– Вот для выяснения этого я и хочу, чтобы наш подопечный встал на ноги.

Незаметно подступил вечер. Из долины потянуло прохладой. Оранжевый отсвет заката расплескался по вершинам гор и верхушкам сосен.

– Что ты, брат, собираешься делать дальше? – поднявшись следом за абреком, спросил Дамхур.

– Мы разойдемся, будто и не встречались. Ты меня не видел, а я – тебя.

– Скажи, чем могу быть тебе полезен? Клянусь: ради тебя выполню все, что в моих силах.

– Ты сердцем улавливаешь чужую боль, Дамхур. Спасибо тебе за это. Оставив свои дела, ты стараешься помочь другим, как истинный мужчина. Я не хочу, чтобы ты рисковал ради меня. Ты, брат, сам нуждаешься в поддержке. Если сказать по правде, дело, которое ты скрываешь от меня, – темный лес. Надо бороться за свое счастье, чужой его тебе не преподнесет. Не так ли?

– Да, мое дело еще в темноте, а твое – в огне, – отрезал парень. – И мне думается, спасать сначала надо то, что горит.

Мсыр, объятый волнением, вдруг шагнул к парню, крепко взял его за плечи и, посмотрев в глаза, отошел и отвернулся.

– Да, огонь горит, – заговорил он отрывистым голосом. – Сейчас Шариза заливает его своими слезами... Но откуда у нее столько слез, чтобы унять пламя? Хватит, брат! Слезами делу не поможешь. Задержал я тебя, поздно уже. Если я тебе не слишком надоел, приезжай сюда через три дня. Тогда, быть может, скажу, чем ты можешь выручить меня. Только ни о Раце, ни обо мне никому ни слова.

Дамхур свистом подозвал свою породистую гнедую лошадку с белой звездочкой на лбу.

– Как ее зовут? – спросил абрек, любуясь гривастой красавицей.

– Хакака. Так называют горных орлиц, – отозвался парень, проверяя седло и подтягивая подпругу.

– Пусть она всегда оправдывает свое имя.

– Оправдает или не оправдает, да продлится твое старшинство, в этом ты сможешь убедиться сам. – Дамхур развернул лошадь, за уздечку подвел к Мсыру и взялся за левое стремя. – Прими от меня, пожалуйста.

– Не обижайся, но... Мне не нравится твоя затея, – отказался бородач. – Неприлично старшему

обирать младшего. Лошадь – достояние мужчины. Я не сделал ничего такого, за что мог бы получить такой дорогой подарок.

– Разве приличней, когда старший остается пешим, а младший гарцует на коне? – парировал Дамхур. – Если младший сто раз подчинялся старшему, то пусть и тот, хотя бы однажды, прислушается к иному мнению. Если считаешь меня не мальчиком, но мужчиной, пожалуйста, садись на лошадь.

Мсыру нечего было возразить. Он твердым шагом подошел к гнедой, немного опустил стремяна. Затем погладил ее по шее и, вдев носок сапога в стремя, легко вскочил в седло. Дамхур заметил, что его новый приятель, столь же умелый наездник, как и мореплаватель.

– Зови ее чаще по имени, – посоветовал повеселевший парень. – Она это любит.

– Спасибо, брат мой. Попробуем, сможет ли она потягаться с орлами, – пошутил абрек и протянул с лошади мощную руку, которую на этот раз Дамхур крепко пожал.

5

Последующие дни жителям долины Мзышта ничего хорошего не принесли. У них не проходило подавленное настроение. И стар и млад готовился к кровопролитной войне. Но жизнь не стояла на месте, и каждый был занят своими делами. Князья и старейшины ездили по аулам, призывая народ на борьбу с ненавистным врагом. Князь Лоу, Трам и их сторонники не сидели сложа руки, они делали всё, чтобы достойно встретить турок. В этом смысле выделялось княжество Дадала, который по наследству носил Золотой крест Юстиниана. Им противостояли Хамсад и некоторые другие владетели,

намеривавшиеся любой ценой исключить свое участие в бойне. Они готовы были покориться, беспрекословно принять ислам и заранее вели с турками тайные переговоры.

Самыми заинтересованными в назревающей войне были греки, извечные враги турок. Цель понтийцев была ясна: чужой кровью сохранить земли своего государства на побережье и заодно укрепить в народе христианство. Абазинам они сулили золотые горы, только бы не допустить османского владычества. Распространялись слухи, что вскоре из Греции прибудет огромное войско и поможет местным жителям дать отпор завоевателям. Эти обещания, посулы, угрозы, подкупы и речи отнюдь не сплывали, а с каждым днем вносили в отношения владетелей хаос и споры, мешающие объединиться в одну сокрушительную силу, способную остановить османское нашествие.

Дамхур, с головой ушедший в свои личные проблемы, мучимый тоской по любимой и время от времени помогающий Мсыру, основательно запустил дела, присущие дворянам. В один из дней, ничего никому не сказав, он сел на коня и примчался в селение Уардана. Окольными путями, выбирая безлюдные улицы, он добрался до дома Батыма. Навстречу вышла черноглазая девочка Гога, его давняя знакомая, которая была рада гостю и щебетала, как пташка.

– А я одна сейчас. Всех позвали в мечеть.

– А почему ты осталась дома?

– Я еще маленькая. Туда велели прийти взрослым и тем, кому больше двенадцати лет, чтобы трижды прикоснуться к Корану и сказать: «Нет бога кроме Аллаха. Он сотворил мир и создал нас. Он всё видит, всё может, всё знает».

Невеселый и задумчивый покинул Дамхур подворье приятеля. От одной мысли, что любимая

девушка присягнула на арабской книге, изменив своему богу, его бросало в жар, – хоть поворачивай назад и уезжай. Так дошел он до ворот крепости и вошел вовнутрь. Его взгляд жадно устремился на окна Мамхур в двухэтажном особняке Хамсада. И в распаленном воображении промелькнули их счастливые встречи, часы, когда он любовался своей красавицей... Но дворянское воспитание боролось против малодушия, точно неведомый голос твердил ему: «Не смотри. Не иди дальше. Не унижайся!» Он и сам это понимал, но ничего сейчас поделать не мог.

На площади было множество народу. Некоторые обращали на него внимание, чья осанка, одежда, дорогое оружие – всё свидетельствовало о благородном происхождении. Дамхур злился на самого себя, что явился сюда без друзей, без приглашения. И надо было бы незаметно удалиться, чтобы не вызвать кривотолков. Но парень почему-то медлил, машинально шагая с другими к большому строению, возведенному Хамсадом. В этом княжестве мало кто знал сына Трама, и он решил не останавливаться на полпути.

Возле мечети – столпотворение невиданное. Люди спорили, кричали, что-то доказывали друг другу. В этом гвалте трудно было разобрать слова. Грустных женщин с заплаканными глазами успокаивали мужчины, хотя их лица также были мрачными. Дамхур вспомнил слова девочки о том, как проходит «прикосновение к Корану», – слепое насилие.

Долго еще ходил Дамхур среди толпы, надеясь встретить Батыма. Его наблюдательность и острый ум оценили, какую силу уже набрала здесь мусульманская религия, с которой в скором времени ему придется столкнуться с обнаженным мечом. Хамсад полностью подчинился туркам и придерживался

их линии. Подлость и хитрость горстки людей – Уардана, Караша Чамаги и Раща Чамча, – и доверчивость бессильной массы привели к трагедии. Да и свадьбы их с Мамхур больше не бывать! Тут, точно молния, пронзила его неожиданная мысль: «А если примкнуть к этой новой религии, которую приняла возлюбленная?» И сам же с отвращением запретил себе даже вспоминать о такой возможности! Никогда, до конца жизни не должен он помышлять о таком...

Дамхур отошел в сторону и стал рассматривать мечеть, послужившую причиной сноса прекрасной церкви. Это новое строение по величию стен, красоте линий и отделке ничем не уступало бывшему храму. Внешний вид и огромные размеры мечети как бы подчеркивали могущество и силу, всевластие и строгость ислама. С двух углов этого здания в небо вонзались минареты. Их вершины были увенчаны золотыми полумесяцами. И вместе с тем от этого сооружения Хамсада веяло холодом и чем-то отталкивающим. Дамхур пошел было к крепостным воротам, но на пути его встретила группа всадников, среди которых красовался в богатом наряде и Батым. Рядом с ним ехал другой молодой воин, с которым племянник владельца разговаривал, судя по улыбке, доброжелательно. Наездники вели себя бесцеремонно, отпустили поводья, заставляя людей шархаться от лошадей в стороны. Они бы проехали мимо Дамхура, если бы тот не окликнул давнего приятеля. Батым придержал лошадь и глазами стал выискивать позвавшего. Сопровождающие также остановились. Когда племянник князя во второй раз услышал своё имя, он увидел приехавшего гостя и спрыгнул на землю.

– Салам алейкум! – радостно произнес он, протягивая обе руки.

Точно нож ударил в сердце Дамхура: он услышал не абазинское приветствие, а восклицание на чужом языке. Замешательство длилось недолго.

– Рад видеть тебя, Батым! – в соответствии с национальными приличиями ответил Дамхур и товарищески принял протянутую руку.

– Э-э! Вы, джандровцы отстаете от времени! Теперь мы не так отвечаем на приветствие.

– Я не понял сказанного тобой. Быть может, ты обругал меня?

– Как ты, мой друг, подумал такое! – наигранно возмутился Батым и с усмешкой посмотрел на своих товарищей. – Эти слова из Корана означают: «Мир тебе».

– И зачем это? – с упреком проговорил Дамхур. – Сказал бы по-нашему, и все было бы ясно... Ладно, я приехал к тебе по важному делу. Заехал домой, а там одна Гога.

– Да-да, весь народ здесь, – радостно подтвердил приятель. – Мы устанавливаем новую жизнь. Я теперь, как и ты, команду сотней. А почему ты один? Хамсад знает о твоём приезде? Да и лошади твоей не вижу...

– Она на твоём подворье. Если у тебя есть время, пойдем туда. Здесь не место для серьезной беседы.

– Как молвят старики, то, что должна была сказать лошадь, проговорило седло, – притворно-радушно подхватил племянник князя. – Для такого уважаемого человека, как ты, найдем время, даже если его нет. Сейчас я распоряжусь, чтобы тебе подали лошадь.

– Пойдем пешком. Здесь рукой подать.

– На виду у всех – пешком? – высокомерно возразил Батым и приказал слуге слезть со своего коня и передать его гостю.

Вдвоем они выехали из крепости, и Дамхур сразу приступил к разговору.

– Как я узнал, Батым, ты командуешь сотней? Но зачем Хамсаду войско, если он полностью отдался туркам?

– Княжество не может не иметь войска, – с недоумением посмотрел брат невесты. – Ты это и сам понимаешь.

– Имея такую силу, вы позволяете туркам садиться на голову. Тогда какая цена такой армии? – сказал Дамхур, сдерживая раздражение.

– Ты ошибаешься. Турки нам не враги. Они носители флага пророка- Магомета!

– А кто он такой? – с вызовом спросил гость.

– Не поверю, чтобы такой образованный человек, как ты, не знал этого, – с иронией и затаенной обидой вымолвил Батым. – Он свидетель единственного бога на небесах и земле. Он любимец Аллаха, который с небес ниспослал ему Коран. Он – основатель ислама.

– Ты говоришь, как будто век прожил на Земле, – заметил Дамхур, лукаво посмотрев на приятеля своими черными большими глазами. – Быстро тебя турки обработали. Еще не исчезли мои следы с того часа, когда видел тебя абазинским мужчиной.

– Ты смеешься надо мной, – Батым, сожалея, покачал головой. – Когда новая религия дойдет до вас, ты пожалеешь об этом. Я вместе со всем нашим народом принял эту веру.

– Я нисколько не хотел обидеть тебя, мой дорогой друг, – с теплотой в голосе произнес Дамхур. – Ты не с народом, а с Хамсадом переметнулся к туркам. В нашем княжестве войско для того, чтобы защищаться. Ты говоришь, что и до нас дойдет мусульманство. Что ж, поглядим, как это будет происходить.

– У нас это уже произошло! За то, что не берег свой народ, бог Псатах сгорел. Надо ж доверять собственным глазам! Куда дальше?!

– Бывает ведь и так, что пыль в глаза пускают, – не отступал Дамхур, знавший правду о сожженном дубе. Напряженно слушая новоиспеченного сотника, он удивлялся тому, как быстро ложь, придуманная Хамсадом и его приспешниками, пустила корни и принимается несведущими людьми за чистую монету. Гнев, накопившийся в душе, заставил говорить прямо и нелицеприятно. – Чамаг Караш жив?

– Да, храним Аллахом. Это же с ним разговаривал малаик Джабраил. Это он отвел от нашего княжества божью кару. Сейчас пребывает в здравии и покое, не с каждым ведь разговаривает посланец Аллаха. И князь, и люди одарили его таким богатством, что хватит на три жизни. В мечети все, кто посещает ее, кланяются старику.

– А Раца знаешь?

– Попа греческого? Как не знать.

– А где же он теперь?

– У своего бога! Он не захотел снять своего креста, и его сожгли на костре одним из первых. Мусульманская религия суровая, но справедливая. Среди тех, кто проповедует мусульманскую религию, разумеется, не может быть гяура.

– А кто такие гяуры?

– Поклонники креста.

– Так ведь и вы все еще недавно носили крест на груди.

– Кто чистосердечно раскаивается, Аллах милостиво берет в свое лоно.

– Может, ты и Мсыра знаешь? – любопытствовал Дамхур.

– Знаю. Мы сейчас ловим этого нечестивца.

– А что же он сделал? Разве он не в войске Хамсада?

– Нет! Он, нарушив клятву, данную моему дяде, сбежал. Точно сквозь землю провалился. Сомнения

нет, он один из тех, кто не поверил в единого бога нашего, в Аллаха.

Дамхур взял себя в руки, помолчал и, не скрывая сомнения, поинтересовался:

– Неужели такое бывает?

– К сожалению, иногда случается. Некоторых из них уже выловили в лесу.

– И что же их ждет?

– Тех, кто упорствует, ждет неизбежный костер. А добровольно принявших ислам, – полное прощение. Впрочем, ни земли, ни пособия они не получают.

– А что, вместе с новой религией турки с собой и землю привезли для раздачи? – съязвил Дамхур.

– У Хамсада своей земли достаточно, – сделал вид, что не заметил колкости приятель.

– А какое отношение турки имеют к владениям Хамсада? Другое дело, если бы он сам добровольно отдавал, а так смахивает на приманку для обращения в ислам... Но оставим все это. Тем более, что мы уже у твоего дома. Слушай, а давай пойдем к морю, побродим по берегу. Я соскучился по нему. Да и разговор у меня к тебе другого свойства...

– Ты знаешь, хозяин – раб своего гостя. Я не могу противиться твоему желанию, но все же более приличествует зайти в дом и произнести «бисмиллях».

– А что это такое? Почему я должен так говорить? – удивился Дамхур.

– Прости, это тоже мусульманское слово. Любое дело надо начинать с него. Оно означает: «Во имя Аллаха». Под ним я подразумевал, что нужно зайти к нам и перекусить.

– Я должен сегодня вернуться домой, да и тебя оторвал от дел, – отклонил гость предложение. – Чем ездить на чужом жеребце, лучше ходить пешком. Раз мы напротив твоего дома, я, пожалуй, пересяду на своего коня!

Ведя лошадей в поводу, они спустились по узкой тропе к морю. Оно было беспокойным. Куда хватал глаз, ходили гривастые буруны, отливая зеленым стеклом. А вблизи ног с шумом разбивались мутные валы, шурша галькой и увлекая за собой белемый песок.

– Смотри, какая красота перед нами! – не удержался Дамхур. – Эта водная стихия бурлит, плещет, грохочет, точно желает выйти из берегов. Но всё же она величественна! Мудрецы учат, что бушует море тогда, когда люди чем-то досаждают богине Дзан, и она гневается. От этого и наводнения, и проливные дожди, и разливы рек. Если бы люди жили без вражды, то и Дзан была бы спокойна.

– Да, так говорили в прошлом. А теперь люди думают по-иному. Аллах один, он правит всеми стихиями. Нет силы, способной ему противостоять.

– Если ты стал правоверным мусульманином, то позволительно ли тебе разговаривать со мной? – спросил Дамхур, искоса глянув на приятеля.

– Не только позволительно, но я обязан! – с убежденностью ответил Батым. – С того, кто обратит в ислам семерых иноверцев, спишется семь грехов.

– Скучная оплата. Но ты, на всякий случай, попробуй, – шутливо бросил Дамхур. – Наверное, ты меня имел в виду? Не старайся, уважаемый, не получится.

Они пустили лошадей пастись на редкой прибрежной траве, а сами двинулись дальше, вдыхая соленую свежесть ветра.

– Я не думал об этом, и слова мои так же верны, как то, что перед нами море, – вернулся к разговору племянник князя и как-то странно посмотрел на собеседника. – Но если бы решился на такое, полагаю, тебе бы это не помешало. Даже наоборот...

– В каком смысле?

Батым хитро отвел глаза и вздохнул.

– Ты лучше меня знаешь. Но не подумай, что я великую веру хочу сделать зацепкой для твоего благополучия. Упаси меня Аллах от такого позорного шага – искать свою выгоду в несчастье другого.

– Понял тебя. Надеюсь, твои слова идут от сердца. Ты ни в чем не виновен. Расскажи, что ты знаешь о Мамхур.

– Какой может быть еще влюбленная девушка? Вы одинаково переживаете. А преграда встала одна – религия.

– Коль веры разные, то и судьбы, по-твоему, должны быть разными?

– К сожалению, да. Но есть выход. Он в твоих руках.

– Я, мужчина, должен принять веру невесты? – возмущенно спросил Дамхур.

– Никто не говорит о подобном! Как ты мог подумать? В нашей новой религии, наоборот, женщина считается рабыней мужчины. Её ни о чем не спрашивают. Мусульманин имеет право даже воровать ту, которая ему понравилась. Ты только прими нашу праведную веру...

– Брось это! Я хочу жениться на Мамхур не для того, чтобы запрячь ее вместо быка. Она присягала на коране?

– Если отец и мать присягали, то и она обязана это сделать!

– Её обязали, верней сказать...

– Ты не ошибся. Она устроила такой скандал, что отец был в гневе... Я знаю, ты никому не проболтаешься... Трижды подвели сестру к священной Книге, и трижды, касаясь ее, упрямыца повторяла твое имя. Потом только догадались...

– Что догадались? – вскрикнул Дамхур, предчувствуя недоброе.

– Гм, обмануть девушку не так-то трудно. Где угрозой, где лаской, где подарками. Всё же они добились своего. И тогда было сказано, что ты уже принял ислам...

Дамхур остолбенел. По побледневшим смуглым щекам впервые с детства побежали слезы отчаяния. Он не замечал их, задыхаясь от удушливого комка, подступившего к горлу. Парень был уже на грани опрометчивого, безумного шага, который навек бы опозорил его...

– Что же она сказала, дорогой Батым? И что теперь? – схватив за плечи приятеля, взволнованно спросил он.

– По-моему, она любит тебя больше, чем прежде. Всё это произошло на моих глазах.

– Хватит, друг мой. Больше не говори о Мамхур, – прервал приятеля парень и долго смотрел вдаль, на облачный горизонт блестевшими от слез глазами.

Они молча пошли вдоль штормящего моря. Батым, приняв строгий вид, заговорил назидательным тоном:

– Не забудь только, мой друг, что любовь девушки не стоит и капли в дождливый день. Пока ты соблюдаешь старую религию, она может рассеяться, как тучи над горами. Отречься от мусульманской веры, кто принял ее, уже не может. Таков закон. А ты поступай, как знаешь.

– Эх, Батым, ты и радуешь, и огорчаешь одновременно. Правда на столько же горька, на сколько и сладостна.

– Это так. Но я лучше других знаю моего дядю.

– И что говорит Хамсад?

– Ему уже поздно отступать. Да и куда? Только в Турцию, на крайний случай. А насчет Мамхур... Коль не возвращает твоему отцу калым, то наде-

ется... Это каждому понятно! Скажу по секрету: он обещал Мамхур, что свадьба ваша состоится, когда дочь присягала на Коране. А вскоре, думаю, он выедет в ваше княжество на переговоры. Князь, без сомнения, будет убеждать Лоу и твоего отца принять ислам, чтобы избежать кровопролития.

– Пусть тебе всегда сопутствует добро! Прошу напоследок: хоть на мгновенье покажи мне Мамхур.

– Не обессудь, это сейчас невысказано. Возможно, удастся в следующий раз.

– Другого раза может и не быть. Придумай что-нибудь! Пусть выглянет в окно, пойдет на прогулку...

– Ладно, попробуем. Только издали. Свидания не обещаю...

Через полчаса они снова были в крепости. Батым, оставив приятеля в укромном месте, отправился в дом Хамсада. Вскоре он вернулся, довольный удачным стечением обстоятельств.

– Она у себя. Через прислужницу я передал, чтобы сестра вышла на балкон, – и он рукой указал на какой.

От волнения Дамхур побледнел. Его глаза остановились на княжеском доме. Руки стали подрагивать.

– Успокойся, дорогой. А то еще в обморок упадешь, – не без иронии проговорил племянник владетеля и, повернувшись, отрывисто шепнул: – Вот же она!

Распахнулась высокая узорчатая дверь, и Мамхур в светло-голубом платье вышла на балкон. Посмотрев вниз и заметив, что брат, от которого ждала вестей, не один, она растерянно застыла на месте. На прекрасном девичьем лице глаза засияли радостью, но, немного погодя, заметно погрустнели. А затем и вовсе стали выражать печаль и безыс-

ходность. Светлый тон платья оттенил пылающие щеки. И без слов было понятно, как ей тяжело...

За спиной княжны раздался скрип двери, Мамхур встрепенулась, как испуганная голубка, и подняла голову. Взгляд ее, устремленный на жениха, выражал глубокую, преданную любовь. Уходя на зов опекунши, она взмахнула на прощанье кружевным платочком.

Дамхур стоял неподвижно. Сердце его рвалось из груди. Эти несколько мгновений, которые провел вблизи любимой, дали ему сил больше, чем месяцы разлуки. Он понял, что не только всей душой любит Мамхур и готов умереть за нее, но и любим ею! Батым не торопил приятеля, ждал, пока он сам не пошел к выходу из крепости. У коновязи они попрощались. Дамхур, прежде чем сесть на лошадь, обнял брата невесты.

6

Поездка в княжество Уардан окончательно выбила Дамхура из привычной жизненной колеи. Его беспрестанно тяготили раздумья и сомнения, а душой он находился рядом с возлюбленной. «Что же делать? Как разрубить этот узел проблем? – мучительно рассуждал он, оставаясь один. – Для того, чтобы жениться на Мамхур, я должен принять чужую веру и отречься от своего народа. Предать землю, на которой родился, обмануть надежды отца и близких людей. Не только отречься, но и стать врагом! Но так может поступить лишь тот, у кого нет ни чести, ни совести. А зачем Мамхур такой муж?» Он путался в мыслях, противоречащих одна другой. Несомненно, он должен взять в руки оружие и сражаться за веру предков! Но тогда навсегда будет потеряна любимая. А если обратиться к Лоу и отцу,

чтобы они приняли религию турок? Это позволит жить спокойно и избежать войны. Но за такие слова джандровцы, люди его княжества, могут забить камнями. В эту минуту снова брал верх рассудок, и он вздрагивал, точно от пощечины. Порою отчаяние толкало на дерзкий поступок: собрать самых смелых воинов, Мсыра и выкрасть невесту! Но ответные действия Хамсада, жестокость его покровителей, турок, принесет великие беды родному народу. Разве может считать себя человеком тот, кто на пепелище народа построил свое счастье? Если бы он пошел к Хамсаду с поклоном и принял ислам, то это означало бы, что не он женится, а на нем женились. Таким позорным шагом он, возможно, оградил бы княжество Лоу от суровой доли. Но жить на правах сиротливого щенка у отца возлюбленной не смог бы и дня!

Смятенные мысли снова привели его к Бадре. После теплого приветствия Дамхур поинтересовался:

- Как чувствует себя раненый?
- Пришел в себя, но лежит и молчит.
- Тогда разреши проститься. Будь здоров!

Бадра покачал головой:

- Ты что-то неважно выглядишь, сынок.
- Немного нездоровится. Пройдет! Я вскоре опять заеду к тебе, и тогда поговорим, - заверил парень уходя.

К месту встречи у Красной горы на этот раз он приехал раньше условленного времени. Абрек вышел к нему из-за ствола вековой липы и, дружески улыбаясь, протянул свою крепкую ладонь. Взаимное рукопожатие было залогом дальнейшей дружбы.

- Рад тебя видеть, Мсыр! - сказал взволнованно Дамхур.

– С этой минуты мы будем разговаривать как брат с братом, – доверительно проговорил мужественный абазин. – Хватит нам держаться чужаками.

– И я так думаю.

– Рассказывай, что видел-слышал за эти два дня.

– Вчера я был у моря и говорил с Батымом.

– Знаю. Потому и спрашиваю.

– Значит, ты тоже там был?

– Да. Но глаза двух людей видят одно и то же по-разному.

Дамхур передал свой разговор с племянником князя и рассказал о том, как состоялась его безмолвная встреча с невестой. Абрек внимал сосредоточенно и заинтересованно. Иногда задавал уточняющие вопросы. И, выслушав молодого ратника, поучительно произнес:

– Война с турками принесет нашему народу невосполнимые жертвы и большое горе. Это понял Хамсад и потому лижет руки туркам. Но это несчастье, которое рано или поздно коснется нас, не минует и самих туток. Османам известно, насколько горд и смел наш народ. Они не глупцы и не хотят смерти своих воинов. Поэтому и пускаются на подлые хитрости, выгодные им, подбивая князей решить всё мирно. Без крови хотят навязать свою веру, а потом – гни на них спину века! С сильным всегда говорить трудно. Признаюсь, я вчера недалеко от берега подкараулил Хамсада, который в одиночку охотился. Увидев меня, он ошалел и выпустил повод из руки. «Здравствуй, Мсыр, – проговорил он дрожащим голосом. – Почему же ты не возвращаешься домой?» – «А тебе любопытно, почему не получилось убить Чамча Раца?» – переспросил я презрительно. Он побледнел, как воск.

Всё тело затряслось от страха, а нижняя челюсть отвисла. Долго он не мог вымолвить ни слова. «В ту ночь, когда я караулил тропу Псатаха, никто на нее не ступал, кроме Раща», – продолжил я. Он встрепенулся: «Если никого больше не было, то на это воля Аллаха. Ты подумал, дорогой, что не выполнил задание, поэтому не решился вернуться и сказать мне... Аллах с ним, с Ращем, сбросил бы его со скалы и приехал в крепость. Так или иначе он погиб бы как враг ислама. А теперь скрылся от нас, подлый человек. Кстати, не знаешь, где он?» Я только намекнул, что он жив, и предложил: «Если отдашь мне Шаризу, я привезу тебе Раща». Он моментально согласился и стал упрашивать, чтобы я снова служил у него. Не понял, то ли это просьба от души или ловкое притворство, чтобы в дальнейшем найти повод разделаться со мной. Во всяком случае, он клялся Аллахом, что во всём поможет мне.

– Значит, ты решил принять новую религию? – с разочарованием уточнил Дамхур.

– Если и сделаю это, то ради моей двадцатилетней любви.

– И будешь снова жить у Хамсада?

– Да, временно. Пусть всё, что я задумал, останется секретом, по крайней мере, до того времени, пока Хамсад не встретится с князем Лоу. Но с той минуты считай меня рабом вашей с Мамхур любви.

– Можно ли рассказать о Раще князю Лоу и отцу?

– Просто необходимо! Они должны знать о нем до разговора с владельцем княжества Уардан. Их встреча должна состояться завтра. А до этого ты должен спрятать меня у кого-либо. Лучше всего, у Бадры, чтобы и священник оставался под присмотром.

Рано утром в главную крепость княжества Джандрапц въехали два хорошо одетых всадника. Как и полагалось, они оставили скакунов у коновязи и в сопровождении челяди прошли в комнату, где князь Лоу обычно принимал посетителей. Прибывших встретили радушно, подали кубки с пенистым напитком. Они пригубили их, отведали по одному ореху, а после назвали себя и сообщили цель своего приезда. Спустя четверть часа с тем же почетом, с каким встречали, их провели во двор, помогли сесть на лошадей и сопровождали до границы княжества.

К полудню в Джандрапце уже знали весть, разлетевшуюся с быстротой стрелы, о том, что приезжает Хамсад. В ожидании гостей Абазг Лоу и его приближенные заняли условленные места у ворот крепости. Князя в этот час обуревали противоречивые чувства. Долг хозяина обязывал его соблюдать вежливость и обычаи гостеприимства, но в душе он испытывал к соседу чувство, близкое к презрению за то, что принял веру врагов и встал перед ними на колени вместо того, чтобы обнажить меч. Тем не менее, гость ехал с миром, и встречать его следовало достойно. Говорящего выслушай до конца, а только потом держи ответ.

Знал Лоу, что аулы его княжества готовятся к войне. И стар и млад ждали, когда заговорит в их кузнях «наковальня Джандры». Наверняка всем был неприятен приезд человека, присягнувшего вере турок. И хотя переговоры еще не начались, некоторые со смутным подозрением относились к своему владельцу, хотя трудно было уличить Лоу в чем-то предвзятом. А он думал о том, как побыстрее завершить эти навязанные ему переговоры, которые могли принести одну единственную

пользу. Князь надеялся склонить жадного вероотступника выполнить обещание, – не препятствовать свадьбе Дамхура и своей дочери. Он считал кровным долгом соединить сердца молодых людей, любящих друг друга. Сколько раз еще до принятия Хамсадом мусульманства он отклонял требование Трама Царгича напасть на княжество изменника и разбить его войско. Нельзя в порыве мимолетного гнева решать судьбу народа. «Пусть люди видят золу твоего дома, а не то, как враг забирает твои богатства, – приводил Царгич в подтверждение своих слов поговорку. – Если Хамсад считает ниже своего достоинства, чтобы дочь вошла в мой дом невесткой, то это его право. Пусть только вернет калым. А не желает по-хорошему, то я найду более жесткий способ, который быстрее воздействует на трусливого прихвостня османов, чем любые слова». В ином случае Трам, упрямый и крутой в своих решениях, мог бы послушаться князя, своих многочисленных родственников, но не ведал он, как воздействовать на своего своенравного сына...

Фургон высокого гостя сопровождали сто отборных всадников. После традиционных приветствий Хамсада с почестями провели в просторный зал, где были накрыты столы. Участников встречи посадили по ранжиру. Открывая пир, Лоу поднял кубок и предложил тост за процветание княжества гостей и всего абазинского народа. Двое турок, сопровождавших Хамсада, не понимая слов, ерзали на своих местах и глазели по сторонам, держа в руках наполненные серебряные сосуды. Заметив это, Хамсад поднял свой кубок и подал знак, что можно пить. Но те всё не решались. Тогда Хамсад трижды произнес «Бисмилляхи Рахмани Рахим» и осушил свой кубок до дна. Турки повторили мусульманское восклицание и тоже выпили.

Лоу слушал арабскую речь нахмурясь. Ему припомнился вчерашний рассказ Дамхура, который вызвал в душе негодование. Но гости есть гости, и надо было соблюдать такт и приличие. Пир, впрочем, не затянулся. Хитренько щуря глаза, Хамсад поспешил завести разговор.

– По нашим обычаям гостя ни о чем не спрашивают три дня и три ночи. Но мы таким временем не располагаем. Даст Аллах, еще погостим у вас. Турецкие посланники находятся в Урдане больше месяца, значит, они уже не гости, а подданные моего княжества, – Абдул-эфенди и Расул-эфенди. Того, что пошлет всемогущий Аллах, не миновать. Никто от турок ничего худого не видел. У них есть поговорка: кто приходит с миром, пусть пройдет по двору, как по дороге. Но для тех, кто встает на пути и говорит «нет», у них – страшный разящий меч. Свою силу, которую даровал им Аллах, они показали всему миру. Магомет-пророк установил ислам на Земле, и его победоносное знамя турецкие друзья держат в своих руках крепко! – Хамсад с благоговением повернулся к туркам, давая понять, что хвалит их.

Воцарилась напряженная тишина. Хамсада никто ни разу не прервал, не поддержал, не услышал он и возражений. И, разбираемый досадой, гость снова заговорил с пафосом:

– Говорят, чем ближе мясо к огню, тем быстрее оно жарится. И поэтому я поспешил к вам. Наши земли граничат. Мы немало съели вместе хлеба-соли. Будет всем лучше, если в дальнейшем нас соединят одна судьба и дорога. Подумав так, я приехал к вам посоветоваться. Вероятно, вы слышали о том, что на нашу землю спустился малаик Джабраил в подтверждение Единого бога на земле и небесах?

– Да, эта молва и до нас докатилась, – с трудом сдерживаясь, подтвердил Лоу. – Но если верить все-

му слышанному, тогда зачем на плечах собственная голова?

– Ты прав, мой друг. Я тоже так бы ответил. Но дело в том, что вы только слышали об этом, а мы видели своими глазами! И я хочу, чтобы и вы всё узнали из первых уст, – возбуждаясь и поблескивая глазками, заверил Хамсад и вдруг приказал, забыв, что не дома, солидному советнику князя Лоу. – Любезный! Пойди и позови сюда Караша!

– Извини, дорогой гость, но кто такой Караш?

– Иди, они скажут! – раздраженно поторопил Хамсад.

Вскоре перед князьями предстал маленький, тщедушный и трясущийся старичок.

– Подойди ближе, боголюбивый Караш, – обратился Хамсад, поднимая руку. – Вот он, живой свидетель, который видел малаика Джабраила и разговаривал с ним. Расскажи джандровцам, как это было.

Хитрец не стал себя упрашивать. Сразу понес небылицы, набившие оскомину не только в княжестве Уардан, но и в других владениях. Впрочем, его сбивчивая речь, в которой мешались абазинские слова с арабскими, вскоре оборвалась. Князь Лоу, поглядывая на своих людей, которые слушали лжеца с недоверием, был спокоен, и в устоявшейся наконец тишине задал неожиданный вопрос:

– Как выглядел этот Джабраил? Если снова встретишь, узнаешь его?

– Аллах, который все может и знает, не каждый раз и куда попало направляет своего посланца! – поучительно заметил старик. – Малаик был весь в белом. Не только по облику, но и по речи узнаю его. До сих пор в моих ушах звучит его благозвучный голос!

– Джабраил-малаик, направляющий по ложному следу, живет не на небесах, – на земле. К чему эти ничемные детские выдумки? – жестко проговорил

князь Лоу. – Ты соврал и сам поверил в свою неправду. А теперь хочешь, чтобы и мы обманывали себя?

Хамсад, слыша это, переменился в лице. Убежденность хозяина смутила его. Заранее приготовленная вязь хитрых фраз рассыпалась. У Хамсада закралось сомнение, но он с притворным добродушием заметил:

– Каждый о своем деле знает лучше, чем другие. Я уже говорил об этом. Но у тебя нет доказательств, чтобы уличить его или меня во лжи.

– Если ты скажешь: «Докажи, что ложь!», то нам это не доставит большого труда, – многозначительно бросил хозяин.

«Этот упрямый Лоу так уверенно со мной не разговаривал бы, не располагая ничем», – осенила Хамсада догадка, и в голове пронесся целый рой мыслей. Нет на свете ни одного свидетеля, кроме Караша. Он был всё время под наблюдением и не мог проболтаться. Без разрешения своего владельца и шага не смеет сделать! Может, Мсыр? Но что ему тут делать? Даже если так, то бывший слуга почти ничего не знает об этой истории. К тому же, вчера они ударили по рукам и договорились, что Мсыр привезет Раща в обмен на Шаризу. Ради нее он готов на всё, поэтому опасаться его появления нечего. Хамсад снова обрел присутствие духа и произнес тоном победителя:

– Я должен был сказать и сказал то, что знаю и думаю. И старался сделать это ради вашего будущего. Зря не ищите несуществующего свидетеля. Лучше позаботиться о своем спасении. Если приблизитесь к Аллаху, он поможет вам. И могучая Турция проявит свою милость. Мои спутники Абдул-эфенди и Расул-эфенди сделают всё, что нужно, если откажетесь от прежней религии и примете единственно праведную – мусульманскую. Так вы очистите

души от грязи и предстанете пред Аллахом! Эфенди приехали со мной, чтобы о многом рассказать и дать свои советы, – Хамсад с подобострастием посмотрел на жующих османов.

Лоу дал знак советнику, который направил толмача к Абдул-эфенди. Важный турок обтер лоснящиеся губы и, строго посмотрев в одну и другую сторону, разразился тирадой:

– Наша непобедимая армия, на флаге которой начертано имя Аллаха, не хочет с вами войны. Сочувствует абазинам. Нет на всей земле силы, которая могла бы противостоять ей. Поверьте в единого и всемогущего Аллаха и живите по его заповедям, чтобы не случилось беды. Не давайте неверной религии дурманить вам головы. Кайтесь, и Аллах примет вас в свое лоно!

– Переведи этому эфенди, – обратился Лоу к толмачу, – что мы живем по начертаниям наших богов, и они нас вполне устраивают. Никакой другой религии, новой и лучшей, нам не надо! Если надоест своя вера, мы придем к вам и сами скажем об этом. Мы не турки, не арабы, мы – абазины. Если вы такие сердобольные, как утверждаете, то не навязывайте нам своей религии и не пытайтесь отобрать веру, которую исповедовали наши предки, а также оставьте в покое наши земли. Если это вас не устраивает, то, как говорится, вода и камни не привязаны друг к другу.

Ответ князя вверх турок в недоумение, которое сменилось злобой. Они уставились на Хамсада, давая понять, что пора отправляться восвояси. И Уардан заметно помрачнел, раздосадованный и подавленный тем, что миссия его провалилась.

– Не ожидал я от тебя, сын Абазга, такого ответа! – попенял гость, покачав головой. – Я предупредил. А вы сами роете себе яму...

– Пусть так! Но ляжем мы в нее, в отличие от тебя, неоскверненными! – воскликнул Трам Царгич, давно искавший возможности высказаться. – Ты ничем не поступил: ни соседством, ни прежними отношениями. Привел извечных врагов и хочешь из наших уст услышать, как мы поносим свои обычаи, традиции, оставшиеся от предков, и богов?! Не видать этого ни тебе, ни твоим хозяевам, ради которых стараешься, пока жив хоть один абазин, способный держать в руках меч. Мы не боимся гибели, – такова участь воина. Но никогда не примем стыда перед народом своим! И последнее, Хамсад. Если ты дорожишь родством между нами, отдай свою дочь моему сыну, как обещал, или верни калым!

– Кто сделал добро, тот до дома не добрался, – искривил губы и фыркнул новоявленный мусульманин. – Я для вас стараюсь, а вы пытаетесь унижить меня. Как мы можем добрососедствовать, если у нас разные религии? Примите самую лучшую и справедливую религию – и всё обойдется!

Его перебил покрасневший Абдул-эфенди, речь которого тут же перевел толмач.

– Князь Лоу, мы, посланники султана, желаем вам добра! Находящиеся здесь большие дворяне совершают роковую ошибку. Обсудите ваше решение еще раз. Мы готовы ждать до завтрашнего вечера. И если вы заупрямитесь, то... Потом будет поздно!

– Мы сказали всё, что хотели, – отрезал князь Лоу.

– Только Аллах говорит один раз! – включился в беседу и второй турок. – Не обижайтесь, но ваше княжество против Турции, это всё равно, что цыпленок перед орлом!

– Мы и не горим желанием биться с орлом, – раздумчиво произнес Лоу. – И не отнимаем у тебя, Уардан, твою новую веру, которой ты присягнул. Это

твоя воля и право. Но давай уладим спор и будем по-прежнему добрыми соседями. Дай, Хамсад, возможность соединиться сердцам Дамхур и Мамхур, которые любят друг друга. Осчастливь молодых!

– Я здесь непричем. Мешает делу только ваше упрямство. Моя дочь стала мусульманкой. И обручиться с женихом она может только по традициям этой веры. Выход прост. Пусть ваш парень примет ислам – и дело с концом.

– Князь Уардан, если не хочешь позора, то не будь помехой для молодых, – внушительно предостерег хозяин.

– У меня совесть чиста. Если же вы вынашиваете злой умысел, он обернется против вас же! – с угрозой в голосе проговорил Хамсад.

– Ты жестоко ошибаешься! Перед тобой, если хочешь, сейчас предстанет, – Лоу дал знак толмачу, чтобы не переводил речь туркам, – тот, кого ты сжег на костре, – Чамча Рац! Ты хочешь увидеть его собственными глазами?

Хамсад вскочил с задрожавшей челюстью. Минуту-другую он не мог ничего сказать, точно язык приклеился к небу. Отталкивающим и жалким был вид прежде высокомерного владельца княжества Уардан.

– П-п-п-рошу... не доводить до этого! – вдруг пискляво изрек гость.

– Напротив, обещаю показать этого воскресшего человека всему Кавказу, как ты повсюду таскаешь за собой нечестивца Караша, – возразил Лоу. – Если ты не желаешь разоблачений, то по-честному породнись с Трамом. Подумай, и послезавтра дашь окончательный ответ.

– Двум смертям не бывать, – попытался приободрить себя Хамсад, отводя глаза в сторону. – И то, и другое для меня лихо... Но довольно на сегодня с

меня! Вечером... вслед за нами... пришлите людей. И прибавьте к калыму...

– Вполне понятно, – кивнул Лоу, переглянувшись с Траммом. – Мудрость не оставляет тебя. Давно бы так! Только, прошу, без всяких подвохов. И можешь поверить, что в отношении Мамхур я также выполняю долг названного отца.

– Только тот, кого ты назвал, должен быть в моих руках! – взвизгнул злобно Хамсад.

– Как только Мамхур окажется здесь, ты получишь его.

Хамсад тяжело вздохнул и, точно показывая, что от судьбы не уйдешь, развел руками...

Он всячески скрывал от соплеменников, что в семье его, внешне благопристойной, принявшей мусульманство, по этому поводу вспыхивали ссоры и неурядицы. Когда Мамхур присягала на Коране, она трижды повторила не имя Аллаха, а своего возлюбленного. «Без ведома и разрешения Дамхура я не буду принимать ислам», – твердила девушка, сколько ей ни угрожали и как ни упрасивали. Однако слухи о принятии дочерью новой религии Хамсад поощрял и подтверждал лично. Верная каждому своему слову, Мамхур через советников передала отцу, что другой судьбы, как только с Дамхуром, она не желает и не представляет. Её поддерживала мать, идя мужу наперекор. Княгиня вырастила, выхолила свою дочь-красавицу и считала, что выбор ею был сделан правильно.

Хамсад из расчета или в пылу гнева и согласился бы отдать свою упрямую дочку за кого-то другого, но ни один достойный ее молодой человек в последнее время не переступил порог княжеского дома. Те немногие, которые интересовались Мамхур, узнав об уже состоявшемся сватовстве и о величине калыма, даже четвертой части которого не

могли выплатить, быстро исчезали с глаз. Когда у него стали бывать турки, Хамсад воспылал намерением отдать дочь за кого-нибудь из именитых чужестранцев. Как говорят: с одной лисы содрать две шкуры. И тут его окатывала двойная радость: если Трам со своим князем ввяжется с турками в войну, ему можно будет не возвращать калым. А с нового жениха-турка содрать подношения еще больше!

После возвращения из княжества Джандрапщ Хамсад понял, что одну «шкуру» уже потерял. Да и на вторую напрасно рассчитывать: не родился еще тот турок, который за невесту отдаст богатство. Женщина для них ничего не стоит. При желании османский воевода или начальник бесплатно возьмет его сокровище, дочь-красавицу. А если при этом еще придется возвращать Траму калым, то вообще что останется у него, Хамсада? При таких мыслях у князя Уардана мурашки пробегали по спине. Пугало его и то, что однажды дочь пыталась отравиться. Но если уступит ее Траму, то простят ли турки, так как мужем ее станет неверный?

Долгие раздумья Хамсада так и не привели ни к чему путному. На совещании, где он раскрыл свои карты, ничего утешительного не услышал и от советников. Но один из них попросил вдруг личной беседы.

– Уважаемый господин, если ты решил всё-таки отдать свою несравненную княжну за сына Царгича, то нельзя ли это совершить по мусульманским традициям?

– Говори, болван, каким образом?

– Парень должен похитить девушку.

– Хм, что-то в этом есть...

– Как говорит мулла, мужчина имеет право взять, похитить ту, которая ему нравится. Ничего зазорного в том мусульманский священник не видит.

– Прочь с глаз! Да позови ко мне Мсыра, – грубо прикрикнул Хамсад.

Когда пришел не оправдавший его доверие слуга, князь заулыбался и пригласил его сесть рядом.

– Я простил тебя за то, что нарушил свою клятву. Но все прежние дела ты доводил до конца, и я благодарен тебе. Скажи, где этот Рац?

– Дорогой князь, если ты выполнишь данное тобою мне обещание, он предстанет перед тобой, где бы ни был.

– Всемогущий Аллах! Почему люди только и норовят урвать с меня что-нибудь, ищут для себя выгоду? Теперь я сам знаю, мой друг, где скрывается этот негодяй!

– Если знаешь, тем лучше.

– Расскажи, Мсыр, как он очутился у безбожников?

– Этот вопрос задашь ему самому, он лучше знает.

– Я тебя спрашиваю.

– Если человеку не верят, то его словами и кость не посолишь.

– Еще верю, потому и спрашиваю.

– Мы с тобой уже говорили о Раце. Я его отпустил по недоразумению. Ты ведь не сказал мне прямо: убей Раца. Вот и получается, сам помог ему спастись. Я так думаю.

Хамсад подался к слуге и заговорил просящим медоточивым голосом:

– Ладно, Мсыр. О твоём деле мы договорились. Всё остается в силе. Ты получишь Шаризу в жены... А теперь слушай внимательно. Джандровцы сами отдадут мне Раца. Но он не должен живым доехать до нашей крепости. Ты должен умертвить его на том самом месте, откуда он от тебя сбежал, и сбросить со скалы по дороге к роцце Псатаха. Но это еще

не всё! Сегодня люди от князя Лоу приезжают ко мне для переговоров. А завтра вечером они должны увезти Мамхур. Будь они прокляты! Нужно сделать таким образом, чтобы моя дочь осталась в нашем княжестве. Спротивление поручаю тебе. Делай, как знаешь. И если провернешь это дело, я снова буду доверять тебе.

– Ты можешь поверить мне тысячу раз, а я тебе не поверю и единого раза! – насмешливо заключил Мсыр. – Двадцать лет я верил твоим словам, а что толку? Даже кость не «посолил».

– На сей раз «посолишь», – твердо пообещал Хамсад, давая понять, насколько серьезна его просьба. – Мы же с тобой давние соратники. Джандровцы со своими «завтра-послезавтра» всегда нарушают планы. Если бы не их необязательность, мы бы уже сегодня гуляли на твоей свадьбе!

– Дорогой князь, у нас говорят: половина сегодняшнего чурека лучше целого завтрашнего. Нам с невестой не нужны ни подарки, ни почести. Только объяви: «Сегодня свадьба!» Мы не доставим тебе никаких хлопот, обо всём позаботимся сами. Только прикажи, чтобы свадьба была сегодня, уважаемый Хамсад!

– Лишнего богатства не бывает, – усмехнулся князь. – Если уж так настаиваешь, то пусть ваша свадьба состоится сегодня вечером. Но уговор наш остается в силе. Надеюсь, ты понял! А жить вы останетесь у меня. Такую мастерицу, как Шариза, я никуда не отпущу.

Он вызвал советника и дал указания о подготовке свадьбы. Мсыр, не веря своему счастью, вышел из величественных покоев.

Вскоре прибыли посланцы из княжества Джандрапщ. На этот раз они не пригнали ни дорогих лошадей, ни скот. Прибавкой к калыму было совсем

иное. И когда Шарах, младший брат Царгича, поставил перед Хамсадом сундучок и открыл его, алчный хозяин от удивления и восторга чуть было не потерял рассудок, забыв все обиды. Он плохо слушал, о чем говорили будущие родственники, и лишь кивал головой, со всем соглашаясь.

– Обещанных сто рабов вы привели с собой? – вспомнив, уточнил князь.

– Они придут с теми, кто будет забирать невесту. Таков обычай, – ответил Шарах.

Переговоры кончились раньше, чем предполагал сам Хамсад. Ему не терпелось остаться один на один с сундучком. И когда гости отведали хлеб-соль, он даже для приличия не стал их удерживать.

– Теперь осталась самая малость, – шутиливо заговорил он, когда гости стали собираться. – Завтра вечером приезжайте за невестой. И, если сможете забрать, как велит обычай, она – ваша. И напомните про рабов! Да... Чуть не забыл сказать. Расставание с единственной дочерью меня может огорчить... Я могу не справиться с таким горем... А мои люди любят меня как отца, и тогда не миновать столкновения. Это допускает наша вера. Понятно?

Шарах переглянулся со своими спутниками.

– Насколько я понимаю, такие стычки добра не принесут. А нередко они кончаются кровопролитием. Трамсы всегда готовы постоять за себя, но оружие может омрачить радость.

– Мужчина, конечно, может не допустить этого, – назидательным тоном произнес Хамсад. – Если и случится какая-то мелочь, то не стоит из-за нее вешать головы. Для меня будущие родственники дороги и бесценны, я их уважаю и люблю, коль доверяю им свою единственную дочь. Коль было предначертано Аллахом, чтобы она стала вашей, так и будет!

8

Солнце не дошло до зенита, а Мсыр был уже в Джандрапще и разыскал Дамхура. Парень, как и предполагал абрек, находился у Бадры. В небольшом дворике знахаря, под сенью дуба вместе с приятелем было еще несколько молодых людей, окруживших покойника. Он лежал на плетнёвой подстилке под буркой. Мсыр догадался, что умер Ращ. Высокий седой старик, сохранивший стройную фигуру, давал распоряжения, где и как хоронить преставившегося. Это, как понял приехавший, делал хозяин двора, Бадра. Отпустив мальчика-проводника, Мсыр присоединился к группе мужчин. Он колебался: обычаям какой религии придерживаться? Сам он только вчера принял ислам, в котором ничего еще не смыслил, равно как не разбирался и в христианстве. Но эта последняя вера принесла пользу: любимая Шариза стала его женой, и они связаны клятвой на Коране. А всё остальное в этой религии его не интересовало, пусть занимается ею, кто хочет и кому это надо.

– Душа его принадлежала Псатаху, и он забрал ее к себе, – произнес Мсыр, подошел к усопшему, приподнял край бурки, посмотрел и трижды свободной рукой ударил по своему лбу в знак скорби, как требовал обычай. Присутствовавшие на похоронах люди не обращали на незнакомого человека внимания. А Дамхур наблюдал за своим старшим товарищем с чувством гордости и благодарности. Между тем Мсыр хранил молчание и со всеми вместе вынес покойника со двора. Процессия двинулась по окраине аула. На повороте к кладбищу, лежащему на пригорке, он попросил всех на короткое время остановиться. Щит из плетня вместе с телом опустили на землю.

– Пусть долгими будут твои годы, отец, – обратился Мсыр к старому лекарю. – Этот человек должен быть похоронен не здесь, где живут абазины, соблюдающие религию своих предков. Умерший давно принял другую веру, которой служил преданно. Прошу отдать его мне, чтобы я мог отвезти несчастного туда, где он проживал и где похоронят его по новому обряду.

– Нет, сынок, – возразил Бадра. – Свою смерть он нашел на нашей земле. Так было предначертано свыше. Могилу уже вырыли, и открытой ее не оставляют. Ни в одном ауле его не ждут, нет у него семьи. У таких людей родина там, где их настигает смерть. Не подобает над телом мертвого человека спорить, лучше предать его земле. Так будет правильно, сынок!

– Я и не думал спорить, отец. Я хорошо знаю, как он попал к вам, сколько трудов вы положили, чтобы он выздоровел. Но ему не место на кладбище, где лежат достойные люди, – не отступал Мсыр. – Я был его первым опекуном. Я его хорошо знал, оба из одного аула. Это может подтвердить Дамхур!

– Я мог бы тебе, уважаемый, поверить, если бы не слышал его слов! – не соглашался мудрец.

– Вот поэтому и нельзя его хоронить здесь! – подхватил Мсыр. – Он в чуждых словах ничего не понимал. Злые люди использовали его в своих целях, в гнусных и черных делах.

Дамхур и его друзья положили конец недолгому спору, поддержав Мсыра. Они подняли тело Раца и помогли донести до границы двух княжеств. Потом с большим трудом Мсыр и Дамхур смогли доставить покойного на заранее выбранное место и укрыли его ветками и гольшами, чтобы не добралось зверье.

Они двинулись дальше.

– Посмотри на возвышающиеся впереди горы, Дамхур. Над ними в спешке собираются большие и малые тучи. Ты знаешь, чем это кончится?

– Бог грома, Адыд, заставит их греметь. Бог огня, Аф, придаст им молний и устремит огненные стрелы вниз. А в довершение всего Дзиуара, богиня дождя, обрушит свои потоки на землю! – отвечал парень, глядя на идущего рядом приятеля.

– Вот такие же несчастья принесут нам события, происходящие вокруг нас, – со вздохом проговорил Мсыр. – Хотел сказать «брат», но не стал...

– Я тебя чем-то обидел? – встревожился Дамхур.

– Нет, дорогой, ты ничем меня не обидел. Ты чист, как детская слеза. И эта твоя душевная чистота не позволяет мне называть тебя «братом». Поспешил я тогда пожать твою благородную руку, хотя и знал, что не достоин этого.

– Ты говоришь лишнее. Извини, что перебил. Что случилось?

– Вчера я присягнул новой вере на Коране, – подавленным голосом ответил абрек.

– Тебя заставили?

– Меня заставила так поступить любовь.

Дамхур сердечно поздравил горца с женитьбой:

– Это замечательно! Но чем твоя женитьба может помешать нашему братству?

– Разве может человек, сменивший три веры, быть твоим братом?

– Я не имею права осуждать тебя. Мне-то что? Меняй еще, но начиная с конца. Главное, брат, что ты ни разу не променял сердца своего.

Мсыр растроганно приобнял парня за плечи и признался:

– Спасибо за твое отношение ко мне. Спасибо, брат Дамхур! Действительно, корана коснулась моя

рука, но не сердце. Оно принадлежит памяти предков. И об этом знает Хамсад.

– Пусть знает...

– Если бы он только этим ограничился!

– А что ему еще нужно?

– Моя душа. Те красивые слова, которые он сказал нам с Шаризой, не больше, чем приманка в капкане. Я не боюсь за свою голову, и давно бы от него ушел, если бы не Шариза. Когда я скрывался в лесу, он истязал ее, заставляя работать днем и ночью, не давая даже пот с лица стереть...

– Забери ее и уйди от него, – посоветовал Дамхур. – Ваше устройство я беру на себя.

– Если бы у меня была такая возможность! За ней ходят по пятам, считая шаги. Она как бы в плену, а я привязан к ней.

– Надо найти способ, чтобы выручить Шаризу.

– Способ есть, нет времени. А теперь послушай, что он задумал против тебя и Мамхур.

– Он предупредил, что...

– Вашим людям он сказал одно, а мне – другое! – перебил Мсыр. – Если до вечера не прибудет турецкое войско, на которое он возлагает большие надежды, отряд, которым я командую, должен отбить у вас невесту. У него останутся тогда и калым, и дочка. Соберите силы, Дамхур, и приезжайте как ни в чем не бывало. Он ждет рабов, а вы вместо них приведите сто воинов. Фургон, в котором будет ехать Мамхур, пусть не отрывается далеко. А погоню я смогу задержать, это в моих силах. Ворота крепости я также открою сам. Коль не удастся избежать стычки, береги себя, не лезь в пекло. Ты всё понял?

– Да. Но ведь Хамсад обещал, что скандала не будет...

– Ты помнишь, как я дал слово выручить тебя в трудную минуту? Настал час, чтобы исполнить

сказанное. Даже если явятся османы, я буду с тобой. Словом, готовьтесь. Отдельный твой отряд пусть расположится неподалеку. Я скажу: «Еще прислали новых рабов», – откроют крепостные ворота, а твои люди должны точно знать, как действовать...

9

Воины, которые отправлялись в княжество Уардан, были готовы ко всему. Недаром так упорно и длительно Дамхур обучал их ратному делу. Они были спаяны не только выучкой и волей командира, но и глубоким уважением к нему.

В сумерки сто рабов и двадцать сопровождавших всадников приблизились к воротам крепости Хамсада. Это был отряд для первой атаки, если таковая потребуется. Их опередили два фургона. В первом находился князь Лоу, а второй был предназначен для невесты. На окраине леса также затаился сильный и многочисленный отряд конников во главе с Шарахом, дядей жениха.

Один из телохранителей Лоу подъехал к часовому, караулившему ворота, и объявил:

– Пожаловал князь Джандрапца Абазг Лоу к уважаемому князю Хамсаду Уардану! От больших дворян Трамов приведены сто обещанных рабов. Он привез также для названной дочери Мамхур дорогие подарки в честь замужества, чтобы вручить лично. Передай мои слова хозяину!

Услышав о прибытии Лоу и о новых подарках, Хамсад снова заметался, как лучше поступить, и тут Аллах послал ему одну идею. Надо гостя хитростью поставить на священный коврик, чтобы он принял мусульманство, а за ним – и всё его княжество. Тем более, что турки подоспели вовремя, и они ждут его обращения за помощью. В том, что османы по-

могут отбить дочь, Хамсад не сомневался. Всё шло, как нельзя лучше! «К месту удачливого охотника олень прибегает сам!» – подумал он с радостным возбуждением.

– Откройте ворота и окажите князю и всей его свите самые высокие почести! – приказал Хамсад, отправляясь в особую комнату, где его должны были нарядить в богатую одежду.

Во двор въехали фургоны, всадники, вошли рабы. Лоу в сопровождении двух плечистых телохранителей проследовал в княжеские покои, куда его с почестями провели слуги хозяина. В большом зале за богато накрытым столом Хамсад сидел рядом с незнакомцем в длинном, радужно переливающимся одеянии и в яркой красной остроконечной феске. «Вероятно, это предводитель турецкого войска», – сразу же догадался Лоу. И, не обращая внимания на османа, обратился к хозяину:

– Пусть счастливым и добрым будет этот день замужества нашей несравненной дочери, мой друг Хамсад! Под небом нет другой такой красавицы, как Мамхур. Пусть ее жизнь будет долгой и красивой, как она сама!

– Да возблагодарит тебя Аллах, мой славный друг! Ассалямун аллейкум! Ты приехал, дорожа обычаями, дорогой князь, – сладкоголосо заливался хозяин, употребляя в речи турецкие слова и указывая на турка. – Этот человек – избранник Аллаха и мой дорогой гость. Он – представитель непобедимой армии Османа-паши. Поздоровайся с ним!

Лоу сдержанно кивнул воеводе и прошел к отведенному для него месту за столом.

– Если потребуется, пожму и его руку, – с усмешкой проговорил Лоу, сразу приступая к главному. – Пусть он и начальник, от которого ты зависишь, но к тому делу, ради которого мы приехали, не имеет

отношения. Я хочу видеть любимую дочь, преподнести ей подарки и поздравить.

– Успеется! Отдохни с дороги, дорогой князь.

– У названной дочери я не гость! Да и лишним временем не располагаю.

Хамсад дал знак, чтобы позвали Мамхур, а сам стал знакомить между собой важных гостей.

– Многоуважаемый Мустафа Абдурахман-эфенди, разреши представить моего соседа, князя Джандрапца Абазга Лоу. Ради нашей дружбы он дал имя моей дочери и стал названным отцом.

Переводчик быстро дублировал речь Хамсада.

– Какая у него вера? Гяурская? – набычившись, бросил турок, перебиравший толстыми пальцами костяшки агатовых четок.

– Скажи, нехристианская у него вера, – велел хозяин своему толмачу.

– Я исповедую веру предков-абазин, – поправил Лоу и тяжелым взглядом окинул османа, желая показать, что совершенно не зависим.

– Мусульманин не имеет права выдавать свою дочь за иноверца, – перевел слова турка тонкоголовый толмач.

Князь Лоу не обратил на это никакого внимания, зато хозяин с упреком протараторил:

– Вот! Поэтому я и приезжал к вам так спешно. А теперь не вини меня.

– Ты отдашь дочь сегодня, – жестко и внушительно сказал Лоу. – А если не так...

Его слова прервал приход княгини и Мамхур. Обе в белых одеяниях, стройные и большеглазые, с легким румянцем на смуглых щеках, они были необыкновенно красивы и грациозны, напоминая лебедушку и ее дитя. Улыбчивость и скромность, с которой держались прелестницы, вызывали у всех мужчин доброе расположение. Князь Лоу встал и

обратился к ним с короткой сердечной речью, назвав девушку «доченькой».

– Пусть вам всегда сопутствует добро, счастье и мир, – благодарно сказала в ответ княгиня. – Пусть рождаются дети красивыми и благополучными. Пусть всегда будет у вас хлеб и меч, чтобы были сыты и могли защититься. Ваш приезд – большая радость для меня и дочери. С нашей стороны нет никаких преград...

– Не говори, что не положено, – перебил муж.

– Я никогда не говорю лишнего, – спокойно возразила княгиня. – Уважаемый князь Лоу, поручаю тебе мою единственную дочь, которую ты так же любишь, как мы, родители. Очень прошу: береги её!

– Ты согласна поехать с нами, Мамхур? – ласково спросил Лоу у девушки, которая от волнения зарделась и опустила голову. Собравшись с духом, Мамхур взглянула на своего названного отца и кивнула, что означало: «Да!»

Лоу мгновенно оценил обстановку. Зная, что уготовано ему и его людям, он решил опередить задуманное коварным соседом. С одного взгляда его поняли телохранители, стоявшие у дверей. И, в свою очередь, дали знак ожидавшим у крыльца своим товарищам.

– Принесите подарки для Мамхур! – зычно приказал Лоу.

И тотчас в зал ворвались его воины. В мгновение ока слуги хозяина были разоружены.

– Не пугайтесь, Мамхур и княгиня. Иначе нельзя, – объяснил названный отец, грозный взгляд которого пригвоздил на месте вскочившего хозяина. – Пусть Мамхур сядет в фургон. Так будет удобно и безопасно. А тебе, Хамсад, и твоему новому дружку-осману советую не касаться оружия. Так для вас будет лучше.

Княгиня и Мамхур покинули зал, в котором царил могильная тишина. У Хамсада дрожала от негодования челюсть. В капкан, приготовленный для джандровцев, он угодил сам. И притом на глазах у турка! Вслед за женщинами вышел и князь Лоу, оставив хозяина и его турецкого приятеля под охраной.

Между тем погрузкой приданого распоряжалась сама княгиня, наблюдая, как укладывали сундуки в фургон, в который наконец забралась и ее дочь. Находившиеся поблизости воины Хамсада и янычары с недоумением наблюдали за происходящим, так как ранее их предупреждали, что должны напасть на приехавших. Не веря своим глазам, они следили за сборами и неспешным отъездом джандровцев, которые почему-то обратно угнали приведенных прежде рабов. Никакого сигнала об атаке не поступало. И только Дамхур знал, что его задерживает, давая князю Лоу и его соплеменникам удалиться как можно дальше, верный Мсыр...

Когда порыв ветра распахнул снаружи окно, князь Хамсад что есть мочи закричал, обращаясь к стоящим во дворе своим слугам:

– Стража, закрой ворота! Не выпускайте никого!

Но князь Лоу и его люди были уже за пределами крепости...

10

Оказия с выдачей дочери замуж не сильно не опечалила Хамсада. Не удалось, правда, одним выстрелом подстрелить трех зайцев, но двоих он уж точно уложил!

Во-первых, выреченный за дочку калым, хотя и не досчитался сотни обещанных рабов, был баснословный. Во-вторых, Мамхур он отдал не добро-

вольно, никто не слышал его согласия, а её увезли силой, похитили. И это – на глазах у турецкого воеводы. Лучшего свидетеля и быть не могло! Хамсад мог передохнуть и успокоиться, но беда подступила с другой стороны.

– Эти разбойники так обесчестили нас, что за это им придется поплатиться собственной кровью! – объявил турецкий военачальник. – Сегодня же от их княжества не должно остаться и колышка!

Хамсад стал искать виновных среди приближенных. Их набралось немало. Перед строем янычар и княжеских воинов многих по его приказу казнили отсечением головы, других высекли, третьих бросили в темницу. Первым виновником Хамсад считал, без сомнения, Жихи Мсыра, затянувшего команду об атаке и погоне, но трогать его не стал, поскольку только этот своеволец знал, где спрятан труп Раца.

После того, как турецкое войско двинулось на княжество Джандрапщ, Хамсад вместе с Мустафой Кемалем Абдурахманом выехал со двора, сопровождаемый Мсыром и охраной. Они направились в священную рощу Псатаха. Все еще мощное, но черное, безжизненное тело сожженного дерева служило лучшим доказательством безоговорочного отречения Хамсада и его людей от прежней, ложной, как понимал турок, веры. Потом посетили место, где покоился Рац. Наконец-то Хамсад удостоверился в смерти главного соучастника и свидетеля подлога. Он брезгливо и в то же время удовлетворенно взирал на мертвого старика.

Турок поинтересовался, кто это.

– Гяур из гяуров, – с дрожью в голосе ответил князь. – Он ходил по белу свету и порочил имя Аллаха, надеясь спрятаться от него. Но гнев Всемогущего и Всемиловитого настиг его!

– При жизни утверждал, что он малаик Джабраил! – не без умысла вставил Мсыр.

– Чтоб язык у тебя отвалился! – крикнул, свирепея, Хамсад. – Кто тебя просил вмешиваться?!

Турок, не слыша перевода последних слов, сам спросил, о чем говорят эти люди. И когда узнал, посоветовал сжечь гяура.

Хамсад желал того же и без промедления приказал:

– Возьми людей из моей охраны и сожгите этот смердящий труп!

Мсыр выдержал паузу и с расстановкой проговорил:

– Мертвого не судят. Похороним, как положено.

– Замолчи и делай то, что тебе велено! Ты не умней нас!

Первый раз в жизни Мсыр попытался перечить хозяину. Не лежала у него душа к князю с тех пор, как стал абреком и познакомился с Дамхуром. Сердцем чувствовал опытный воин, что и князь проявляет к нему притворное участие. Но что он мог изменить, если превыше всего была для него любовь, а дороже всего – Шариза?..

Уардан и турецкий военачальник в сопровождении толмача повернули в сторону аула, а с ратником оставили четверых янычар и столько же княжеских слуг. Хамсад издали обернулся, и в его глазах Мсыр уловил враждебный блеск, точно старый лис прикидывал, справятся ли с ослушником доблестные воины? Уже не первый день отважный горец ощущал острие кинжала на своей спине, не знал только, когда оно вонзится...

Мсыр спокойно присел на большой валун. Он был сосредоточен как никогда, и со стороны могло показаться, что он погружен в глубокое раздумье, но на самом деле он ни о чем не думал. Похоже было

и на то, что он вслушивается в беззвучную тишину окружающего леса, но и это впечатление было обманчиво. Казалось, он наблюдал за нависшими над дальним морем облаками, но он не делал и этого. Все его мысли, зрение, слух обращены были к тем, кто волей-неволей выступал сейчас охотниками за его душой.

Мрачные вояки все еще собирали дрова для костра, искоса поглядывая в его сторону. Наконец Мсыр встал и положил руку на эфес меча. Ничто не ускользало от его взгляда! Многоопытный ратник вовремя вступал в разговор, быстро поворачивался лицом к подходящим к нему туркам, следил за движением их ладоней. Вдруг молодой односельчанин, видимо, желая проявить рвение, выхватил кинжал и занес над головой. Мсыр перехватил его запястье левой рукой и сжал с такой силой, что парень закричал, а оружие упало на землю.

– Кто струсил хоть раз, тому руки не подчиняются, – жестко сказал Мсыр и, подняв кинжал, сильным броском вонзил в ствол бука. Османы и подручные Хамсада остолбенели. Этот абрек, сломив волю, вселил в них неведомый страх.

– Соорудите снова для усопшего каменный шатер, чтобы звери его не достали, – строго приказал Мсыр.

Они нехотя подчинились, выложив из камней и небольших валунов надмогильный склеп. Никто из них не забывал, для чего был оставлен своим начальником. И когда Мсыр, окинув недругов суровым взглядом, стал подниматься по тропинке, один из охранников Уардана не удержался, бросился следом и схватил его за ноги. Но Мсыр был готов к нападению и сокрушил противника ударом кулака! С криками остальные бросились на единоборца, подобно стае волков. Мсыр неслучай-

но выбрал тропинку вблизи обрыва и скалы. Применять здесь холодное оружие уардановцам было опасно, – кинжал мог настичь в пылу сражения своего же...

Благодаря недюжинной силе, Мсыр то кулаком, то мощными пинками отбивался от насевших врагов, разбрасывал их по сторонам. Видя несгибаемое сопротивление, большинство нападавших отступило к лесу. Лишь трое янычар, злобно сверкая глазами от бессилия, остались на тропинке. Мсыр повернулся к ним спиной и двинулся дальше по крутому склону. Момент для атаки представился как нельзя выгодным, но гордый горец, хотя и был напряжен, как натянутая тетива, ни разу не обернулся. И враги, пораженные его бесстрашием, так и не тронулись с места...

На широкой поляне, куда поднялся Мсыр, стояли Хамсад, турецкий воевода и толмач, поджидая телохранителей с вестью о выполненном приказе. Когда же увидели Мсыра, – остолбенели!

Турок потянулся было к заряженному пистолю, но воин, не останавливаясь, сделал знак рукой: не стоит. Они переглянулись, сообразили – он не собирается выяснять отношения.

Пройдя к мирно пасущимся лошадям, Мсыр вывел из табунка коня Хамсада, турка, подвел к хозяевам, спокойно подтянул подпруги, подал стремя одному, второму, а затем и сам уселся на свою гнедую.

Хамсад, глядя исподлобья, с трудом выговорил:

– Эти... негодяи... наверно, неудачно пошутили?

– Живому могилу не роют, – был ответ Мсыра, и это означало, что у него нет никаких иллюзий относительно произошедшего.

Мустафа пристально посмотрел на толмача, и тот поспешил перевести сказанное. «Всемогущий

Аллах дал этому мужественному человеку большое и бесстрашное сердце», – подумал воевода, когда из лесу как побитые псы вышли телохранители, не справившиеся с единоборцем.

Отряд двинулся обратно к аулу, и снова повел его Мсыр. Он ехал впереди, обращенный спиной к Хамсаду, Мустафе и их телохранителям, и убить его сейчас близким выстрелом было проще простого. Но Уардан, хотя и нельзя его отнести к трусам, в душе был прирожденный торгаш и авантюрист, но не воин. Все черные дела он ловко проворачивал чужими руками.

Турок был противоположностью князя. Испытанный боец, он обладал сильной волей и бесстрашием, не терял самообладания в самых трудных ситуациях, вследствие чего и в других уважал проявление этих качеств, преклонялся перед чужим мужеством и достоинством, что редко встречается у людей его положения. И сейчас он думал о Мсыре: «Таких людей с львиным сердцем и холодной головой надо не только беречь, но и привлекать на нашу сторону».

Но на следующей день после неудачного похода на княжество Джандрапц Мустафе Кемалю Абдурахману пришлось изменить своему хладнокровию. Он собрал командиров и, не выбирая выражений, гневно обличал:

– Вы опозорили армию, завоевавшую полмира! Вы не смогли покорить княжество, которое меньше левой полы бешмета! Мой приказ непреложен: завтра до обеда я должен увидеть пепел, который останется от аула абазга Лоу!

Хамсаду слышать такие слова было тяжело. Что ни говори, теперь там находилась его дочь. Но он присягнул на Коране, и его воины со вчерашнего

дня сражаются на стороне турок против своих же братьев – абазин. Джандровцы, используя преимущества местности, отражали один натиск за другим. Они укрепили единственную дорогу, ведущую в долину Мзышты, и воевали не числом, а умением: пропускали небольшие отряды неприятеля, а затем, перекрыв им путь к отступлению, разбивали наголову.

Прошли полдня, отпущенные на исполнение приказа, истек и весь день, а за ним – и второй, и третий, но захватить непокорное княжество так и не удалось. Джандрапц превратился в ощетинившегося ежа, над которым возвышалась собака: и ухватить ни с какой стороны нельзя, и с дороги не убирается. Можно попытаться сдвинуть с места, да иглы больно остры. Герои Абазга Лоу точно вросли в отчую землю и скалы, от которых ничем нельзя было их оторвать.

Тогда весь свой гнев и всю ярость подданные султана обрушили на небольшие абазинские селения, разбросанные вдоль моря. Ближайшим было княжество Дадала. Оно уже несколько веков служило верой и правдой Золотому Кресту Юстиниана. Христиане бились отчаянно. Но как может противостоять маленькое княжество, уместяющееся на ладони одной руки, такому колоссу, как Османская империя, под пятой которой уже распластаны были почти все адыгские племена? Княжество Дадала стояло насмерть, постепенно теряя людей и земли. И, тем не менее, не дни, не недели, а целые месяцы понадобились туркам для того, чтобы сломить сопротивление. И тогда на захваченных территориях всё беспощадно предавалось огню, истреблению, разрушению. Весь край искупали в крови, не оставили камня на камне!

Носители флага мусульманства, однако, не оставили в забвенье княжество Абазга Лоу, атаковали неустанно, пытаясь нащупать слабые места, пробить брешь в обороне, вторгнуться и во всю развернуть свою мощь. Несмотря на то, что количество защитников заметно поубавилось, восемь месяцев джандровцы стойко защищали подступы к своим землям, пока князь Уардан не отыскал тайную тропу и обходным маневром не ударил объединенными с турками отрядами в тыл заклятых соплеменников. Силы были неравны. Янычары превосходили обороняющихся в несколько раз. Но и теперь джандровцы сражались бесстрашно до тех пор, пока не пал последний воин. С безумной жестокостью и безо всякой жалости сожженные аулы Мзышты были затоплены кровью безвинных людей, а тех, кто был моложе и посильней, захватчики погнали в порт, на невольничий рынок Уардана. Сам князь и его телохранители повсюду искали в разоренном княжестве Мамхур, но её не только не удалось найти, но даже напасть на след.

Ни от кого Хамсад не смог выведать, что в последний день сражения Лоу приказал снарядить караван, который должен был отправиться через перевал на новые земли. Среди тех, кто мог спастись, была и Мамхур. Но она наотрез отказалась уходить, как ее ни уговаривали. Отважная красавица рядом с мужем и его воинами противостояла врагам, метко разя их стрелами. Когда же и Дамхур стал настаивать на ее отъезде, она непокорно ответила: «Я буду там, где ты. Если и придется умереть, то лишь с тобой вместе». Узнав об этом в самый трудный час атаки турецкого войска, Трам Царгич безоговорочным тоном обратился к сыну: «Ты, Дамхур, снискал

звание бесстрашного героя и сильного воина. И никто не упрекнет тебя в том, что ты покидаешь княжество. Приказываю тебе и твоей беременной жене немедленно покинуть крепость и догнать караван. Я не позволю угаснуть нашему роду. И вы должны его сохранить!».

Дамхур и его жена мчались на лошадях, пока было возможно, а затем повели их в поводу, преодолевая склоны и безымянный хребет. Тут, похоже, редко ступала нога человека. По осыпающейся галечной тропе они двинулись дальше, хотя силы были на исходе. Дамхур с волнением поглядывал на свою возлюбленную, но она не роптала, не жаловалась, – стоически следовала за мужем. И это только придавало сил ему, взявшему на себя ответственность и за безопасность Мамхур, и за жизнь будущего ребенка.

В горах расстояние кажется небольшим, но когда движешься, то намеченная точка отдаляется, отодвигается от тебя. Стоит только немного ошибиться, и можно потерять свою цель. Путники шли вдоль ущелья, ориентируясь на большую гору, накрытую белой папахой снегов. Туда, как знал Дамхур, можно попасть двумя способами. По первой тропе, более удалённой и петливой, Мсыр, будучи абреком, ходил к адыгам. Но осилить такую дорогу ни его жена, ни уставшие лошади, не отдохавшие почти сутки, не смогли бы. Второй вариант был более приемлем, но опасен. Он был известен и Уардану, который мог сделать там засаду. Оставалось искать третий путь.

Покинув ущелье Мзышты, путники достигли устья реки Дзыхра, которая пересекала княжество Айыбга, принадлежащее абазинам-ашкаруанцам. Дамхур знал, что местному народу раньше других пришлось испытать все ужасы мусульманского

нашествия. И точно в подтверждение этому ветер донес издали гарь пожарищ. Вскоре Дамхуру и Мамхур удалось напасть на след каравана. Сколько рек и речушек, сколько ущелий и крутых склонов пришлось преодолеть им, пока вышли к горе под старинным названием Аходара! Каких трудов и страданий стоило им добраться до этого места за десять суток пути, питаясь чем придется, спасаясь от зверей и обходя заставы недругов. Дивился Дамхур, откуда только силы брались у его жены, выросшей в княжеском доме, в тепле и достатке? Но она с честью делила его судьбу!

Взгорье, куда они добрались, было пустым и голым, да еще тянуло от дальних снежных вершин холодом. Идти дальше к перевалу не позволяло ни состояние Мамхур, ни усиливающийся холод, ни близкая ночь. Спуститься обратно вниз – еще рискованней. Они могли столкнуться с теми, от кого убегали. Вдали открывалась долина реки Бзыбь, которая вела к морю. По ней попадешь в княжество Хакарапщ, или по-другому – Гагрипщ, которое также долго сражалось с османами. Восточнее его лежали земли княжеств Макалрипщ, Чагарипщ, а западнее – Багрипщ, Гуандрипщ, Сандрипщ, Садзрипщ, Шаш и другие. Все они захвачены мусульманами, которые огнем и мечом насаждали свою веру. Ближе других находилось княжество Псху. Но, чтобы попасть туда, нужно было одолеть гранитную громаду горы Аходара и спуститься к подножию, где вдоль берегов Бзыби расположилось это княжество.

Дамхур, обследовав окрестность, нашел пещеру, где можно было переночевать. Затем собрал хвороста и дров, принес из ледникового ручья кувшин воды. Как мог, поудобней устроил жену. Они оба сознавали, что положение их намного сложнее, чем

у караванщиков, которых заранее подготовили и снабдили всем необходимым в дороге. А они, схватив в самый разгар боя только то, что попало под руки, оказались малозащищенными от дорожных невзгод.

Укрывшись в пещере, беглецы попытались уснуть, но мысли снова и снова возвращались к пройденному пути. Во-первых, он потребовал времени гораздо больше, чем предполагалось. Во-вторых, если бы не оружие, с помощью которого Дамхуру удавалось охотиться, дела их были бы совсем плохи. Выручали и поздние плоды ягод, орехов, айвы, которые еще попадались. Тем не менее, они так отощали, ослабли и выбились из сил, что однажды Мамхур, не сдержав слез, предложила мужу оставить ее, чтобы спастись хотя бы одному. Дамхур взял ее руку в свою, улыбнулся и попросил любимую немного потерпеть, поверить в то, что всё окончится благополучно. Когда думаешь о трудностях, становится вдвойне тяжелей. Дамхур это хорошо понимал, и каждый раз, когда жена спрашивала: «Далеко ещё?», он вместо ответа награждал ее нежными, красивыми словами. Вот и минувшим вечером, когда жарил на костре козлиное мясо, отдавая жене лучшие кусочки, он рассказывал смешные истории, обсуждал с ней дела счастливого будущего. И Мамхур точно зарядилась его оптимизмом, ответно шутила и выглядела бодрей, чем прежде.

Ранним утром, взяв в руки длинные палки, заранее приготовленные Дамхуром, они стали подниматься вверх по едва различимой каменистой тропе. Мамхур было очень нелегко, – она шла в продырявленной обуви, и мелкие камешки, попав вовнутрь чириков, изрезали ее ступни. От боли и переутомления ноги молодой женщины опухли, их сводило судорогой. Дамхур положил руку лю-

бимой себе на плечо, а своей левой рукой обхватил ее талию и повел, медленно ступая, рядом с собой. Только великая любовь к мужу и жажда жизни заставляли ее шагать, хотя, казалось, к ногам были привязаны пудовые гири. Несмотря на непреходящие страдания, Мамхур продолжала идти, глядя на мужа преданными глазами и отвечая порой на его шутки. Дамхур не терял присутствия духа, и это помогало ей преодолеть головокружение и боль во всем теле...

Кончался один подъем и – круто взмывал в небо следующий! Сделав короткую передышку, они смотрели друг другу в глаза и снова соединялись руками. Так по невидимой лестнице они поднимались в поднебесье. Гряда облаков осталась под ними. Здесь, на высокогорье, перед глазами встали радужные круги, ноги налились свинцом, голова закружилась еще сильнее от нехватки воздуха, а язык будто прилип к небу. Ко всему, солнце слепило и пекло нещадно! Они уже не шли, а едва брели вперед.

– Вот это – последняя преграда, – проговорил взволнованно Дамхур, кивнув на очень крутой и скользкий подъемчик. – С вершины мы увидим долину, куда спустились наши по ту сторону хребта.

– Как хорошо! Если осталось только это, то, считай, мы дошли, – слабым голосом ответила возлюбленная, и лицо ее осветилось улыбкой.

Он снял со спины скрученную бурку и постелил на землю. Когда Мамхур прилегла, он положил ее голову на колени и позволил выпить немного воды из кувшина, дал несколько ягод кизила, придающих бодрость. После передышки они двинулись дальше. Солнце встало в зенит, паля землю. Мамхур окончательно выбилась из сил. Он снова сделал небольшую остановку, вспомнив поговорку Мсыра: «Кто в трудную минуту уронил сердце, – пропадет и сам».

Но черные разрозненные тучи, собравшиеся на западе, встревожили их.

Эта мгlistая наволочь напoлзала навстречу, приближаясь к солнцу. В народе в таких случаях говорят: «Солнце пошло на водопой». Дамхур отлично знал, что это означает. Столкнутся клубящиеся облака, расколуют их молнии, – и начнется дикая свистопляска, безудержная гроза! Стихия эта в горах вовсе не то, что на равнине. Если нервы у тебя слабые, можешь сойти с ума! Бог Адыд непредсказуем, если он гневается на грешных землян, то разразится громами и молниями, градом и ураганами, всё сметающими на своем пути! А ежели смилостивится ради богини Дзиуары, которая ответит ему обильным и тихим дождем, – очистится воздух, вздохнет после зноя и поднимется растительность, утолит жажду иссушенная земля.

Их жизнь, как понял Дамхур, сейчас зависела от воли богов. Он встал на колени, воздев руки к небу, и обратился громким голосом: «О всемогущий и великий Адыд! Уйми гнев и помоги нам. Отведи беду от нас и дай нам легкой дороги. Во имя нашего светлого Псатаха!»

И словно в ответ на его молитву с горы, покрытой побуревшим летним снегом, сорвалась молния и, на миг осветив всё, угасла. Следом вдали загремело небо. Поминутно переключка громов приближалась, и через короткое время раздался такой удар, что содрогнулись горы. Задрожала и Мамхур, прижавшись к мужу и спрятав лицо в отвороте его бурки. Потом подняла голову и, оттолкнувшись от земли руками, встала.

– Пора, любимый! За меня не беспокойся. Куда поведет нас мудрый Псатах, туда и придем.

Преображение, случившееся с женой, ее бодрый голос, вселили в Дамхура надежды. И они пошли

так, будто только что пустились в дорогу. За короткое время большая часть крутого склона осталась за плечами, и до вершины уже было подать рукой. Но ноги вновь подвели Мамхур, она с трудом преодолевала каждый шаг. И тогда муж взял ее на руки и с упорством обреченного нес до тех пор, пока хватило сил.

До вершины оставалось не более ста шагов, когда обрушился ливень. В горах он бывает долгим и обильным, а тут вдруг внезапно оборвался. И вслед за этим стало непривычно тихо, пасмурно, точно осенним днем. Посвежело. «У разозлившегося мощь утраивается», – вспомнилась Дамхуру поговорка. Он сам бы не смог объяснить, откуда нашлись силы, чтобы дотащиться до вершины, волоча жену на бурке по мокрой каменистой тропе.

Эта трудная победа окрылила их, по-новому открыла мир. Прояснилось небо. Выглянуло солнце, озарившее горы и ущелье. Отсюда, с вершины, перед ними распахнулась такая панорама, такая величавая красота, что невозможно было оторвать глаз! Они стояли, обнявшись, и радовались, как дети, поверившие в то, что мечта их сбывается...

Когда одежда их высохла на солнцепеке и, подкрепившись мясом, обрели силы, Дамхур с женой решили спускаться по тропе, петляющей между двумя невысокими хребтами и справа примыкающей к основной дороге на равнине. Но там, внизу, они заметили цепочку людей, – по мере того, как пешие выходили из-за поворота, их становилось всё больше и больше. Дамхур напряг зрение и глухо воскликнул:

– Отряд!

– Какой отряд? Чей? – замерла от недоброго предчувствия возлюбленная.

Дамхур молча приглядывался. Предстоящая встреча с воинами, идущими навстречу, ничего хорошего не сулила. По всему, предстояло еще одно, труднейшее испытание...

Мамхур и без слов поняла мужа.

– Нужно укрыться от них, кто бы они ни были, – твердо сказала она. – Если эти мужчины рождены женщиной, ничего дурного со мной не сделают.

– Поздно, да и где уберечься? Они идут сюда за моей смертью и твоей жизнью.

– Если они идут с такой целью, то им это не удастся, – непреклонно возразила Мамхур, и ее прекрасные глаза потемнели. – Не для этого я поднялась с тобой на вершину, душа моя, Дамхур!

После раздумий, когда тучи вдруг снова застлали солнце, и похолодало, Дамхур проговорил с нежностью в голосе:

– Любимая моя, это воины твоего отца. Они не твои враги, а мои...

И в первый раз за всё время их знакомства и совместной жизни, жена перебила его:

– Твои враги – и мои враги, Дамхур.

Он обнял жену за плечи и попытался утешить.

– Бог весть, этих людей не так уж и много. Не более полусотни. Может, это абреки. Или еще неведомые нам воины. Постараемся договориться с ними, если это не враги...

Увы, за несколько сот метров худшее подтвердилось. Это была погоня Хамсада. И ни о каких переговорах не могло быть и речи. По мере того, как уардановцы приближались, воинственный дух Дамхура поднимался от сознания, что предстоит борьба, пусть и неравная, но он ни за что не отступит, не склонит голову. Ведь в его жилах течет кровь гордых и мужественных дворян Трамов. Неизвестно, как бы повел он себя при других обстоятельствах. Быть может, это и безрассудный шаг, но сейчас Дамхур дол-

жен был воспользоваться последней возможностью доказать свое мужество и презрение к предателям родного народа. И поступить иначе он, сын Трама Царгича, не имел права, потому что позор пал бы и на того, кто был в утробе матери, его жены Мамхур.

– Не бойся ничего, свет сердца моего, – ласково сказал Дамхур любимой. – Коль наш бог послал по этой дороге нас с тобой, значит, такова его воля, и никто не имеет права оспаривать ее. Спрячься за тот дальний валун, что на краю пропасти. Я проверял, там есть ниша. И никому из воинов твоего отца, думаю, не взбредет в голову залезть туда.

Она, с глазами полными слез, долго всматривалась в лицо любимого, точно старалась запомнить каждую его черточку. А затем, с горьким вздохом, повиновалась и побрела к укрытию.

Зарядив пистолет и проверив в ножнах кинжалы, которые могли понадобиться в бою, Дамхур взял в руки обнаженный меч и двинулся навстречу врагам. В месте, где сужалась тропа вблизи пропасти, сойтись могли лишь двое. Оно было очень выгодным, поскольку это не давало возможности урдаповцам легко окружить его.

И раздался лязг скрестившихся мечей! Шедший впереди отряда детина, обезглавленный, полетел в бездну. Со вторым мороки оказалось больше. Он всячески пытался выманить Дамхура на широкое место, чтобы товарищи пришли на помощь. Но храбрец понял замысел, и вместо того чтобы наседать, сам попятился. Враг принял этот маневр за трусость и бросился с занесенным мечом следом. Но Дамхур резко присел, меч просвистел у него над головой. И в тот же миг атакующий рухнул, пронзенный насквозь.

Дамхур держался хладнокровно, понимая, что надо беречь силы, перед ним очень, очень много врагов. Со следующим схватка была короткой. Дамхур ударом меча обезоружил его, и трус со страха

сам прыгнул с обрыва. И снова стонала сталь, и на узкой тропе потомок Трампов отстаивал честь своего народа. Дамхур бился, не ведая пока ни усталости, ни чувства страха. Он только осознал, падая и отступая с веселой усмешкой на лице, что сегодня суждено ему пасть на поле брани, а сзади нет никого, кто бы впоследствии взял в руки меч и отомстил бы за него. Да и любимая Мамхур снова угодит в звериные лапы своего отца...

На узкой тропе уже лежало множество вражеских трупов, а сколько улетело с обрыва в пропасть, никто не знал. Дамхур сражался, как разъяренный лев, забыв обо всём на свете. Растерявшиеся от умелого сопротивления одинокого ратника, уардановцы решили подобраться к нему сзади и стали искать обход, а часть из них вскарабкалась на скалу, стреляя оттуда из луков и пистолетов. Как ни уворачивался от них Дамхур, но пуля подбежавшего врага всё же попала ему в бедро. Он вздрогнул от боли и мощным ударом меча успел пронзить грудь стрелка!

Подступившая слабость заставила Дамхура покачнуться и стать на колени. Увидев это, уардановец, находившийся ближе других, с ликованием кинулся добивать поверженного. Но сын Царгича и теперь не уступил: взяв кинжал за кончик острия, он метнул его навстречу врагу. Удар был настолько точен, что оружие вошло в сердце врага по самую рукоятку.

Силы Дамхура стремительно убывали, он понял, что настала последняя минута. Хотел позвать любимую, но не смог произнести даже слова. Но и тут мужество не покинуло ратника. Собрав в кулак всю свою волю, он вытащил из-за голенища сапога маленький кинжальчик с позолоченной рукояткой – подарок жены. Уперев его левой рукой в землю, он повернулся и сильно налег на него грудью. Подоспевший враг отпрянул в испуге и услышал то

ли стон, то ли тихое имя «Мамхур», произнесенное умирающим героем...

Воины князя Уардана нашли Мамхур в укрытии, и по тому, как они вели себя, она поняла, что любимого больше нет... Жизнь вмиг утратила смысл. Увы, для исполнения возникшего решения необходимо было оружие. Правда, в сумке для еды хранился небольшой ножичек в кожаном чехле. Но эти, окружившие нелюди, не дадут добежать и выхватить его. А прикосновение чужих рук сейчас было для нее хуже лютой смерти.

– Случилось то, что должно было случиться, – произнесла она удивительно ровным голосом. Но ее поднятое лицо, прямая фигура, черные отрешенные глаза, бусинки слез на щеках, – всё говорило и о безутешном горе, и о властном характере.

– Если у вас есть сердце, покажите мне его труп, – потребовала Мамхур.

– Неужели ты еще хочешь видеть эту собаку, из-за которой погубила себя? – с раздражением спросил коренастый бородач, вероятно, командир отряда.

– Это для тебя он такой. А для меня нет на свете человека прекрасней!

И даже не взглянув в сторону врагов и не ожидая от них позволения, Мамхур побрела вниз по тропе, которой раньше шел любимый. Она едва двигалась, отрешенная и величественная в своем горе. Остолбневшие воины провожали ее взглядами, и никто не догадывался, что у княжеской дочери на уме. Их долг был найти ее и доставить отцу. И это удалось, – пусть немалой ценой. За дочку обещал Хамсад каждому богатые подарки. И своевольница уже была в их руках!

Обойдя убитых врагов, Мамхур подошла к мужу. Он лежал боком на белом, как снег, мелком щебне. Видимо, женское любящее сердце оледенело. Ни стола,

ни крика не вырвалось из ее груди. Мамхур опустилась на колени рядом и долго всматривалась в неподвижное лицо мужа. Затем попыталась повернуть за плечи на спину, но не хватило сил. И вдруг снова за черными тучами исчезло солнце, и раскатился по всему небу гром. Адыд начинал гневаться! Мамхур медленно и тихонько провела ладонью по холодной щеке возлюбленного и, наклонившись, быстро осыпала ее поцелуями. Воины, призывно окликаая, стали приближаться. Обуреваемая ненавистью к ним, Мамхур вновь взялась за пояс мужа, рванула на себя и освободила рукоять запасного кинжала, который так и не пригодился в бою. Рывком вытащила его из ножен, радостно и пристально посмотрела на лезвие, – точно бы получила самый драгоценный подарок. Затем прошептала имя любимого, закрыла глаза и из последних сил вонзила кинжал в сердце...

12

Прошел дождь, отгремел по гранитным скалам град. И над горами стал подниматься пар, точно от раскаленного железа, опущенного в воду. Воины Хамсада, которых так коварно постигла неудача, понуро и молчаливо готовились в обратную дорогу. Трудно было предугадать, как поступит с ними князь, увидев труп дочери.

Но, как говорится, человек предполагает, а бог располагает. Не успели они одолеть и полверсты, как увидели идущий им навстречу по склону многолюдный караван. Сопровождавшие его воины вели лошадей в поводу, по численности их было значительно больше.

– Это – Мсыр! – испуганно заключил наблюдатель, поворачиваясь к старшему в отряде уардановцев. – Скарб. Дети. Старики.

– Не болтай чушь! Чтоб ты головой в костер угодил! – сердито ответил тот. – Откуда в горах взяться Мсыру? Это обыкновенные беженцы.

– Может быть, и так, – с оттенком сомнения произнес один из воинов, горбоносый верзила, приглядываясь к растянувшейся веренице людей и лошадей. – Мсыр давно не слуга Хамсада. И разве такой смельчак, как он, не мог воспользоваться возможностью увезти свою жену?

– Кто изменил князю, тот изменил и нам! – возмущенно выкрикнул командир отряда. – Его тело, как и врага Дамхура, мы покажем Хамсаду.

– Если Дамхур положил столько наших воинов, то с Мсыром и подавно связываться не стоит. Никто из нас не уцелеет, если столкнется с абреком, – сурово предупредил пожилой воин.

– Да, это Мсыр! – уже без сомнения промолвил тот, кто первым узнал бывшего слугу Уардана.

– Он или не он, – нападём и пленим конвой, – грозным тоном пресек все разговоры командир. – Его я беру на себя, а вы – остальных.

Между тем караван и отряд Хамсада сблизились настолько, что стали хорошо различимы лица. Мсыр рассмотрел тех, с кем не раз встречался в княжестве. Он приказал людям укрыться за скалами, а сам подтянул подпругу седла, приготовил к бою оружие и вскочил на выносливую Хакаку – орлицу, подарок Дамхура. Та понесла его вперед неторопливой рысью. Увидев это и поминутно слыша призывы отступить, не принимать бой с отважным абреком, командир истошно завопил:

– Что же нам делать? Куда идти?!

– Отступить! Уходим, пока он не добрался до нас! О Аллах, пронеси несчастье стороной! – раздался в ответ хор голосов.

На ровной площадке Мсыр спешил, поправил доспехи, взял в руки огромный меч и, толкнув ло-

шадь, пошел позади нее по тропе, чтобы не стать легкой мишенью для шальной пули или стрелы. Но с каждым шагом расстояние, отделявшее его от врагов, увеличивалось. «Удирают, бедолаги. Трусят!» – с презрением подумал бывалый воин о недругах. Вдруг жеребец его всхрапнул и остановился. Впереди, на каменистой тропе, лежал убитый, по сторонам – еще несколько вражеских трупов. Приглядевшись, он узнал в лежащем перед ним мертвечке одного из лучших воинов Хамсада. «Неужто они дрались между собой? – засомневался Мсыр. – Нет, скорей всего, их перебили абреки».

Ясную картину случившегося он установил, когда наткнулся на трупы Мамхур и Дамхур. Мсыр, о силе и мужестве которого ходили легенды в горах и на берегу моря, стоял неподвижно, побледнев, как мел. Сердце сжалось от страшной боли, а подступивший к горлу комок душил его. Слезы катились из глаз. Первый раз за всю свою жизнь он растерялся, долго не мог взять себя в руки. Если бы все несчастья и невзгоды, перенесенные им, сложились воедино, то и они не обескуражили бы его так, как это горе, с которым он столкнулся сейчас. Голова предательски закружилась, и чтобы не упасть, Мсыр сделал несколько шагов назад и прислонился к скале. Он стоял, не зная, на что решиться, а действовать надо было без промедления, как трудно это ни казалось. Он мотнул головой и крепко сжал зубы. И, обретая прежнюю силу воли, пристыдил себя: «Дурак, раскис, как баба, и отпустил этих гадов без возмездия. Нельзя больше терять ни одного мгновения: месть, месть, месть! Дорого же вам обойдется смерть дорогих мне людей!»

Мсыр перенес трупы княжеской дочери и своего друга на траву, положил их рядышком. Затем встал, чтобы обратиться к небу и дать клятву отомстить

врагам, покарать их беспощадно. Но увиденное заставило его содрогнуться. Мсыру показалось, что Мамхур дышит, и он решил проверить это, чтобы не осталось сомнений. Он выдернул из ножен кинжал, отер его полый бешмета и несколько раз поднес его к губам Мамхур. Но, к великому сожалению, лезвие кинжала нисколько не запотело. Он провел рукой по лицу и – ощутил холод. Пропала и эта надежда...

Он поднялся и с трудом выпрямился, но видение повторилось: сердце Мамхур билось. Что за чертовщина? Мсыр снова опустился на колени и внимательно присмотрелся к телу Мамхур. Оно едва заметно... вздымалось. Догадка обожгла огнем! Нужно проверить. И эта проверка рассеяла все сомнения. Живот женщины был теплый настолько, что ладонь почувствовала это сквозь одежду. «В утробе ребенок. Он живой», – безошибочно понял он.

Опытный, повидавший на своем веку многое, Мсыр острым кинжалом взрезал живот и вытащил живого ребенка, мальчика, который тут же заревел, словно говоря своим плачем: «Зачем ты меня вытащил в этот грязный и беспокойный мир?» И этот крик новоявленного на свет живого существа заставил ратника забыть обо всем на свете, даже о мести. Завернув его в башлык, он поспешно двинулся к каравану, в котором находилось немало женщин.

Новорожденного поручили немолодой княжеской повитухе, понимавшей толк в таких делах. Принесли и нагрели на костре воду, искупали младенца. Но и купание не уняло его плача. «Дайте мне материнскую грудь, накормите молоком!», – требует его охрипший голосок. Но как выполнить здесь, в горах, это требование? Пожилая женщина и Шариза по очереди дают грудь, пытаются успокоить ребенка, но зачем ему пустая грудь.

Мсыра мучает бессилие. Муж повитухи решает сняться с места и поскорее спуститься в долину, не теряя времени:

– Раз бог доверил его нам, то даст ему пищу.

Эти слова вывели Мсыра из оцепенения. И тут его взгляд упал на молодую кобылку, которая паслась неподалеку. Глаза ратника заблестели, озаренные надеждой. Он стреножил лошадь арканом и стал разминать затвердевшее вымя, хотя она потеряла жеребенка уже две недели назад. Возился он долго, однако его труд не пропал даром. Ему удалось надоить шесть-семь наперстков молока.

Только после того, как малыша покормили, спутники узнали правду о том, каким образом появился на свет этот божий младенец. Не утаил Мсыр и об участии его родителей, которых караванщики до захода солнца предали земле.

– Теперь надо дать имя новому человеку, – обратился Мсыр к старшему из мужчин, когда были готовы два могильных холмика.

– Я предлагаю дать ему твое имя, – ответил мудрец. – Ты столько сделал для его родителей и для новорожденного, что заслуживаешь такую честь.

– Нет, уважаемый. Я всего-навсего исполнил свой долг, – возразил Мсыр. – Он должен носить имя, которое соответствовало бы его появлению на свет.

– Малыш вступил в мир из страдания, из аджара, – подумав, рассудил старейшина. – Будет лучше, если мы его так и назовем. Когда повзрослеет, это ему напомнит об отце и матери. Пусть растет таким большим и сильным, как эти горы, среди которых он появился на свет. И да прославится имя его благородными и мужественными делами во славу нашего народа! О Псатах, могучий бог наш! Ты унес много жизней, а взамен дал одну крохотную. Пошли ему жизнь долгую и счастливую, да прибавь ему

еще столько лет, сколько не дожили его родители. Сохрани, великий Псатах, его нам, Аджара Трама!

Старейшина говорил с таким жаром и таким усердием, вознеся руки и глядя в небо, что окружавшие его соплеменники также устремили взоры ввысь, точно надеялись узреть там самого Псатаха. Так они воздали скорбные почести умершим и приняли в свои ряды нового человека.

После преодоления последнего перевала идти оставалось недалеко, но Мсыр спешил, как никогда. Поручив руководство караванщиками старейшине, он, взяв на руки младенца, ринулся вниз по склону. Трудные дороги привычны для абрека, но не для грудного ребенка, который подолгу плакал. Мсыр понимал, что не время сейчас обращать на это внимание. Он, переживший столько горя и невзгод, привыкший находиться под прицелом стрелы и пули, никогда не терял хладнокровия, а крик беспомощного мальчика разрывал его сердце.

«Жизнь заставляет идти на всевозможные выдумки», – говорят в народе. В этом пришлось убедиться и Мсыру. То, о чем вчера он вообще не знал, сегодня уже освоил, то, что никогда не делал, сегодня выполняет умело и со сноровкой. Он часто думал о своей судьбе. На всем белом свете не найти человека более алчного, хитрого и безжалостного, чем Хамсад, которому он служил долгие годы, а затем был вынужден, взяв с собой верных людей, вместе с любимой Шаризой искать счастье и свободу в других краях. Тогда, в кровавый час войны с османами, он двинулся по следам Дамхура и Мамхур, желая поскорее присоединиться к ним. Но этому не суждено было случиться, и все светлые надежды рухнули навсегда. Главной целью его жизни теперь стал – Аджар. Если бы Мсыр точно знал, что ценой его собственной головы можно сохранить мальчику жизнь, он бы не сказал «нет». И теперь, держа

новорожденного на руках и покачивая в такт своим шагам, он подбадривал его веселыми и ласковыми словами, но что может понимать человечек в трехдневном возрасте?

Мсыр торопливо, но осторожно спускался по склону, а Хакака покорно следовала за ним позади. Наконец путник добрался до нахоженной тропы, что свидетельствовало о близости человеческого жилья. На вершине невысокой лысой горы он заметил огромного дикого козла, обзирающего местность. Наверняка этот круторогий часовой оберегал свое стадо. Мсыр положил младенца на траву, достал из седельной сумы кувшинчик, вооружился луком. В стаде, он знал по опыту, козлята ходили вместе с матерью. И ничего сейчас не было лучше для Аджара, чем козлиное молоко. От радости охотник забыл даже, как нелегко бывает доить козу.

Мсыр незаметно подобрался к стаду, скрываясь от глаз грозного стража за выступами валунов. Глаза его сразу выхватили козу, подле которой резвился уже довольно рослый козленок. Он прицелился в него, но плач Аджара наполнил душу неуместной жалостью, и руки сами опустили лук. Не смогли выстрелить в резвого прыгучего козленка, в белой курчавой шерсти. Однако стадо вдруг встревожилось, и Мсыр поспешно выпустил стрелу, которая уложила козу на месте. Он бросился к ней, спугнув козлиное семейство, и надоил почти полный кувшинчик молока.

Недаром говорят в народе: «Кто появился на свет со ртом, для него и пища найдется». Хотя Мсыр и не был богом, но сохранил для рода Трамов их потомка Аджара. Когда он догнал караван у Мшышты, то окончательно убедился, что мальчик – жилец на этом свете. Ребенка отдали одной из снох Абазга Лоу, которая кормила его грудью, а сам Мсыр остался при нем жить вместе со своей любимой Шаризой.

Художественное воплощение тысячелетней истории

В истории абазинского народа есть свои незабываемые страницы. И память о прошлом – это не только воспоминание о былых подвигах и победах, героических свершениях, легендарных предводителях, это также памятование о неудачах, ошибках, заблуждениях, трагических событиях. Прошлое своего народа нужно знать, чтобы жить сегодня и быть завтра. Появившиеся в 1981 – 83 годах романы К. Джегутанова «Золотой крест» и «Лаба» – факты бесконечной жизнеспособности абазинского народа, его исторической памяти.

Действие диалоги не просто удалено от нас на целые столетия, оно охватывает огромный пласт времени, исчисляющийся тысячелетием. Автор не разворачивает непрерывное бытописание абазгов – абазин на протяжении всего этого временного пространства, а обращается к важным историческим вехам, погружает читателя в переломные, трагические периоды,

**Литературо-
ведение**

связанные с насильственной христианизацией и исламизацией, выписывая их подробно, показывая, как проходил процесс обращения в новую веру.

Время действия второй части «Дамхур и Мамхур» приходится, скорее всего, на 16-й век, когда турки завоевали Византию и стали приглядываться к другим близлежащим землям. Первая глава ее и являет собой некую историческую справку, связывающую между собой события, между которыми пролегло почти тысячелетие.

Хотя роман «Лаба» вышел отдельным изданием в 1983 г., по сути, он является прямым продолжением «Золотого креста». Основные герои и персонажи здесь те же, что и в предыдущей части, время действия – вторая половина 17 века. Финал романа приходится на конец русско-турецкой войны 1672 – 1681 гг.

Таким образом, в основе романов К. Джегутанова «Золотой крест», «Лаба» лежат исторические факты, показывающие жизненный путь абазинского народа с древнейших времен, его борьбу против иноземцев и насаждения чуждых религий. По форме изложения диалогия представляет особый вид дневниковой записи, но каждый конкретный факт, образ, событие изображается в общей связи с эпохой, что создает ощущение достоверности. Используя исторические документы, народные предания, переплетая быль с легендой, легенду с былью, автор создает целую панораму жизни своего народа. Ему удалось воскресить ретроспективно различные стороны национального бытия, осветить их социальную, психологическую, историческую подоплеку в тесной связи с судьбами людей. Все эти аспекты

взаимосвязаны и придают повествованию эпический размах.

В романе «Золотой крест» особенно ярко представлены образы народных предводителей – людей с сильной волей, прошедших большую суровую жизненную школу, военную закалку. В его второй части «Дамхур и Мамхур» изображается жестокая картина столкновения религий, жертвой которого становятся любящие друг друга молодые сердца. Описание взаимоотношений, гибели Дамхура и Мамхур по красоте и пластичности сопоставимо с великими произведениями о любви – «Ромео и Джульеттой», «Тахиром и Зухрой»...

Нравственные правила, представления о чести, порядочности привиты героям через генетическую память, через преемственность, переходящую в традиции. Принципиальность и бескомпромиссность героев поучительны для нас и сегодня: они вобрали в себя лучшие черты этноса. Автору удалось воплотить полноценные художественные образы, сохранившиеся благодаря историко-генетической памяти, фольклору, «молве» в сознании народа. Писатель хорошо осведомлен о событиях описываемой эпохи. Он легко протягивает связующие нити от одного эпизода к другому. У него что ни герой, – то целая история, за которой встает большое и характерное явление.

В основу романа-дилогии К. Джегутанова «Золотой крест», «Лаба» легли значительные исторические события. Знание жизни народа, его обычаев, душевного склада и нравственных представлений составило почву для правдивого живописания национальных характеров. Автор сумел раскрыть, говоря словами Гегеля, «дух

эпохи, дух нации». На конкретных исторических примерах жизни абазин автору удалось показать этническую разобщенность и раздробленность. И субъективное представление писателя не расходится с исторической правдой.

Айшат Дзыба

кандидат филологических наук, доцент,
заведующая отделом литературы
и фольклора народов КЧР КЧИГИ.

Антология ставропольской поэзии

Снегопад на дворе, снегопад...
Вышли вроде бы зимние сроки,
А всю ночь на фонарь одинокий
Мухи белые скопом летят.
Целый мир заслоня,

там и тут

Мельтеша, словно снежная
завесь,

То обиды, то ревность
и зависть

Меж людьми
то и дело снуют...

Все же я повторяю:
нельзя

Видеть только лишь
сеть снегопада.

Ведь она пронцаема вся
Для широкого щедрого
взгляда!

Ведь не зря,
наплывая в тиши,

Тают хлопья,
во тьме растворяясь,

Каждый миг ненароком
касясь,

То лица твоего,
то души...

**РАИСА
КОТОВСКАЯ**

Проводница

Гремя на стыках, поезд мчится.
В вагоне тусклый свет стоит.
Белье считает проводница
И недоверчиво глядит.

Она устала, отвечая
За всех подряд и всем подряд,
Где вечно требуют, скучают,
Острят, качаются, сорят...

О чем, скажите бога ради,
Хлопочет ночи напролет
Она с подругой по бригаде?
Непосвященный не поймет.

Я тоже в прошлом – проводница.
И мне ль не знать ее забот!
Я тороплюсь посторониться,
Когда она чай несет,

Чтобы нечаянным движеньем
Не оказаться на виду
С моим глубоким уваженьем
К ее нелегкому труду.

В лето 1989

1

Воздух Родины взрывчат и мглист.
Хрупкий мир ощутимо надколот.
И такой оглушительный свист,
И такой истерический хохот
Разразились, страну сотряся,
Что у слабых рассудок петляет.

Словно, нечисть былинная вся
Свой разнузданный шабаш справляет..
Нет поэзии места – и слух
Занят юмором желтым и черным.
И то взлетом захвачен наш дух,
То паденьем позорным.

2

Метя в души глумливым словцом,
Пораженья равняя с победами,
Нагнали детей на отцов
И отцов перессорили с дедами.
И, накинув удавки плотин
На умы и речные извилины,
Завопили средь русских равнин:
«Ваши души и реки заилены!
Вы- рабы богоизбранных рас!
Мы – свободы и судеб вершители!»..
Только плохо вы знаете нас,
Мало знаете нас, разрушители.
Не рабы мы, хотя б потому,
Что ни явно, как вы, ни украдкою
Не спешим на поклон ни к кому
За дешевою жизнью и сладкою.

3

Всё у нас, говорят, не годится,
Что в России у нас – не житье..
А в пословице говорится:
Та худая и глупая птица,
Что марает гнездо свое.

При любом, повторяю, режиме:
Низость – хаять родные края.
Сыт не будешь хлебами чужими.
Лучше – корка, да все же – своя.

* * *

Золото, книги, цветы,
Запах камина нагретого,
Тонкие вина и ты –
Сторож и раб всего этого.
Гости собраться должны,
Тоже рабы и охранники
Дачи, машины, жены,
Места в доходном предбаннике...
И зазвучит похвальба,
Сытая песня расхожая,
Будто Россия – раба...
Да. Но не ваша,
А – Божия.

* * *

Веток осенних пучок.
Солнышко посередине, –
Как золотой паучок,
Виснет в своей паутине.

Вот остановится, вот,
Ветви неслышно качая,
В них домовито снует,
Перебирая лучами...

Нравится осенью мне,
Миру доверившись слепо,
Молча в лесной тишине
Слушать природу и небо.

С каждой букашкой дружить
И ничему не дивиться,
Видя, как белую нить
Тянет железная птица.

Южная ночь

Я опять опускаю весло.
Ночь, темно, а просторно для взгляда.
Как таит в себе мглу и тепло
Золотистая гроздь винограда,
Так и я в себе силы коплю
Для добра и любви и для прочих
Чувств хороших...
И нежно люблю
Эти мягкие южные ночи.
Так куда ж мы с тобой поплывем,
Муж мой милый, на этой лодчонке?
Вот опять мы с тобою вдвоем
Посреди серебристой речонки.
Острый месяц у ней под полой,
Шевелятся вдоль берега ивы.
И глаза твои полнятся мглой –
То ли грустною, то ли счастливой.

Уроки пения

Школа.
Мальчишек ватаги драчливые.
Голодно.
Пасмурным днем
Песни про лето
И детство счастливое
Хором нестройным поем.

Грозно ярится,
Теряя терпение,
Учит, шалить не велит
Петр Петрович,
Учитель по пению,
Юный – уже инвалид.

Раненый в годы войны
И контуженный,
Сам он не пел, а хрипел
Голосом,словно
Навеки простуженным...
Все. Отучил и отпел.

Как опустели –
Засаженный сливами
Дворик, учительский дом!
Детство то было
И вправду счастливое,
Как поняла я
Потом.

Лампада

Ты отличал в потемках сада
Плоды добра от плевел зла,
Пока с тобой твоя лампада –
Светильник совести – была.

Стоишь во тьме среди распада...
Но звезды светят там и тут,
Как будто ангелы куда-то
Свои светильники влекут.

Душа, как пойманная, бьется
От каждой тучки небольшой.
Вот каково тебе живется
При свете совести чужой.

Уходят из жизни писатели, оставившие глубокий след в литературе Ставрополья, но живёт их наследие, которое несёт в себе духовный потенциал, способный сослужить добрую службу новым поколениям. Хочется сберечь имена, достойные памяти потомков, обратить внимание читателя на творчество носителей этих имён.

Девять лет назад ушла из жизни Раиса Котовская, на 57-м году. День её рождения – 6 января – это канун великого православного праздника...

Ее уроки пения

Появление на свет перед самым Рождеством Христовым – не знак ли это судьбы, некоего предопределения? Таинственное и многозначительное совпадение дат всегда производит магическое впечатление. Как и поэзия. Настоящая. Если о поэте можно без преувеличения сказать: поцелован Богом...

«Когда человек умирает, изменяются его портреты...» Какни права в своём наблюдении Анна Ахматова, для меня портреты Раисы Котовской стали меняться ещё при жизни: с обложки последней её книги «Судный день» смотрит на читателя до странно-

**ЕЛЕНА
ИВАНОВА**

Литературо- ведение

сти незнакомая мне Раиса: в повязанном «домиком» платочке, в образе смиренной богомолки... Между тем, мы были знакомы с юных её лет, и она жила в моём представлении совсем-совсем иной.

Долгие годы нас связывала творческая дружба. Я, будучи старше на десять лет, шла впереди и стала одной из рекомендующих при её вступлении в Союз писателей СССР. Это был первый человек на ставропольской земле, с которым я довольно тесно сошлась, оказавшись по окончании факультета журналистики МГУ в Пятигорске. Даже не помню, как мы познакомились. А вот первая наша совместная «вылазка» на природу, в Лермонтове, городке, где обосновалась с юности Рая, оставив родительскую семью в Минеральных Водах, запомнилась очень хорошо.

...Знойный летний день, нас было четверо. Рая пришла со своей семьёй: муж и сын от первого брака – маленький Алёша. Поспешили, конечно, «в холодок», под сень близлежащей рощи. В моём представлении всё ещё были живы чудесные лесные картины родной мне Брянщины, по которым я испытывала острое ностальгическое чувство, а тут мне пришлось пережить разочарование: ни мшистой мягкой травки-муравки, ни кудрявых папоротников, ни стройных деревьев. Под ногами оказалась буквально звенящая от зноя сухая и колючая растительность, и никакого тебе подлеска – одни мученически искривлённые стволы деревьев, снизу голые, покрытые серым мхом... Любоваться было нечем, решили доставить себе удовольствие традиционным способом: разостлали на земле «скатерть-самобранку» с нехитрым угощением.

Разговор не клеился. Супруг моей подруги больше помалкивал. Говорить в его присутствии о том, что нам обоим было интересно, а ему – нет, было неуместно...

Я работала в то время редактором краевой телестудии, и мне нередко доводилось выезжать на съёмки в разные уголки края. Однажды в каком-то селе я увидела картину, которая врезалась мне в память: белоснежная лебедь плавает в одиночестве в искусственном водоёме... Здешний житель рассказал мне её историю: совершала в стае перелёт и врезалась в электрические провода... Люди подобрали, выходили, и она осталась здесь навсегда.

*...Отходили... Но в стаде гусей
Над кормушкою с пареной репой
Вдруг толкаться расхочется ей
В суете насыщенья нелепой.
И гусыни шипят всё смелей,
Гусаки смотрят тупо и косо.
Выгибается шея у ней
Точно знак удивлённый вопроса...
И когда, догорая, заря
Бросит в лужу прощальные блики,
В сытом гоготе мечутся зря
Лебединые страстные клики...*

Как-то на совместном выступлении в одном из эссентукских санаториев я прочла это стихотворение и потом сказала своей младшей подруге, что написала его после того нашего общения на природе. «Почему?» – удивилась Рая. Похоже, сама она не осознавала до конца своего положения белой лебеди в стаде домашних гусей – пообвыкла, притерпелась... Я же, ещё не зная её судьбы, её окружения, сердцем почувствовала всю чужеродность её поэтической души тому, что составляло внешние основы её бытования на этой земле. И не ошиблась в своём внезапном грустном прозрении.

Мятущаяся душа словно бы рвётся из силков серой приземлённой обыденности на волю – и вырваться не может. Вот где истоки саморазрушительного по-

ведения иных поэтов, натур тонких и ранимых. Там, возможно, и одна из причин смертельной болезни Раисы и безвременной её кончины. Она сама поняла это и однажды в молодёжной аудитории стремилась предупредить своих слушателей от пагубных привычек, связав напрямую рак лёгких с курением, к которому пристрастилась ещё в подростковом возрасте.

Жизнь не баловала мою младшую подругу. Её, как запряжённую в телегу конягу из её же стихотворения, не признающую правила – держаться потока, стороны, – мотало из крайности в крайность. Она напоминала мне человека, ступающего высоко над землёй по туго натянутому канату без какой-либо страховки (сравнение не моё – пришвинское – по отношению к писательству вообще). И по-другому жить не хотела. Порой Раиса в досаде даже обвиняла в филистерстве своих пишущих коллег из числа тех, кто, руководствуясь инстинктом самосохранения, держался за что-то прочное – за работу, дающую средства к жизни, за дом, семью. Мне она однажды словно бы шутя сказала: «Ты, Лена, слишком правильная, прямая. Тебя не мешало бы немного покривить». А через годы будет себе же противоречить, с одушевлением предлагая в дружеском застолье тост – за меня, которая идёт по жизни с ребёнком на руках «сама, одна», оставаясь постоянно в упряжке обременительных служебных обязанностей.

Рая жила по-другому. Она хотела заниматься лишь тем, что было ей интересно, что составляло её призвание. Не раз в наших разговорах сетовала на «происхождение»: увы, предки не оставили нам в наследство состояния и крепостных, развивающей среды. И как тут без опор? Но опоры, которые Раиса стремилась найти для себя, оказывались ненадёжными. Два брака распались, от них остались два сына. О своей женской судьбе она напишет так:

*На бетоне, под плоскою крышей,
Вью гнездо, создавая уют.
Несравненно, значительно выше,
Чем обычно пернатые вьют.
Породнит меня ними отныне
Чувство ужаса, - смерти сродни:
Как с птенцами я буду моими,
Ведь совсем же без крыльев они!..*

В конце жизненного пути Раиса, никогда не склонявшаяся к аскетическому образу жизни, неожиданно для меня обратилась к религии и стала прилежной прихожанкой православной церкви. Она истово соблюдала обрядовую сторону вероисповедания, а это: коленопреклонённые молитвенные стояния в храме перед образами, неукоснительное почитание всех церковных праздников, паломничество ко святым местам...

В её набожности, в этой кажущейся для непосвящённых внезапности перехода из одного состояния в его полную противоположность мне чудилось нечто противоестественное, даже болезненное. Я была и остаюсь человеком реальных чувств, хотя не чужда богоискательства, только по-своему. Наши пути разошлись...

Прошли годы, и время отсеяло неизбежные в человеческих взаимоотношениях шелуху, полону, оставив одно полновесное зерно. Я читаю стихи Раисы Котовской и вижу, что каждое её слово оплачено пережитым. Написала она сравнительно немного, да иначе и быть не может, когда поэт пропускает каждую строку через своё сердце. Её творчество заслуживает и пристального внимания читателей, и самого серьёзного литературоведческого исследования. Я же скажу здесь только о стихах, написанных в последние годы жизни.

В лучших стихотворениях Раисы Котовской зрелого периода отразились те сильные стороны её дарования, которые обратили на него внимание ценителей поэзии ещё со времени выхода в свет её сборника стихов «Станция формирования» – в серии «Первая книга в столице»: это самостоятельность мышления, духовная и гражданская зрелость автора, способность идти против течения, наперерез волне.

Нынче мы «зацитировали» Достоевского, то и дело повторяя: «Красота спасёт мир». Но вот послушайте:

*Красота, говорите?
Тщета.
Не спасёт она мир, пропащая.
По рукам пошла красота,
Словно знамя переходящее –
За валюту и за враньё.
Рано праздновать воскресение.
Нынче время – спасти её,
Чтобы ждать от неё спасения.*

Сказала так, словно одним ударом вбила в доску гвоздь по самую шляпку – не выдернуть! Вот оно – подлинно художественное.

Каждому пишущему стихи, кто научился подмечать как сильные, так и слабые стороны в своём творчестве, знакомо искушение – помудрствовать лукаво. Лукавство получается, разумеется, невольное: как сказал Тютчев, «мысль изречённая есть ложь». Не лживо только подлинное чувство, не лжив поэтический образ, заключающийся в себе бездну смысла. Раиса Котовская, будучи истинным поэтом, мыслит образами недюжинной силы – как тот, которым завершается приведенное стихотворение.

У кого-то из литературоведов я прочла такую запомнившуюся мне мысль: то, что современно в момент написания, оказывается современным и впоследствии. Вероятно, это так и есть. Ведь современность в художественном произведении (не путать со злободневностью!) – глубинное подводное течение, где настоящее проистекает из прошлого и устремляется в будущее.

Стихи Раисы Котовской в высшей степени современные.

Я знаю, она верила в долговечность своего Слова, и полагаю, что в этом не заблуждалась. Её стихи способны выдержать проверку временем. Только вот вопрос: выдержит ли проверку временем само наше общество? Не отвратится ли оно, как уже бывало, от своих исконных родовых святынь, от света Истины, не замкнётся ли духовно в стяжании, в скудоумной пресыщенности плотскими удовольствиями? Похоже, всё к тому и движется...

...«Уроки пения» – так называется одна из книг Раисы Котовской. Многозначительное название: разве не получаем мы духовно-нравственные уроки, обращаясь к подлинной поэзии? С этим утверждением номинального свойства соотносится и стихотворение о «пичужке с серебряным горлышком», в «котором много несхожих живёт голосков»:

Но один из них – грустный – в сознание моё

Закатился с утра, как горошина...

Это – редкая птица:

душа у неё

Не простая – большая, хорошая.

Про эту Раину пичужку почему-то вспомнилось мне в горький час прощания, на кладбище, где после отпевания в сельском храме близ Минераль-

ных Вод мы хоронили своего ушедшего из жизни товарища по перу.

Был ясный, тёплый, какой-то по-весеннему солнечный день, как будто это вовсе не конец января. Словно бы Божья благодать разлилась над этими степными просторами, над землёй, изготовившейся разверстым зевом принять в себя ещё одну изболевшую и отстрадавшую человеческую плоть. А дух?.. Так хочется уверовать в христианскую православную заповедь о бессмертии души. Эта душа – веровала...

Пережитое в тот день прощания вылилось у меня в строки, посвящённые памяти Раисы Котовской:

*Есть в мире птиц и вёроны, и грифы,
От них не жди сочувствия, добра.
Ты – пела! То пронзительно, то тихо.
По этой песне ты мне и сестра.
Когда ярилась в наших судьбах вьюга,
Крыло в крыло мы не были с тобой.
И что с того... Пернатая подруга!
Как тесен твой скворечник под землёй...
Но песня – вот! Январский день лучится,
Как будто бы среди зимы – весна.
И, сидя на кресте, поёт синица,
Знать, песнь твою подслушала она.*

Мордовцев на Кавказе

Уроженец Дона Даниил Лукич Мордовцев (1830–1905), историк, литератор, публицист, путешественник, один из тех русских писателей, чье имя в течение длительного периода незаслуженно оказалось забытым для широкой читательской аудитории. Исчезли на долгие годы с книжных полок его исторические романы, очерки путешествий, фельетоны, страстная публицистика эпохи Великих реформ 1860-1870-х гг. И лишь во многом благодаря краеведам, библиотекарям, любителям литературы, словом, всем тем, кто всегда оставался верен традициям и любви к родному краю перед лицом «великих государственных свершений», удалось не только сохранить память об этом замечательном писателе, но и в меру сил восстановить интерес к творчеству Мордовцева. Творчеству незаурядному, порой противоречивому, но всегда – искреннему, открытому, чистому душой и наполненному любовью к простому народу, которого единственно считал Мордовцев самой главной исторической силой и истории которого посвятил всю свою жизнь.

**АЛЕКСЕЙ
УСТИНОВ**

Краеведение

Неоднократно издавались произведения Мордовцева и на Ставрополье. Важно, что происходило это тогда, когда «возвращение» писателя только начиналось. И этому есть простое объяснение: Северному Кавказу Мордовцев никогда не был чужим. В течение целого ряда лет в Кисловодске проводил он летние месяцы, путешествовал по Кавказу, добравшись однажды до горы Арарат. Кавказу Мордовцев посвятил не только целый ряд исторических произведений, но и новелл, популярных в его время очерков дорожных впечатлений. Словом, значительная часть жизни Мордовцева связана с Кавказом, который он любил и куда он едва ли не каждый год мечтал отправиться, без сожалений меняя сырое и неприхотливое невское лето на залитые солнцем красоты кавказских предгорий.

Кавказ для Мордовцева – это летний отдых в Кисловодске, манящие своими неприступными вершинами горы, это путешествие на Арарат. В литературном творчестве кавказские мелодии слились в несколько исторических романов, а также стали фоном для ряда очерков и новелл, созданных Мордовцевым по следам курортных впечатлений. Кавказская тема для писателя была по-своему дорога, потому что была непосредственно связана с глубоким личным переживанием свободы, с возможностью уединиться, поразмышлять, напитаться творческими силами.

«Вот уже четвертый день как в Пятигорске, писал Мордовцев в июне 1879 года своему другу, издателю и журналисту А. С. Суворину. – Лазил по Машуку и испытал одно из величайших наслаждений в жизни – чистую и высокую отстраненность от чего-то такого, что гнетет нас на равнине, внизу, в юдоли обыденной жизни. Полез было на Бештау, но без проводника: проплутал верст 15 у подножия горы, в непроходимых дебрях, – и воротился в Кисловодск,

полный решительности взойти на проклятую гору, лишь только перестанет дождь». Читая эти строки, живо представляешь себе это неудавшееся восхождение «туриста» позапрошлого века, но и вместе с ним словно заряжаешься этой энергичной мечтой взобраться на Бештау. Воспетый Лермонтовым «задумчивый Бешту» привлекал многих русских путешественников, среди которых было немало и поэтов и художников. О восхождении на горы окрест будущего города Пятигорска писал своему брату Льву Александр Сергеевич Пушкин: «Жалею, мой друг, что ты со мною вместе не видал великолепную цепь этих гор, ледяные их вершины, которые издали, на ясной заре, кажутся странными облаками, разноцветными и недвижимыми; жалею, что не всходил со мною на острый верх пятихолмного Бешту, Машука, Железной горы, Каменной и Змеиной».

Если в годы первого пушкинского путешествия на Кавказ Пятигорье еще не стало городом, то уже с середины XIX века Пятигорск превратился в популярный туристический курорт, а к 1895 году оказался и связанным с центральной частью России прямым железнодорожным сообщением.

Но во времена Мордовцева, конечно, основным способом передвижения по Кавказу был конный транспорт. «Проехал я и кавказские горы, сынку, – неделю спустя рапортовал Суворину Мордовцев, на этот раз из Тифлиса. – Какая масса впечатлений легла на душу!». И, судя по просьбе опубликовать в одной из петербургских газет статью, даже в дороге Мордовцев не оставлял литературный труд. Нисколько не сомневаемся, что именно кавказские пейзажи питали вдохновение популярного писателя, как до этого таланты Пушкина, Лермонтова, Льва Толстого... Наверняка в том 1879 году у Мордовцева и родилась идея подняться на Арарат, которую ему удалось осуществить спустя три года.

После выхода в 1885 году в отставку с поста редактора «Журнала министерства путей сообщений», который ему удавалось почти в течение десятилетия совмещать с активной литературной деятельностью, Мордовцев перебрался в Ростов-на-Дону. И все эти годы до самой смерти писатель проводил лето на Северном Кавказе, чаще всего в Кисловодске. Родные братья Мордовцева, известные ростовские купцы, накануне 1873 года записали в купеческое сословие и его самого – с учетом достаточно стесненного на тот момент положения литератора, который был вынужден оставить службу при саратовском губернаторе. Записали, разумеется, формально. Мордовцев и не думал оставлять литературную деятельность ради торгово-промышленной. Более того, после выхода в свет романов «Идеалисты и реалисты» (1878), «Лжедмитрий» (1879) и «Великий раскол» (1880), печатая затем ежегодно несколько становившихся неизменно популярными произведений, Мордовцев приобрел славу и статус ведущего исторического романиста, наряду с Г. П. Данилевским и Е. А. Салиасом. Романы публиковались сначала в журналах, а затем расходились тиражами до 2-3 тысяч экземпляров, что приносило их автору сумму около 2 тысяч рублей в год. Это позволяло поправить пошатнувшиеся было дела, устроить достаточно благополучную жизнь в Петербурге. На лето Мордовцев перебирался в Ростов и Кисловодск.

Следует отметить, что мотивы путешествий по историческим местам древних цивилизаций у Мордовцева оставались неизменными: им влекло страстное желание лично прикоснуться к камням и руинам прошедших эпох, собственным взглядом окинуть те просторы, которые очаровывали множество предыдущих поколений. Не слишком до-

веряя истории, Мордовцев более верил географии. «История всесветная лгунья: сегодня отрицает то, что вчера утверждала, не зная истинных документов», – полусерьезно рассуждал он в афористической манере в письме к Суворину. «Что толку человечеству от того, какая у Ивана Грозного палица: дубовая или осиновая, – откровенничал он с Н. И. Костомаровым. – Все равно палка, только такая, которая сразу убивала человека».

И если летом 1881 года Мордовцев посетил «поэтический Египет» и пропутешествовал по священным для каждого христианина евангельским местам Палестины, то на следующий год ему было суждено отправиться на Арарат, чтобы воочию увидеть «колыбель современного, слепопотопного, человечества».

Надо сказать, что готовился к путешествию Мордовцев основательно, не как праздный литературный турист, ищущий новых вдохновений для своей пресыщенной музыки, но как настоящий горно-восходитель.

Кроме желания историка увидеть своими глазами библейские места, Мордовцевым руководило и еще одно чувство, не менее значимое. «Кто из мыслящих людей не испытывал на себе тяжелого, удручающего гнета общественной жизни последних лет, писал Мордовцев в своем очерке о путешествии на Арарат, объясняя мотивы своего решения отправиться на гору. – Убегал и я в эти тяжелые годы далеко от горемычной родины, убегал с таким чувством, как будто бы искал убежать от самого себя». Напомним, что это было время после царевубийства 1 марта 1881 года, когда трагически оборвалась жизнь Александра II «Освободителя», а вместе с ней оказались низвергнутыми и надежды

на продолжение и развитие реформ... Мордовцев, как активный участник пореформенной полемики и один из ведущих публицистов своего времени, участвовавший в таких популярных изданиях, как газета «Голос», журналы «Дело», «Отечественные записки» и др. воспринимал происходившее в стране сворачивание реформ как глубокую личную трагедию. Во многом от невозможности говорить о дне сегодняшнем он и обратился к жанру исторической прозы, пытаясь с помощью художественных образов объяснить читателю-современнику всю пагубность раскалывающего общества политического размежевания. Путешествия же, в том числе и на Кавказ, были для Мордовцева прекрасной возможностью не только отдохнуть, но и, оставшись наедине с собой, отрешившись от столичных политических новостей, запастись вдохновением на год вперед. Отнюдь не случайно, что литературными результатами этих поездок становились публикации очерков – не только обстоятельных и подробных, но и написанных в легкой и вместе с этим искренней манере. И эта доверительность находила живой отклик читателей. «Прочитав в №№ 1 и 2 «Вестника Европы» путевые впечатления Мордовцева “По Испании”, мне страстно захотелось быть в этой оригинальной и далекой стране», писал академик А. Н. Пыпину иркутский врач В. Г. Дехтерев.

Итак, 24 июля 1882 года Мордовцев выехал из Петербурга и к началу августа смог добраться до Тифлиса, рассчитывая 6 числа подняться на Арабат. Мечтал писатель привезти обратно в столицу «хоть щепочку допотопного фрегата», имея ввиду найти хоть какие-то останки от мифического Ноева ковчега. Надо сказать, что как сотрудник министерства путей сообщений Мордовцев имел при себе

«открытый лист», согласно которому местным властям предписывалось обеспечить ученому «надлежащий конвой из земской стражи». К сожалению, никто из тех, с кем Мордовцев предварительно договаривался о совместном путешествии, ни горный инженер фон Кошкуль, ни инженер Лохтин, составить компанию петербургскому ученому не смогли. И на восхождение, едва не стоившее писателю жизни, Мордовцев был вынужден отправиться один.

По дороге на Арарат Мордовцеву довелось встречать не только местных «татар», как он называл горцев, но и ссыльных русских молокан – сектантов, отправленных по указу императора Николая I в 1830-х гг. на поселение в закавказские провинции. Для них, переселенцев, «Россия – такая же неведомая “чужа дальняя сторона”, как и Новая Гвинея, куда сослал себя добровольный мученик науки Миклуха-Маклай», и тут не обошелся Мордовцев без искусного обобщения, вспоминая при этом знаменитого этнографа, своего соседа по дому № 6 в Столярном переулке в Санкт-Петербурге.

Примечательным оказалось и посещение села Дарачичаг, и все потому, что на время летней жары сюда переселялись семейства представителей ереванских властей. «Поэтому, при въезде в этот совершенно мужицкий поселок, удивлялся Мордовцев, странно бросаются в глаза снующие по улицам совершенно немужицкие физиономии и костюмы: эlegantные барыни и барышни в модных платьях, красиво одетые дети богатых родителей с нянями и боннами, губернские львы и молодые пижоны (pigeons), офицеры и генералы в кителях, полицейские чины и солдаты; тут же рядом молокане, в своих совершенно московских кафтанах и красных рубахах, молоканки в чистеньких платьицах и белых передниках».

Обходя окрестности селения, Мордовцев не мог не отдать дань восхищения древней армянской архитектуре: «Что за чистота, изящность отделки! Что за величавость и красота в целом!». Руины, развалины, могильные плиты, и тут же рядом с ними буйное цветение, такое соседство не могло не настраивать писателя на философские рассуждения: «и что такое это разрушение, если не сама жизнь, вечная, бесконечная!».

Большую роль в подготовке восхождения на Арарат сыграли служебные письма. К Мордовцеву был прикреплен казачий отряд во главе с знаменитым героем обороны крепости Баязет хорунжим Иваном Федоровичем Сиволобовым, имя которого, как подчеркивает литератор, в 1877 году «не сходило со столбцов русских газет».

Подъем на гору, как и предсказывали опытные и знающие люди, действительно оказался очень тяжелым. А для самого Мордовцева он едва не обошелся ценой жизни. «Но что это был за ужасный путь! Умирать буду – не забуду той страшной ночи... Уже после, в Ростове, когда я метался в болезненном бреде, в воспалении (вот до чего довел меня Арарат!), и затем в Петербурге, в жару лихорадки, я не один раз переживал эту ужасную ночь. Я падал в пропасть, меня увлекал в бездну горный поток... я умирал под придавившими меня ледниками...». И именно твердая рука Сиволобова спасла писателя от гибели, не дав тому сорваться с лошади в бездну ущелья. Но потом, во время тяжелейшей болезни, в горячечном бреде Мордовцев снова и снова переживал ужас своего возможного падения, которого, к счастью, все-таки не случилось. Все-таки ему было уже 52 года, что, по меркам того времени, давало писателю полное право называть себя «стариком».

И все-таки Мордовцев не утратил сил и дерзновения накануне решающего перехода. Перед видом

самой горы на время хворь отступила. Да и как мог отказаться литератор от своего намерения, если это был столь долго и тщательно вынашиваемый замысел. «Кто бывал на высоких горах, кто взбирался хотя бы на Чатыр-Даг, на Бештау, на Машук или на Монблан, тот поймет меня. Чувствовать при каждом новом усилии, что ты возносишься все выше и выше, побеждать препятствия и опасности, при виде которых иногда захватывает дух, оглянуться потом на пройденное пространство, видеть, как далеко расширился горизонт, и как бы владычествовать духом над всем тем, что глубоко и далеко раскидывается перед тобою, это одно из величайших, могучих наслаждений человеческого духа», в этих словах Мордовцев предстает перед читателем как настоящий философ альпинизма и горных путешествий.

Перед восхождением отряд Мордовцева и Сиволобова въехал в куртинское селение, жители которого встретил путешественников сначала неприветливо, но затем все-таки предложили свою помощь.

По дороге на вершину Мордовцев окончательно разболелся. Его охватила страшная жажда. Помня рассказы солдат, которые, чтобы вызвать во время жары слюноотделение, клали в рот пули, подобным образом пытался справиться с изнуряющей сухостью во рту. Увы, ничего не помогало. В курдском селении, где в честь гостей приготовили барашка, а спутники Мордовцева готовились откупорить бутылку кахетинского вина, силы литератора покинули. Экспедиции ничего не оставалось, кроме как повернуть обратно, в сторону Эривани и Тифлиса.

Вернувшись в Россию, Мордовцев долго и тяжело болел. Друзья даже опасались за его жизнь и повод к тому был. По дороге на Арарат он подхватил лихорадку – азиатскую, или кавказскую, как

говорили тогда. Писателю выхлопотали отъезд во Францию на знаменитый курорт Ментон, где он смог поправить свое здоровье, а также составить свои записки «На Арарат», опубликованные в 1883 году «Журналом романов и повестей» приложением к издаваемому П. А. Гайдебуровым еженедельнику «Неделя».

Среди исторических произведений, созданных писателем на «кавказские» темы, следует выделить роман «Прометеево потомство», посвященный последнему периоду независимости Абхазии 1800-х гг., а также повесть «Кавказский герой» о знаменитом Хаджи-Мурате, одном из предводителей сопротивления российскому наступлению на восточный Кавказ.

Ему было уже далеко за 70, и все равно он всякий раз мечтал оказаться в Кисловодске, среди друзей и близких. «Вот поеду на Кавказ, заявил он как-то заглянувшему к нему на чашку кофе И. И. Ясинскому, – там родные есть, да и в горы потянуло». «Кисловодск, дача Мордовцева», с таким обратным адресом отправлял многочисленные письма своим друзьям, коллегам и поклонникам писатель в последние несколько летних периодов своей жизни. Всюду, где бы он ни появился, вокруг него могла образоваться небольшая толпа почитателей его таланта. Особенно его привечала молодежь, причем не только 1870-х годов, когда его популярность достигала едва ли не высшей своей точки благодаря активной публицистической деятельности и циклу исторических очерков на темы «политических движений русского народа», но и молодежь 1890-х годов и даже 1900-х. Отвечал Мордовцев тем же. Ей, замечательной русской молодежи, посвящены очерки и новеллы цикла «Кавказские курорты», роман «Знаменья времени».

Сведения об авторах

Берег Игорь (Пидоренко Игорь Викторович). Родился в 1953 году в Ставрополе. Выпускник Пятигорского института иностранных языков. Работал журналистом, переводчиком, редактором книжного издательства. Известный писатель-фантаст и автор приключенческих произведений. Лауреат литературной премии им. А. Фадеева СП России и премии губернатора Ставропольского края им. А. Губина. Член Союза писателей России. Живет в Ставрополе.

Гончарова Елена Михайловна. Родилась в Ставрополе. Окончила Ставропольский госуниверситет. Автор книг «Трамвайчик» и «Полосатый понедельник». Лауреат премии губернатора Ставрополья. Член СП России. Живет в Ставрополе.

Джегутанов Кали Салим-Гериевич (1927 – 1987). Классик абазинской литературы. Родился в ауле Кубина Карачаево-Черкесии. С юношеских лет трудился в колхозе, затем учительствовал, работал радиожурналистом. Окончил Пятигорский педагогический институт и Высшие литературные курсы СП СССР. Поэт и прозаик. Автор многих книг, вызывающих неизменный интерес у читателей и коллег по перу.

Иванова Елена Львовна. Родилась на Брянщине. Окончила факультет журналистики МГУ. Работала в газетах, на телевидении. Автор десяти сборников стихотворений. Член Союза писателей СССР и России. Лауреат премии губернатора Ставропольского края. Живет в Ставрополе.

Комаров Михаил Алексеевич (1924 – 1986). Уроженец села Китаевского Ставропольского края. Участник ВОВ. Награжден боевыми орденами. Окончил Ставропольский сельхозинститут. Работал в колхозе, партийных органах. Стихи публиковались в периодике и коллективных сборниках.

Котовская Раиса Николаевна. (1951 – 2007). Известная ставропольская поэтесса. Родилась в г. Минеральные Воды. Окончила Литературный институт им.

Горького. Автор многих поэтических сборников. Член Союза писателей СССР и России. Лауреат литературной премии губернатора Ставропольского края им. А. Губина.

Куприн Александр Иванович. Родился в 1940 г. в селе Каново на Ставрополье. Окончил Ростовский институт народного хозяйства. Сменил несколько профессий. Член Союза писателей России, секретарь правления СП России, руководитель краевой писательской организации. Автор многих поэтических книг. Отмечен государственными и региональными наградами. Живет в Пятигорске.

Нарыжная Валентина Васильевна. Родилась в хуторе Гремучем на Ставрополье. Закончила культпросветучилище. Долгие годы работала директором станичного Дома Культуры. Автор поэтических сборников: «Земные чары», «Колокола России» и др. Лауреат краевой музыкальной премии. Член Союза писателей России. Живет в станице Новомарьевской.

Подольский Станислав Яковлевич. Родился в 1940 году в Кисловодске. Окончил Новочеркасский политехнический институт. Автор многих книг стихотворений и прозы. Дважды лауреат премии губернатора Ставропольского края. Член Союза российских писателей. Живет в Кисловодске.

Скрипаль Сергей Владимирович. Родился в 1960 году в г. Темиртау Казахской ССР. Окончил Ставропольский педагогический институт. Учителем. Принимал участие в боевых действиях в Афганистане, отмечен правительственными наградами. Автор нескольких книг прозы. Лауреат премии губернатора СК им. А. Губина. В течение последних лет работает в газете «Ставропольская правда». Член Союза писателей России. Живет в Ставрополе

Устинов Алексей Валерьевич. Родился в 1968 г. В Москве. Окончил Литературный институт им. Горького. Кандидат филологических наук. Прозаик, публицист. Живет в Москве.